

ПИОНЕР

ИЮЛЬ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1966 г. 7

1941
1966
ЗА ОБОРОНУ МОСКВЫ

ОПЕРАЦИЯ «ЦВЕТЫ НА БРУСТВЕРЕ»

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

ИЮЛЬ 7

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1966 г.

С рюкзаком за плечами ты пересекаешь поля и реки, шагаешь лесными тропами и проселочными дорогами и часто не знаешь, что идешь дорогами минувшей войны.

Ты встречаешь на своем пути осыпавшиеся окопы, брустверы, поросшие цветами, и, может быть, даже не догадываешься; что двадцать пять лет назад вот этот ров, этот холм были боевыми укреплениями, защищающими солдат от огня, ран, смерти.

Ты не видел войны. Ты родился, когда отгремели последние выстрелы, и победа, которую в долгих и жестоких боях завоевал твой отец и дед и отцы и деды твоих сверстников, дала возможность тебе, нам всем жить свободно и спокойно, так, как мы хотим.

Ты не знаешь войны. Но ты слышал о ней от старших. Ты не мог о ней не слышать, потому что эта война пришла в каждый наш дом, в каждую семью и стала нашей историей.

Нельзя не знать о сражениях, не помнить о подвигах и героях Великой Отечественной войны, потому что каждому человеку важно понять, как жили, за что сражались и умирали его отцы и деды. Ведь своей жизнью ты продолжаешь историю, начатую теми, кто жил до тебя, историю твоей страны, твоего народа.

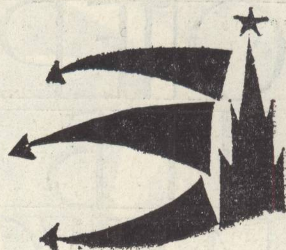
В память об одной из великих битв этой войны, в честь двадцатипятилетия победы наших войск под Москвой, журнал «Пионер» проводит операцию «Цветы на бруствере».

Пусть память о тех, кто сражался, живет в наших сердцах!

Пусть всегда цветут на брустверах цветы!

Для проведения операции «Цветы на бруствере» в редакции журнала «Пионер» создан Штаб. Начальник Штаба — маршал Советского Союза Филипп Иванович Голиков.

Члены Штаба: генерал-майор П. Д. Гудзь, генерал-майор П. А. Еремин, полковник М. В. Бронников, писатели-фронтовики А. А. Бек, Е. З. Воробьев, С. А. Баруздин.

Всем участникам операции «Цветы на бруствере».

1 июля 1966 г.

1. Операция «Цветы на бруствере» в честь 25-летия разгрома немецко-фашистских полчищ под Москвой проводится с 1 июля по 31 декабря 1966 года.

2. В операции «Цветы на бруствере» принимают участие пионеры, пионерские звенья, отряды, дружины, группы красных следопытов — разведчиков боевой славы Советского Союза.

3. Цель операции «Цветы на бруствере» — познакомиться с историей Московской битвы.

4. Для достижения поставленной цели участникам операции надлежит:

а) Знакомиться с материалами, документами, книгами, рассказывающими об исторической битве под Москвой.

б) Находить участников Московского сражения. Записывать и присылать в Штаб их рассказы о боях и подвигах в Подмосковье. Зарисовать места боев и сделать простейшие схемы.

в) Разыскивать материалы, документы, фотографии, письма, листовки, газеты, рассказывающие о Московской битве. Обо всех находках немедленно сообщать в Штаб.

г) Пройти по местам боев в Подмосковье. И не только вдоль шоссе и железных дорог. Расспросить жителей окрестных сел и деревень. Проверить, в каком состоянии могилы павших советских воинов. Уточнить обстоятельства их гибели. Принять посильное участие в благоустройстве памятных мест. Доложить о проделанной работе в Штаб.

д) Создать в школах, клубах, Дворцах пионеров музеи, комнаты и уголки боевой славы ваших земляков, учеников и учителей вашей школы, защищавших столицу нашей Родины.

е) Всегда и везде оказывать помощь и внимание семьям погибших воинов, ветеранам Великой Отечественной войны.

ж) Выполнять отдельные задания Штаба операции «Цветы на бруствере».

5. Выполнение задач операции начинается со дня получения седьмого номера журнала «Пионер».

6. Донесения участников операции присылать по адресу: Москва, п/я 2331.

Маршал Советского Союза Ф. И. ГОЛИКОВ.

ОТДЕЛЬНЫЕ ЗАДАНИЯ ШТАБА ОПЕРАЦИИ «ЦВЕТЫ НА БРУСТВЕРЕ»

● Разыщите воинов 862-го зенитно-артиллерийского полка, защищавшего в 1941 году Московский Кремль. Узнайте и расскажите об их боевом пути в годы Великой Отечественной войны, о том, как они живут и трудятся сегодня.

● В обороне Москвы участвовал 1-й Воздухоплавательный полк аэростатов заграждения.

В фондах Центрального музея Вооруженных Сил СССР хранится альбом «Девушки войск ПВО - на защите Москвы». Помогите (через районные военкоматы) разыскать бывших воинов этого полка. Узнайте, как они защищали небо Москвы, как живут сейчас.

● В боях за деревню Рябинки в районе Белого Раста был совершен такой же подвиг, который позже совершил Александр Матросов. Сержант 1319-го стрелкового полка 185-й дивизии В. В. Васильковский закрыл грудью амбразуру дзота, обеспечив успех атаки своих товарищей. Соберите документы, фотографии о жизни и подвиге сержанта Васильковского.

● В городе Волоколамске немцы схватили и повесили восемь московских комсомольцев, которые перешли линию фронта для установления связи с партизанами.

Известны их имена («История Великой Отечественной войны Советского Союза», т. 2, стр. 290). Узнайте, как жили до войны, как боролись в дни войны эти герои, живы ли их родственники, как хранят о них память волоколамские школьники.

● В экспозиции Центрального музея Вооруженных Сил СССР хранятся комсомольские билеты трех воинов 201-й Латышской стрелковой дивизии, погибших под Москвой. Вот их имена: Иристс Александр Донатович, Ренько Робертс Лукашевич, Рейнхолдс Роберт Яковлевич.

Школьники Латвии! Разыщите родственников героев, расспросите о жизни и боевом пути славных сынов латышского народа, соберите фотографии, вещи, документы, расскажите о героях-латышах. Школьники Наро-Фоминска! Пройдите по местам боев 201-й дивизии, отыщите места захоронения этих воинов.

● 27 ноября 1941 года на защиту Москвы с Тихоокеанского флота прибыла 71-я отдельная морская стрелковая бригада. Она сражалась в составе 1-й Ударной Армии в районе Дмитров—Яхрома, освобождая села Языково, Борисово, Гончарово, Семенково; в районе Солнечногорска, освобождая деревни Тимоново, Власково, Калигино, Алферьево, Владыгино, г. Солнечногорск; в Шаховском районе, освобождая деревню Бабенки, села Ново-Никольское, Раменье, Ивашково, Плоское.

Следопыты Дальнего Востока! Разыщите ветеранов 71-й бригады дальневосточников, сражавшихся под Москвой, и расскажите о том, как в 1941 году они защищали Москву, как живут и трудятся сейчас.

Следопыты Подмосковья! Разыщите могилы моряков Тихоокеанского флота, прибывших защищать Москву и отдавших за нее жизнь.

● В числе других воинских соединений Советской Армии Москву защищала 144-я стрелковая Краснознаменная ордена Суворова дивизия. Она входила в 5-ю армию генерал-майора артиллерии П. А. Говорова. В октябре—ноябре 1941 года дивизия занимала оборону на рубеже Терехово — Локотня — Крюково, а с 22 ноября 1941 года обороняла Звенигород.

В 1958 году стало известно о подвиге воинов 612-го полка 144-й дивизии, которые в феврале 1942 года на 152-м километре шоссе Москва — Минск вступили в бой с фашистскими танками, рвавшимися к Москве. Об этом рассказала записка рядового полка Александра Виноградова, написанная перед смертью. Записка была вложена в стреляную гильзу и найдена в дупле березы в 1958 году. Сейчас она хранится в Центральном музее Вооруженных Сил СССР.

Разыщите воинов 144-й дивизии, расскажите, как защищали Москву воины этой дивизии.

● 19 октября 1941 года начался кровопролитный бой в районе села Осташево. Вел бой батальон 316-й дивизии генерала И. В. Панфилова под командованием капитана М. А. Лысенко. На три дня и три ночи были задержаны фашистские танки, рвавшиеся к Москве. Многие воины батальона и в их числе капитан М. А. Лысенко погибли. Узнав об этом бое, И. В. Панфилов сказал: «Они отдали жизни за счастье народа. О них будут знать потомки».

Разыщите воинов батальона Лысенко, оставшихся в живых, узнайте о тех, кто отдал жизнь у села Осташево, задержав продвижение гитлеровских танков к Москве. Найдите братские могилы павших воинов батальона.

ВНИМАНИЕ

Материалы, документы, фотографии, письма, листовки, присланные в Штаб отрядами — участниками операции «Цветы на бруствере», будут использованы для пополнения фондов и для научной работы Центрального музея Вооруженных Сил СССР.

Всем командирам отрядов — участников операции «Цветы на бруствере»

Товарищи командиры! Штаб ждет ваших донесений!

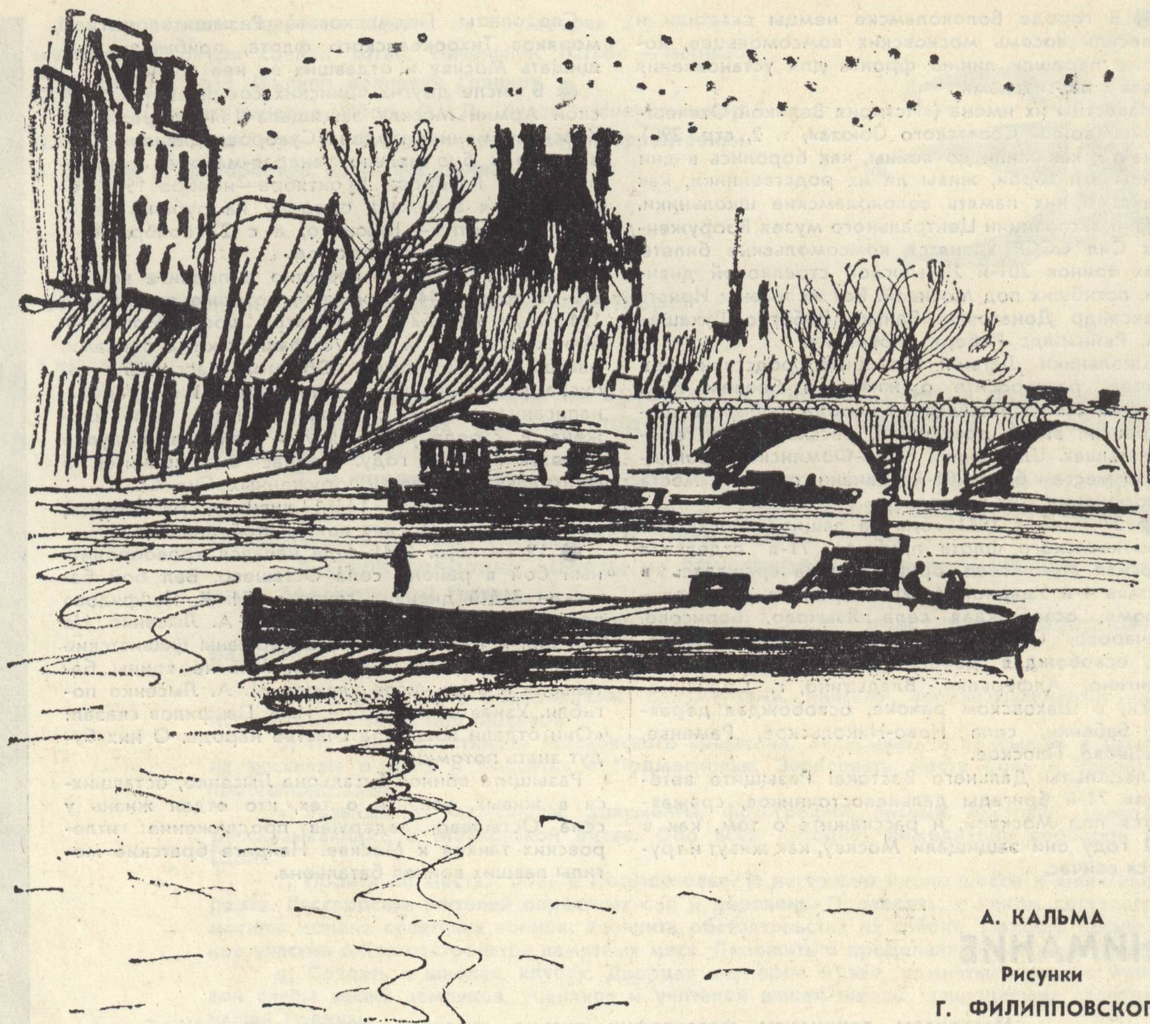
В донесениях сообщать:

- **Место нахождения отряда.**
- **Название и пароль отряда.**
- **План и ход боевых действий отряда.**
- **Девиз, под которым действует отряд.**
- **Эмблему отряда.**

Первое донесение прислать в Штаб не позже 15 августа 1966 года.

Штаб рассматривает донесения в течение 24 часов.

Штаб операции «Цветы на бруствере»

А. КАЛЬМА

Рисунки

Г. ФИЛИППОВСКОГО.

Главы из романа

Книжная лавка

СЕСТРЫ ЛАВИНЬ

Выстрел. Еще один. Еще.

Грохот прокатился по пустынной улице, ударился о каменные стены, разбился на тысячи кусков.

Жермен вздрогнула под вязаной материнской накидкой.

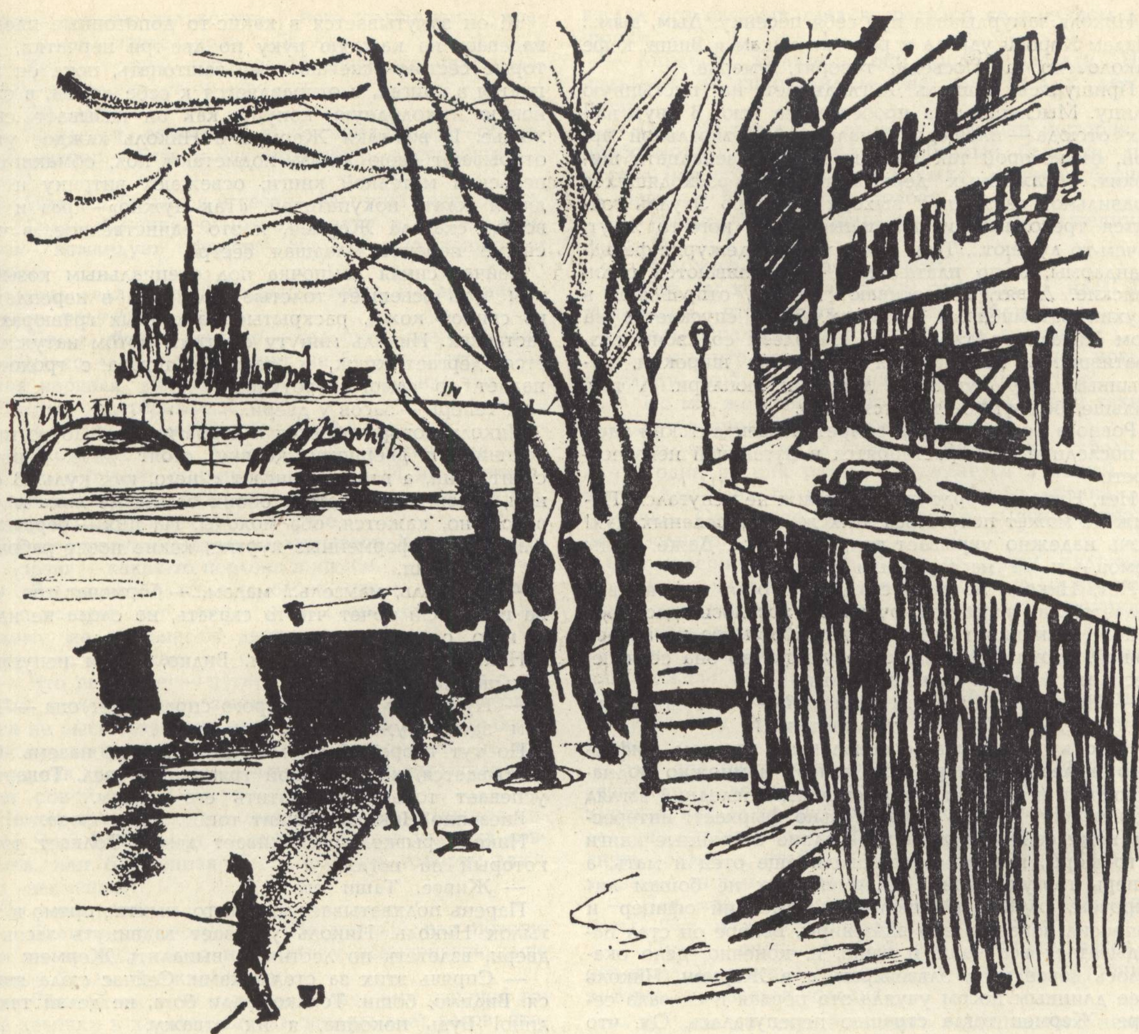
— Опять! Почти каждый вечер! И они еще пытаются уверять парижан в своих лучших чувствах! Привезли прах Орленка, положили в Инвалидах рядом с Наполеоном, развели вокруг этого парадную шумиху: «Мы, мол, так уважаем французских патриотов...» А сами...

— А сами устраивают на патриотов облавы,— беспечно отозвалась Николь.

Она уютно устроилась в старой качалке и, дрыгая по своей скверной привычке ногой в разношенной туфле, грызла бесконечный сухарь. Туфли носили дома название: «последние в жизни», или «по зубам бошам». Сухарь заглушал голод, постоянный, неутолимый голод здорового, стремительно вытягивающегося подростка.

— Удивительно: некоторые еще не до конца раскусили бошей.— Николь высоко вздернула плечи.— Знаешь, я сама слышала, как какой-то тип у булочной толковал о благородстве великой немецкой нации. А эта великая нация организовала всеобщую слежку. Теперь у них, оказывается, новый способ вылавливать подпольщиков: пускают поезда метро без остановки прямо до Зимнего велодрома, а там всех высаживают и по одному процеживают сквозь контроль. Нет документов или что-то не в порядке в бумагах — тащат прямехонько в полицию, а иногда и в гестапо. Гюстав говорил: «Вырваться от них почти невозможно».— Она покосилась на старшую сестру.— Трясешься? Могла бы, кажется, привыкнуть за три с лишним года.

— К такому невозможно привыкнуть,— слабо откликнулась Жермен.— Она взглянула на деревянные часы с кукушкой.— Какое счастье, Николь! Можно

близ площади Этуаль

уже запирать. Ты бы не смогла...— Она искательно посмотрела на младшую.

— Запру, запру, трусиха несчастная.

Николь выбралась из качалки, и тогда оказалось, что она очень высокая, прямо-таки долговязая, с тонкой шеей и растрепанной шапкой волос.

— Ты же знаешь, я куда лучше тебя справляюсь со шторой.

— Не забудь про засов,— напомнила старшая сестра.— И я тебя очень прошу, Николь, выгляни сначала в щелку. А то эти выстрелы...

Николь уже не слышала. Ее длинные ноги легко сбежали по нескольким ступеням вниз, к наружным дверям лавки.

Уже стемнело. Не было еще и восьми часов, но стоял такой мрак, что можно было ходить, только вытянув вперед руки.

Снег косо летел по ледяному скользкому асфальту, слепил глаза, колкие ледяные снежинки сразу забились за воротник Николь.

Бр... Какая холодина, не скажешь, что уже конец февраля! Как назло, когда так трудно с топливом, стоят холодные зимы. Наверное, холод идет из России. Кто-то, кажется, Гюстав, сказал, что немцы там, в русских степях, замерзают толпами. ...А возле Сталинграда какая победа!

Резко белели обведенные мелом углы и края тротуаров. Где-то далеко цедила свой мертвенный тревожный свет синяя лампочка. Дома стояли, как слепцы с темными повязками на глазах,— все окна плотно зашторены.

А когда-то здесь был один из самых оживленных кварталов Парижа. Драгоценным ожерельем играли и переливались огни реклам, а в розовом и уютном кафе мадам Корбей напротив до поздней ночи играла музыка. Николь, тогда еще совсем девчонка, любила засыпать под хрипловатый, будто навек прокуренный голос Люсьенн Бойэ: «Все тонет в дыму, в папиросном дыму — жизнь, любовь, я сама — все только дым, дым, дым...»

Николь замурлыкала про себя песенку. Дым, дым... Мадам Корбей удрала к родственникам в Виши, кафе заколочено, а Люсьенн, говорят, умерла.

Прищурясь, Николь выглядывает на пустынную улицу. Мысленно она пробегает ее всю. В двух шагах отсюда — площадь Этуаль с Триумфальной аркой, от которой так хорошо видны двенадцать широких, обсаженных деревьями улиц, расходящихся правильной звездой. У выхода из метро Этуаль толпятся тревожные и печальные тени: кого-то ждут, о чем-то думают... Там, внизу у касс, дежурят фельджандармы, а по платформам прохаживаются полицейские. Ловят, вытаскивают наверх, отправляют в глухих затемненных машинах. Тьма спускается на Дом Инвалидов, где лежит Наполеон со своим возвратившимся из изгнания сыном, на широкий, пустынный двор Лувра, на дорожки Тюильри. А там, дальше, бесшумно струится Сена.

Ровно в полночь город замрет (комендантский час), и последние тени растворятся в пугающей неизвестности.

Нет, Николь твердо знает: Париж не испугался, Париж не может испугаться этих жадных зеленых мух! Ночь надежно укрывает тех, кто... Тс... Даже стены домов — и те насторожили уши.

Нет, Николь не таковская, ничего от нее не выведаете! Ей, например, очень бы хотелось здесь, вот сейчас, выкрикнуть что-нибудь забористое по адресу бошей, нарушить оцепенение улицы, но она себя пересилит. Нельзя. Никак нельзя.

— Николь, что ты там делаешь? — Это голос старшей сестры.— Почему ты застряла?

Николь подцепила специальным крюком рифленую железную штору. Ну, теперь немножко поднатужиться, и жалюзи поползет вниз. Последний взгляд на витрину. Николь презрительно фыркает: интересно, кому сейчас нужны эти редкие старинные книги и гравюры, которыми торговали еще отец и мать, а теперь торгуют они с Жермен? Уж не бошам ли? Впрочем, однажды зашел-таки немецкий офицер и попросил показать ему эльзевиры. Вскоре он стал наведываться все чаще и чаще, и, конечно, дело оказалось вовсе не в эльзевирах, а в Жермен. Николь с ее длинным носом учуяла это первая и сказала сестре. Жермен тогда страшно перепугалась. Ох, что это за трусиха, недаром Николь чувствует себя старшей и покровительственно относится к сестре. На их счастье, немца куда-то перевели, и Жермен успокоилась.

Конечно, иногда заходят и старые клиенты лавки Лавинь. Этих любителей даже война, даже оккупация не смогли отвадить от книг. Например, профессор Одран. Профессор всю жизнь собирает книги по демонологии, то есть о ведьмах и колдунах средневековья, о судах над ведунами. Иногда он что-нибудь читает из этих книг Николь.

— Вот, душечка, послушайте, что здесь сказано. «В Шотландии в течение семнадцатого столетия было сожжено более трех тысяч человек за колдовство. В тысяча шестьсот восемнадцатом году две женщины похитили перчатку лорда Росса и похоронили ее в земле. В заключении суда было сказано: «И подобно тому, как гнила перчатка, гнила и разрушалась печень этого лорда». Конечно, женщин немедленно сожгли на костре.

Николь смешны такие рассказы.

— Ваши инквизиторы, господин профессор, и в подметки не годятся эсэсовцам. Немцы давно утерли им нос. Средневековые пытки и костры — да это же пустяки в сравнении с «подвигами» гитлеровцев!

— Вы очень страшно и трезво рассуждаете, дитя мое,— бормочет профессор.

И он закутывается в какие-то допотопные пледы, надевает на каждую руку по две-три перчатки, которые сестры успевают ему заштопать, пока он копается в книгах, и отправляется к себе домой, в одинокую и холодную конуру, как он называет свое жилье. И все-таки Жермен и Николь каждое утро открывают свою лавку, подметают пол, обмахивают перьевой метелкой книги, освежают витрину и садятся ждать покупателей. «Так нужно» — раз и навсегда сказала Жермен, и это единственное, в чем ей не перечит младшая сестра.

Сейчас синяя лампочка под специальным козырьком чуть освещает толстые фолианты в переплетах из свиной кожи, раскрытые на старых гравюрах и заставках. Николь минуту смотрит, потом натуживается, дергает крюк, и железная штора с грохотом падает до самого тротуара.

А теперь — засов у двери...

Николь поворачивается и вздрагивает. Плотно прижавшись к дверному косяку, стоят двое. Вернее, стоит один, а второй свисает с него, как куль. В синем, брезжущем свете у обоих безглазые лица мертвецов, но, кажется, оба молоды. На них — береты и длинные бесформенные куртки, какие носят рабочие в провинции.

— Мамзель, мамзель... мадам...— бормочет тот, что на ногах. Он хочет что-то сказать, но слова не идут у него с языка.

Николь приходит в себя. Видно, парни испуганы больше, чем она.

— Ну, в чем дело? — строго спрашивает она.— Что вам здесь нужно?

Но тут второй бесшумно скатывается наземь. Он скатывается, как большой тряпичный узел. Товарищ успевает только подхватить его голову.

Внезапно Николь слышит топот. Бегут сюда.

Николь рывком распахивает дверь. Толкает того, который на ногах.

— Живее. Тащи его.

Парень подхватывает упавшего, пыхтит прямо в затылок Николь. Николь успевает задвинуть засов у двери, взлететь по лестнице, выпалить Жермен:

— Спрячь этих за стеллажами. Сейчас сюда явятся. Видимо, боши. Только, ради бога, не делай такое лицо! Будь покойна, я их отважу.

Она хватает с качалки халат, ерошит рукой свою темную короткую гривку. И, когда раздается требовательный, безостановочный звон старомодного колокольчика, медленно, словно нехотя, спускается по лестнице и громко шаркает своими «последними в жизни».

— Ну, что там еще? Кого нужно? — спрашивает она, зевая.

— Попрошу отворить. Комендантский патруль,— говорит за дверью корректный немецкий голос.

— Какой еще патруль? — Николь чуть приоткрывает дверь, видит рукав запорошенной снегом офицерской шинели, говорит капризно: — Что за выдумки, майор Борзиг? Почему вы приходите на ночь глядя? Я отложила вам эльзевир, как вы просили, но приходите за ним завтра. Мы с сестрой давно спим.

Дверь распахивается во всю ширь. Ядовитый свет фонарика сверлит глаза Николь. Офицер и два солдата видят долговязую растрепанную девочку-подростка с сонным, совсем детским лицом.

— Это вы владелица книжного магазина? — спрашивает офицер.

— Да. То есть мы обе — моя сестра Жермен Лавинь и я. А меня, мсье, зовут Николь Лавинь.

Николь в своем халате делает нечто вроде книксена. Офицер, кажется, хочет улыбнуться: уж очень забавен этот переросток в халате. Однако он тут же

вспоминает, что только что у него из-под носа удрали два подозрительных субъекта.

— Вы с сестрой проживаете здесь же, при магазине? — спрашивает он еще суше.

— Да, мсье.

— Придется осмотреть ваше помещение,— объявляет офицер.— Есть у вас кто-нибудь посторонний в доме?

— Никого. Только я и сестра. Мы уже давно легли.

— Зелль, Брюкке, осмотреть лавку и жилые комнаты,— командует офицер.— Не забудьте ванную и прочее.

Николь делает приглашающий жест. На ее лице — полное радушие.

— Пожалуйста, входите,— говорит она.— Только прошу вас, мсье, если можно, не будите сестру. Она такая нервная, даже майор Борзиг говорил, что...

Офицер настораживается.

— Вы знаете майора Борзига?

— Конечно, мсье. Майор — наш постоянный клиент. Он собирает старинные издания. И мы припасаем для него самое интересное из наших коллекций. Майор Борзиг бывает у нас в доме.

Офицер насупливается, раздумывает. Кажется, майор Борзиг — какая-то персона в штабе.

— Вы можете дать мне слово, что в доме, кроме вас и сестры, нет никого из посторонних и что вы никому не открывали дверь?

Офицер напускает на себя самый суровый вид.

— Что вы, мсье! — пугается Николь.— Да мы с сестрой, чуть стемнеет, запираемся вот на этот засов и носа не высовываем из нашей конурки. Мы обе большие трусихи, мсье, и вы даже представить не можете, как мы благодарны вам за то, что вы охраняете наш покой...

Немец пристально вглядывается в безмятежное личико. Что? Благодарит за охрану? Она в уме, эта девчонка, или блаженная? Гм... кажется, говорит даже без насмешки?

Он козыряет.

— Отлично, мадемуазель. На первый раз поверю вам на честное слово и не стану осматривать ваше жилье. Зелль, Брюкке, марш!

— Спокойной ночи, мсье,— желает ему певучий голос девочки в халате. Николь закладывает засов, стоит, прислушиваясь к удаляющемуся топоту.

Потом взбегает наверх.

— Так и знала: стоит и трясется,— бросает она Жермен.— Ну, где же наши гости?

— Как тебе удалось избавиться от бошей? — спрашивает, трепеща, Жермен.

— Борзиг помог. Вернее, его имя,— кратко объясняет Николь.— Так куда же ты упрятала тех двоих?

— Они у нас в спальне. О, Николь, я так боюсь, что один умрет. Он весь в крови и без сознания. Боже, что мы тогда будем делать!

— Глупости! Он просто ранен, вот и все,— отрезает Николь.— Погоди, сейчас все выясним.

За четырьмя рядами широких стеллажей, сплошь уставленных старыми книгами, сохраняющими запах кожи и пергамента, две жилые комнатки сестер: кухня, она же столовая, а при случае и кабинет и крохотная спаленка.

Когда Николь вошла в спальню, ей в первое мгновение показалось, что комната пуста. Удивленная, она сделала еще шаг и тут, в узком пространстве между двумя деревянными кроватями, увидела обоих «гостей». Один недвижно распростерся на коврике, другой примостился тут же, на корточках, в напряженной и неестественной позе. Он был светловолос, мелкокудряв, с очень розовым и как будто припухшим лицом младенца. Затравленный, подозрительный взгляд его светлых глаз встретился со взглядом девушки.

— Можешь вылезать, они ушли,— сказала Николь.— Я их спровадила.— Она нагнулась к лежащему.

— Гм... Кажется, и вправду дрянная история,— пробормотала она.— Ну-ка, любезный блондин, помогите мне поднять вашего дружка. Жермен, берись за ноги, а я поддержу голову.

— Погоди, что ты собираешься делать? — шепнула Жермен.

— Положить на мою кровать.

— Как, ты хочешь, чтоб они остались у нас?! Ты понимаешь, что будет, если их найдут?

Николь оскалила зубы: точь-в-точь волчонок.

— А ты, что же, собиралась их выбросить ночью на улицу, чтоб они попались гестаповцам? Так?

— Но мы же совершенно не знаем, кто они такие, откуда,— защищалась Жермен.

— Мы знаем, что за ними гнались боши, стреляли и что один из них ранен и нуждается в нашей помощи. Для меня по крайней мере этого вполне достаточно. Остальное узнаем, когда выясним, что с этим беднягой.

Она отвернула одеяло, и по ее знаку кудрявый легко приподнял товарища и положил его на кровать. При этом свет настольной лампы упал на раненого. Открылось узкое молодое лицо с большим лбом и косо подрезанными темными волосами, тень от ресниц лежала на впалых щеках.

— Вот красавец! — вырвалось у Николь.— Жермен, пощупай ему пульс. Ты же у нас без пяти минут врач.

Сама она очень осторожно и проворно принялась стягивать с лежащего куртку. Оказалось, что под курткой нет даже рубашки, а только лохмотья, отдаленно напоминающие фуфайку. Николь попыталась снять лохмотья, чтобы осмотреть рану, но юноша болезненно застонал. Николь отступила.

— Нет, мои лапы не годятся для такой тонкой работы. Тут нужен специалист.

— Пульс очень слабый, еле прощупывается,— объявила Жермен.— Кажется, он в таком состоянии, которое называется коллапс.

— О, нам не хватает только медицинских названий! — Николь обратилась к парню, который не отходил от раненого: — Слушай, может, у тебя есть какой-нибудь врач? Конечно, такой, которому можно довериться.

Молчание.

— Эй, к тебе обращаются! — повысила голос Николь.

Снова нет ответа. Кудрявый только мельком глянул на девушку и снова устремил все внимание на товарища.

— Вот так фрукт! Может, он глухонемой?

— Может, это у него со страху? — предположила Жермен.— Мне говорили, что так бывает.

— Бывает у трусов и трусих,— яростно сказала Николь. Она дернула кудрявого за рукав.— Что же, дружок, так и будем играть в молчанку?

Только тут парень как будто пришел в себя. Он посмотрел на обеих девушек и ткнул себя в грудь:

— Совет Унион. Ну, Совет Унион.

Николь широко открыла глаза.

— Советский? Жермен, ты слышишь, русский!

— Рюсс, рюсс, совиет рюсс,— обрадованно повторял кудрявый.

Жермен почему-то шепотом сказала:

— Вот будет рад Гюстав, он так хотел встретиться с русскими!

Младшая сестра церемонно представилась:

— Перевязку сделаю я,— неожиданно заявила Жермен.

— Николь Лавинь. А это моя сестра Жермен.

Белокурый расплылся всем своим пухлым лицом: понял.

— А меня Полем звать. Пашка. Поль,— повторил он. Потом показал на раненого: — А он Данила, Дени по-вашему. Данила, видишь, парлэ франсе, а я не парлэ вовсе.

— Дени, Поль,— в волнении говорила Николь.—

Жермен, ты поняла? Раненый знает французский. Ах, как бы хотелось, чтобы он поскорее пришел в себя...

И вдруг, словно в ответ на это страстное желание, раненый зашевелился и, не открывая глаз, что-то проговорил. Кудрявый подскочил к нему.

— Данька! Данька, ты меня слышишь? Это я тут с тобой... Я...

— А, Лиза,— ясным голосом сказал раненый.— Вот хорошо, что ты здесь, Лиза. Я тебя видел...— и, не договорив, опять потерял сознание.

НОЧНЫЕ ГОСТИ

— Это очень опасно,— сказал профессор Одран.

— Значит, он все-таки умрет? — Николь нахмурилась.

— Я говорю не о нем, а о вас, девочки,— очень серьезно сказал профессор.— Думаю, вам не нужно объяснять, что будет, если их найдут у вас. А твое появление ночью у меня и твой крик? — продолжал Одран, обращаясь уже прямо к Николь.— Ты была точь-в-точь, как мои любимые средневековые ведьмы. Никаких доводов разума, одно безумие. Потом эта подушка, подвязанная к животу,— ты думаешь, она кого-нибудь обманула? Я, например, вовсе не уверен, что наша новая консьержка не пойдет доносить, что ко мне ходят по ночам подозрительные девицы... А бешеный бег по улицам, когда всем строго-настрого приказано сидеть по домам? А если бы мы наткнулись на фельджандармов, как бы ты выкрутилась, а?

— А он, господин профессор, что с ним? — весьма невежливо перебила Николь.

Одран покачал головой.

— Пока трудно что-нибудь сказать. Вы знаете, девочки, я же не хирург, а психиатр. Психиатры имеют дело больше с душой, чем с телом. Мне кажется, у юноши дело не в одной только глубокой ране. Он сильно истощен, вероятно, на его долю выпали большие испытания. Очень нервный, очень эмоциональный субъект. Пуля вошла глубоко, но задела ли она легкое, я определить не берусь. Попробую, когда кончится комендантский час, разыскать одного своего старого товарища — хирурга. Кажется, он оставался в городе.

— А на него можно положиться? — осторожно осведомилась Жермен.

— Как на меня, если, конечно, вы мне доверяете.

Вместо ответа Жермен легко клюнула Одрана в розовую щеку.

— А сейчас нельзя пойти за ним? — нетерпеливо спросила Николь.— Я могла бы сбегать, если бы вы мне дали адрес.

— Ну, знаешь, больше я тебе не позволю рисковать,— решительно заявила Жермен.— Это эгоизм. Из-за тебя могут пострадать очень многие.

Николь хотела было возразить, но, взглянув на профессора, удержалась. С трудом давалась ей эта покорность. Все в ней бурлило. Казалось, каждая секунда промедления грозит раненому смертью.

— Но перевязку-то вы, надеюсь, сумеете сделать? — сердито обратилась она к профессору.

— Мм... м... Это мы проходили еще на первом курсе, — смутился Одран. — Но, конечно, я попытаюсь.

— Перевязку сделаю я,— неожиданно заявила Жермен.

И под настороженным, недоверчивым взглядом Николь старшая сестра разорвала на полосы чистую простыню, ловко приподняла раненого и очень точно и профессионально наложила повязку на его грудь и плечо. Даже Николь втайне призналась себе, что у Жермен руки прирожденного медика. Раненый даже во время перевязки не пришел в себя. Губы его запеклись от жара, щеки пылали.

До пяти утра, когда разрешалось движение по улицам, оставалось еще добрых полтора часа. Николь отправилась варить для профессора некую гущу, пышно называемую кофе. Пережаренный маис с ячменем. Сахарин на маленьком блюдечке. На настоящий кофе, который добывался теперь только на черном рынке, у сестер не было денег.

Между тем Одран примостился на качалке и расспрашивал Жермен о ночных гостях.

— Растолкуйте мне, кто они такие. От Николь я почти ничего не добился. Знаю только, что они русские. А где, кстати, второй?

— Отсыпается в кухне,— отвечала Жермен.— Кажется, они прошли пешком что-то около трехсот километров. У них с собой карта, и он показал нам город Бетюн. Это на севере, в департаменте Па де Кале — старый фламандский город. По-видимому, оба парня работали там в шахтах: у того, который спит, на руках угольная пыль.

— Да, я слышал что на севере некоторые владельцы шахт не постеснялись сотрудничать с немцами,— кивнул профессор.— У немцев давно не хватает рабочих рук, и они вывозят молодежь из всех оккупированных стран. Я читал где-то об этом. Наверное, и ваших двух «гостей» они забрали из России. По возрасту, мне кажется, раненый еще не мог быть в армии. Он совсем мальчик.

— Тот, здоровый, ничего не мог нам толком объяснить,— сказала Жермен.— Мы с ним, как с глухонемым, на пальцах разговариваем. Николь прямо не терпится, чтоб поскорее очнулся раненый — он, видимо, говорит по-французски.

— Кажется, это будет нескоро,— вздохнул Одран. — Мне не хотелось говорить при Николь, она как будто принимает это близко к сердцу, но ваш раненый в очень плохом состоянии. Поскорее бы удалось разыскать Древе.

— Боже мой, что мы станем делать, если он вдруг умрет? — всплеснула руками Жермен.— Это же сразу обнаружится!

Одран потрепал ее по плечу.

— Ну-ну, побольше смелости. Вы же мужественная девушка, маленькая моя Жермен. Я кое-что знаю о вас.

— Я?! — Жермен широко открыла и без того большие глаза.— Но, мсье, я же такая трусиха! И что вы могли слышать обо мне?

АНЕКДОТЫ

Ба-а, «последние в жизни» сдают! Вон какая здоровенная дырка на подошве. Кажется, придется все-таки обзавестись самыми «модными» военными туфлями на деревянной подметке! Как же это? Назывались «последними», а оказываются далеко не последними? Ничего удивительного, если каждый день приходится отмахивать пешедралом такие концы!

Велосипед? Но он тоже, бедняга, совсем облысел, дребезжит, точно старая жестянка, то и дело с него соскакивает цепь, а позавчера, когда Николь ездила к «тем», часть дороги пришлось тащить велосипед на себе — шина испустила дух, — и Николь чуть не опоздала. Тум-тум ти-та-та... Но «он», конечно, сразу раздобыл у Жан-Пьера резиновый клей, поставил прочную заплатку, и обратно Николь ехала уже без всяких приключений. «Он», оказывается, все может, а на вид белоручка, маменькин сынок. А как он сказал: «Можешь всегда на меня рассчитывать»! И при этом так посмотрел!.. Тра-та-та... Тим-тири-тим... Жер-

мен говорит: «Люблю мужчину в доме, тогда везде полный порядок»... Тра-та-та...

Жермен с перьевой метелочкой — у книжных стеллажей. Жермен все так же кутается в вязаную материнскую пелеринку, хотя на дворе уже запахло весной, почки на деревьях набухли, а в нишах под Триумфальной аркой появились парочки — первые предвестники весны.

Ишь, как стучат по асфальту деревянные каблучки парижанок! Светит солнышко, выползают на свет иззябшие за долгую зиму люди, опасливо оглядываются: немецкие патрули шагают по парижским улицам, то и дело проверяют документы, придираются к тем, кто вдруг покажется им подозрительным.

— Николь, я спрашиваю, что это за песня?

Но Николь не слышит, поет свое, подсвистывает и при этом смешно, как щенок, щурится, и мордашка такая сияющая. Что там у них произошло в Виль дю Буа?.. Жермен давно уже поняла, отчего у младшей сестры сделался такой переменчивый нрав: то беспечно весела, как, например, сейчас, то вдруг сварлива, придирчива, недовольна всем миром и собой в первую очередь. Спорит, ссорится со старшей сестрой, молчит иногда по целым дням. Ага, на полке не хватает зеленого томика! Толстой «Война и мир». Ясно! Все, какие оказались в лавке русские книги, Николь прямо глотает. Перечитала Достоевского, Чехова, даже этого, как его... Гоголя... Конечно, это тоже способ понять русских, их таинственную славянскую натуру... Наверно, и Жермен стала бы изучать русскую литературу, случись с ней то же, что с Николь.

Русские, которые побеждают непобедимых гитлеровцев! Русские, которым нипочем самые страшные морозы, боль, раны!.. Ведь этот парень, так внезапно появившийся у них в ту холодную февральскую ночь, почти умирал. И все-таки первое слово, едва он очнулся после тяжелейшей операции: «Пустите меня! Я должен отыскать своих!»

Второй тоже неплох, видна в нем лихость, бесшабашность какая-то, и товарищ он хороший, заботился о раненом, ходил за ним, как нянька.

Все-таки надо бы разузнать, что там у них происходит, как он относится к Николь. О, как все смешалось на свете из-за этой страшной войны, сколько кругом горя, и как мало радостей!

— Эй, Жермен, что ты там возишься? Хочешь свежий анекдот?

Ну, конечно, Жермен не прочь послушать. Несмотря на оккупацию, по Парижу ходит множество дерзких историй, высмеивающих «победителей» — бошей.

Николь просто-таки захлебывается:

— Слушай.

В переполненном автобусе немецкий солдат наступает на ногу пожилому французу. Тот охает и отвешивает немцу оплеуху. Пока прибегает контролер, пока вступаются пассажиры, из глубины автобуса пробирается маленький старичок, размахивается и тоже дает немцу оплеуху. Разражается скандал, всех трех ведут в полицию. Полицейский комиссар допрашивает «пострадавшего» и обоих драчунов.

— Видите ли, у меня очень чувствительные ноги,— говорит пожилой француз, — мсье наступил, и у меня от боли — моментальный рефлекс. Но я прошу мсье извинить меня.

Бош ворчит:

— Рефлекс. Странный рефлекс... Но в конце концов я готов извинить мсье. Однако вторая оплеуха...

Комиссар обращается к старичку:

— Вам на ногу никто не наступал, и вообще вы сидели далеко. Почему же вы ударили мсье?

— Как вы не понимаете, комиссар? — отвечает старичок.—Я увидел, что бьют немца, и решил: наверно, англичане уже высадились

Жермен смеется. Николь польщена: ее анекдоты имеют успех.

— Хочешь еще? Слышала стихи про рождество? Нет?

У нас не будет нынче рождества:
Эвакуировали Деву и Христа,
Иосиф в лагере вымаливает хлеб,
А боши реквизировали хлев.

Всех ангелов с небес зенитки сбили,
Волхвы в Британию давно уплыли,
Бык ныне царствует в Берлине, а осел...
Он в Риме стойло теплое нашел.

— Ты набита анекдотами и историями, точь-в-точь как старый матрац соломой,— говорит Жермен.— Наверное, у Жан-Пьера наслышалась? Кстати, ты давно не рассказывала ничего о наших русских. Как они там? Как здоровье Дени? Зажил его шов? И вообще как они прижились у Жан-Пьера?

— Шов заживает. С Жан-Пьером оба ладят,— буркнула, внезапно мрачнея, Николь.

— Ну еще бы не ладить, ведь Жан-Пьер такой добряк, вот кто по-настоящему хороший человек,— продолжала Жермен, точно не замечая переменившегося настроения сестры.— А у Дени характерец неукротимый, вроде твоего. Никогда не забуду, как он бушевал здесь, как требовал, чтоб его немедленно отпустили. Ему, видите ли, надо во что бы то ни стало сию же минуту идти сражаться с фашистами. А ведь какая была рана, легкое прострелено, весь исходил кровью. Доктор Древе, когда извлекал пулю, шепнул мне, что не очень-то надеется на благополучный исход.

— И все-таки, несмотря на все это, ты и Гюстав потребовали, как только Дени стал передвигаться, чтобы он и Поль перебрались в Виль дю Буа, к Жан-Пьеру,— зло перебила ее Николь.— Потребовали, чтоб они ушли от нас!

— Сколько же можно говорить об одном и том же! — в сердцах воскликнула Жермен.— Ты что, маленькая? Не понимаешь?! ИМ НЕЛЬЗЯ БЫЛО ЗДЕСЬ ОСТАВАТЬСЯ! У нас и немцы-покупатели бывают, и соседи непременно бы дознались, что у нас живут чужие... А это всем нам грозило самыми страшными последствиями. Да и не одним нам, ты это отлично знаешь сама, только делаешь вид, будто мы поступили жестоко из эгоизма. Тебе нравится мучить меня и Гюстава,— уже жалобно договорила старшая сестра.

— Да уж твой Гюстав...— протянула Николь.

— Вовсе он не мой. Он общий,— опять вспыхнула Жермен.— Ты же знаешь, чем он занят. Разве это его собственные дела?

Николь успокоительно похлопала сестру по плечу.

— Не кипятись, пожалуйста, никто не обижает твоего Гюстава. Я тоже, между прочим, уверена, что он герой и мировой парень. Только уж слишком педант. Вообразил себя настоящим вождем и завел такую дисциплину — не вздохнуть. Кстати, Дени меня расспрашивал о нем и о Жан-Пьере. Чем они занимаются, да почему Жан-Пьер торгует с немцами, и так далее. Кажется, он что-то подозревает. Тот разговор, когда он лежал у нас... Мы думали: он без сознания, а он, оказывается, все слышал.

Жермен испуганно вскинула глаза.

— Какая неосторожность! Надеюсь, ты ему не сказала?

— Но ведь из Бетюна пришел хороший ответ! — возразила Николь.— Они оказались своими, все подтвердилось.

— И все-таки, покуда Гюстав не позволит, я запрещаю тебе болтать на эти темы,— строго сказала Жермен.— Я ничего не говорю против них,— прибавила она,— мы рады, что Шарль так о них отозвался, да и Гюставу они оба нравятся. Гюстав говорит, надо познакомить русских с нашими. Пускай наши своими глазами увидят тех, кто бьет немцев. Правда, ни Дени, ни Поль боев и не нюхали, но ведь они той же породы, советские. Думаю, если дойдет до дела, они не подведут.

— Еще бы! — горделиво сказала Николь.— Дени — это знаешь, какой парень!

— Вот Гюстав и хочет...— начала Жермен.

Николь вдруг ужасно покраснела.

— Как, уже выводы? Уже намерен их использовать?!

Жермен остро глянула на младшую сестру.

— А что? Тебе это не нравится? Ты что-нибудь имеешь против?

— Да нет,— заметно смутилась Николь.—Я ничего не говорю. Только Дени, по-моему, еще слаб для чего-нибудь серьезного. Ведь он только недавно поднялся.

— Но если нужно?

— Тогда вместо него пойду пока я! — решительно сказала Николь.

«Ого, как видно, это серьезно!» — подумала, хмурясь, Жермен. Вслух она сказала:

— Все это не нам решать. Но, видимо, скоро станет горячо.

— Что-нибудь новое? — с живостью спросила Николь.

— Нет, все, что было, тебе известно, как и мне. Но если взглянуть на сводку...

Жермен нагнулась к нижним стеллажам. Там, за толстыми томами «Истории масонства», был выдолблен в стене тайничок. Жермен, не глядя, нащупала бумажный жгут, вытянула его, развернула.

— На, читай!

Вот что прочла Николь:

«Шестого апреля в пять часов вечера колонна фашистских солдат возвращалась из ресторана на площади Наций. На углу бульвара Шаронн три партизана подкараулили колонну и бросили в нее несколько бомб. Десятки убитых и раненых фашистов.

Десятого мая у Одеона партизаны напали на группу эсэсовцев. Фашистов забросали гранатами. Много убитых и раненых бошей.

22 мая на бульваре Линне атакована машина бошей».

Николь обратила к сестре разгоряченное лицо.

— И все это совершила одна группа? Всего несколько человек?

— Кажется,— кивнула Жермен.— Наверное, ничего еще не известно. Но и другие, ты же знаешь, не сидят сложа руки. Так что в Париже бошам становится ух как горячо!

— Урра-а! — заорала вдруг совершенно по-мальчишечьи Николь и подбросила к самому потолку одну из своих «последних в жизни», так, что туфля звонко шмякнулась об пол оторванной подметкой.— Урра-а, скоро мы с ними разделаемся!

В ВИЛЬ ДЮ БУА

— Чем могу служить, мадемуазель Роллан?

— Я по поводу Арлетт, мсье Келлер. Пришла поговорить о вашей девочке.

— Опять что-нибудь натворила в школе?! Вот негодница! Девчонке тринадцать, совсем уже большая, а никак не может без шалостей!

— На этот раз это не простая шалость, мсье Келлер... Если посмотреть на это как на... И вообще многие могли бы расценить это как...

Мадемуазель Роллан окончательно запуталась. Ее надутые красные щеки—точь-в-точь детские воздушные шары,— казалось, готовы были лопнуть.

— Да что же такое сделала Арлетт?! — не на шутку встревожился Келлер.— Что она выкинула?! Вы сказали, что это может быть расценено как... что?

— Как политическая акция! — единым духом выпалила мадемуазель Роллан.— Да, да, ведь у нас есть такие, что не дремлют. Они готовы приписать школе и мне самой бог знает что!

И мадемуазель Роллан принялась залпом выкладывать «дело» Арлетт.

— Был урок пения. Я вела его сама, потому что мадам Бернар больна. Я не очень-то знаю их обычный репертуар. И вот я предложила девочкам петь то, что им самим нравится. Тогда вышла ваша Арлетт, сделала знак остальным и начала петь, как бы вы думали, что?

— Понятия не имею,— пожал мощными плечами Келлер.— Какую-нибудь неприличную шансонетку?

— О, если бы! — воскликнула учительница.— Нет-нет, все было много хуже! — Она всплеснула руками.— Вообразите, Арлетт запела издевательскую песенку о радио:

С зари и до зари
Врет радио Пари,
И знает весь народ,
Что бош бесстыдно врет!

А окна в классе открыты, мимо идут люди... Вы понимаете мое волнение, мсье Келлер?! Что подумают?! Ведь всюду есть любители так преподнести это, что меня сразу уволят. И школу могут закрыть! Скажут: «Вы внушаете детям такие идеи, такие настроения...»

Мадемуазель Роллан отерла носовым платком щеки, обмахнулась: ей было жарко.

Келлер неторопливо передвигал на полке какие-то банки, бутылки. Учительнице вдруг показалось, что он усмехается. Как?! Ему смешно?! И тут вдруг учительница увидела и впрямь ухмыляющуюся физиономию Келлера.

— Вот негодница эта Арлетт! — Он покачал головой с самым лукавым видом.— Распевать такие песенки под носом у бошей! Но согласитесь, мадемуазель, для этого нужна смелость. Не правда ли? Мне даже хочется аплодировать им, нашим ребятам. А вам разве не хочется? Ну, скажем, так, самую малость? Разве вы не согласны с этой песенкой?

Мадемуазель Роллан нервно мялась, теребила носовой платок.

— Ну да, ну да, мсье Келлер, в какой-то степени и я не в восторге от радио. Но, согласитесь, моя работа... Ведь может быть комиссия...

— Не беспокойтесь, вас не дадут в обиду, мадемуазель,— прищурился лавочник.— Я вам это обещаю.

В его голосе была такая уверенность, что учительница невольно начала успокаиваться. «А ведь и в самом деле Арлетт молодчина! — мелькнуло у нее вдруг.— И что это я праздную труса? Право же, этот Келлер может подумать про меня, что я совсем дрянцо». На ее лице можно было легко прочесть эти мысли. Во всяком случае, Келлер смотрел на нее очень добродушно.

— Так я пойду, мсье Келлер,— сказала учительница.— И, пожалуйста... ничего не говорите Арлетт. Давайте забудем этот эпизод.

— Давайте забудем,— улыбаясь, подтвердил Келлер.

За Орлеанскими воротами, в предместье Виль дю Буа, все знали толстяка Келлера — приказчика в сельской лавочке, где можно было купить все нужное здешним людям — от лопаты и вина до ситцевого платья и гитары. Знали не только самого веселого и острого на язык Келлера, но и его жену Фабьен и двух детей — пятнадцатилетнего Андре и тринадцатилетнюю Арлетт.

Для огородников, водопроводчиков, мелких служащих, населяющих Виль дю Буа, лавка Келлера служила вечерним клубом: сюда можно было зайти пропустить стаканчик аперитива, прочитать свежую газету, а главное, обменяться местными новостями: кого выбрали в муниципалитет, мальчика или девочку родила мадам Оливер, на ком именно женится старший сын Мегрелей и за сколько приобрел свой подержанный «Панар» молодой Кювье.

Однако с тех пор, как пришли оккупанты, вечерние собрания в лавке почти прекратились. Кому охота нарываться на неприятности, если введен комендантский час и людей вечерами хватают прямо на улице. И потом боши очень подозрительно относятся ко всяким сборищам французов, в особенности в последнее время, когда начались разные «акции». Того и гляди, нагрянут в лавку, начнется проверка документов, выяснение личностей да мало ли еще что... Кроме того, в лавке часто бывали немцы. Да, да, они бывали там, покупали пиво, прославленные французские сыры и охотно болтали с приказчиком по-немецки. Ведь Келлер — уроженец Эльзаса — говорил по-немецки, как истый немец, да и видом был похож на немца — крупноголовый и крупнотелый—и тоже любитель пива. Но именно на своей родине, в Эльзасе, Жан-Пьер Келлер насмотрелся на повадки фашистов, на их грубость, самомнение, жестокость. Когда к власти пришел Гитлер, он окончательно возненавидел всех его последователей. А уж когда гитлеровцы явились в Париж...

— Ого, поглядите-ка в окно! — закричал однажды утром своим домашним парикмахер Греа, живший в домике напротив лавки.— Ну-ка, ну-ка, что вы там видите?

Домашние, а вместе с ними и другие жители Виль дю Буа увидели у лавки Келлера развевающиеся на ветру выставленные для продажи ситцевые платья и фартуки. Все эти платья и фартуки были трех цветов: синие, белые и красные. Издали казалось, что над домом Келлеров реют национальные флаги Франции, те самые флаги, которые были строго-настрого запрещены оккупантами.

А на следующий день Келлер выставил прямо на улицу ящики с мылом в трехцветной обертке. А потом вдруг Фабьен и Арлетт появились на улице в красных косынках, белых блузках и синих юбках. Они весело подмигивали встречным: мотайте, мол, на ус — жив дух Франции, ничем его не сломить, и настоящие патриоты-французы плевать хотят на бошей.

Проделки Келлера и его семейства нравились рабочему люду в Виль дю Буа, однако многие боялись за толстяка.

— Он многим рискует, наш верзила. Надо его предостеречь. Недолго и попасть в лапы наци. Ведь здесь и всюду бывают боши. Вдруг поймут...

Однако с некоторых пор Келлер прекратил свои «трехцветные» проделки. Жители, хотя они сами предостерегали Жан-Пьера, теперь были как будто даже слегка разочарованы.

— Сдрейфил, видно, наш Келлер.

— Возможно, боши догадались и пригрозили ему арестом.

Толстяка Келлера знали все за Орлеанскими воротами, в предместье Виль дю Буа.

А мсье Греа — парикмахер — пустил слух, что Келлера даже вызывали в префектуру.

Как бы там ни было, но Жан-Пьер действительно больше не шалил, никак не отзывался на антинемецкие анекдоты покупателей, сделался очень сдержан и, казалось, был совершенно поглощен лавкой и домом.

Впрочем, Жан-Пьер был только приказчиком в лавке. Владелец — крупный финансист Номе, у которого было несколько тысяч таких лавок по всей Франции,— уехал за границу и в Париже не появлялся.

Жан-Пьер снимал двухкомнатную квартирку над лавкой. Одна комната — полукухня-полукладовая. Вторая служила спальней, столовой и кабинетом для всей семьи. Здесь, на длинном столе, обедали, делали уроки, писали счета поставщикам. Родители спали на широкой кровати, для детей были сделаны двухэтажные нары — наверху спал Андре, внизу — Арлетт. В уборную приходилось бегать вниз, во двор, умывались под рукомойником.

Было и еще одно помещение — подвал под лавкой. Там в хорошие, довоенные времена хранились бочки

с вином и прованским маслом, мешки с мукой и сахаром. Но сейчас запасов уже давно не было, и ни Келлер, ни его жена, ни Андре не спускались в подвал. Про Арлетт и говорить нечего: хотя она и считала себя совершенно взрослой, она ни за что не пошла бы одна в подвал, ей чудились там то затаившиеся грабители, то привидения.

И вот однажды, когда семья уже готовилась ко сну, влетела бледная Арлетт.

— Шаги!

Андре свесил лохматую голову со своей «башни».

— Какие шаги? Где?

— В подвале. Там кто-то ходит!

Андре незаметно переглянулся с отцом. Потом насмешливо засвистел:

— Фью-у! Опять привидения? Вот трусиха-то! А еще хвастает, что взрослая.

— Что ты мне толкуешь! — закричала, чуть не плача, Арлетт.— Я не сумасшедшая, я ясно слышала шаги. Там кто-то есть!

Келлер, который уже собирался ложиться, сказал успокоительно:

— Ну вот что, ты ложись, а мы с Андре сейчас сойдем вниз и все осмотрим.

Двое мужчин из семейства Келлеров вооружились фонариком и отправились вниз, в подвал. Со своего места Арлетт не могла видеть, что вместе с фонариком отец захватил большую булку, изрядный кусок масла и кастрюлю с супом, оставшимся от обеда.

Отец и сын пропадали так долго, что Арлетт еще больше встревожилась и предложила матери вдвоем идти на выручку.

Но тут вернулись мужчины. У обоих был совершенно спокойный и будничнο-равнодушный вид.

— Что ж вы там нашли? Был там кто-нибудь? — все еще трепеща, спросила Арлетт.

Брат захохотал.

— Были. Там были две большие крысы.

— Кры-сы? — недоверчиво протянула Арлетт.— Но разве крысы могут так сильно топать?

— Еще как!—закричал Андре.—Топают, прямо как лошади!

Окончание в следующем номере

Моника
ВАРНЕНСКАЯ

Перевел с польского
Я. Немчинский.

БОЕВЫЕ ПЧЕЛЫ ДЖУНГЛЕЙ

Я иду через джунгли. Иду и думаю о том, что о джунглях приятнее читать, чем пробираться по ним.

Джунгли — это высоченные деревья с могучими стволами. Внизу царит густой зеленоватый сумрак. Из чащи веет дыханием мокрой зелени и гниющей листвы. В джунглях нет дорог. Есть только узенькие, едва приметные тропки, на которых торчат невыкорчеванные пни и узловатые корни пальм. Часто приходится пролезать напрямик — через обвитый лианами кустарник.

В толстом слое опавших листьев таятся ядовитые змеи. Надо быть очень внимательным, зорким, все время глядеть под ноги и, как говорят вьетнамцы, держать глаза и уши открытыми...

Офицер Армии освобождения Хоанг резким жестом останавливает меня. Мои спутники тотчас умолкают. Кто-то показывает рукой в лесную чащу. Что там? Уж не тигр ли?.. Э, пожалуй, нет!.. Может быть, змея?.. Тоже нет. Змею вьетнамцы сразу убивают дубинкой... А может, там впереди полчища красных муравьев? Но тогда последовала бы команда ускорить шаг, чтобы не дать кровожадным муравьям облепить наши голые ноги.

Жестом Хоанг велит мне закрыть лицо клетчатым платком, который я теперь ношу на плече, как все южновьетнамские женщины. Вот так, с наглухо закрытым лицом, я пошла по тропинке вслед за Хоангом.

— То были дикие пчелы! — объяснил мне Тхань, когда мы были уже далеко от опасного места и он снова шагал рядом со мной. — К счастью, гнездо мы обнаружили вовремя.

От него я узнала любопытные вещи об этих пчелах. Оказывается, мед их не только несъедобен, он ядовит. Гнезда свои — серые, неправильные шары — они лепят высоко на деревьях. Из сот, очищенных от меда, высушенных и растертых в порошок, изготовляют лекарство. Но встреча человека с разъяренными пчелами не сулит ничего хорошего и обычно заканчивается долгой болезнью, а порой даже смертью.

После долгого перехода через джунгли мы пришли в одну из освобожденных деревень. Нас пригласили в хижину и угостили «чем дом богат» — бананами, рисом, кокосовым молоком. Мы сидели на циновке, скрестив ноги и, по местному обычаю, повернувшись боком к алтарю предков, который занимает самое почетное место в жилище вьетнамцев — напротив входа. На алтаре стояла плоская фарфоровая чаша с остатками пищи для предков, окруженная обгоревшими прутиками ароматных палочек. Хозяева рассказывали нам о борьбе местного населения с сайгонскими властями, которые пытались выселить крестьян в «стратегические деревни», то есть в концлагеря.

— Раньше мы почти не имели оружия, — сказал командир партизанской группы. — Теперь оружия у нас достаточно, мы отнимаем его у американцев. Не хочешь ли ты, сестра, посмотреть следы боев?

Мы вышли из хижины. Я увидела сожженный во время воздушного налета американцев бамбуковый барак. То была школа. Сейчас крестьяне восстановили ее, и скоро детвора сможет возобновить учебу. Увидела я также огромные воронки от бомб, заполненные бурой после ливней водой. Командир показал мне многочисленные ловушки и западни, окружающие деревню поясом обороны. Все они отлично замаскированы, прикрыты бамбуком и дерном.

— Осторожно! — несколько раз повторил командир, когда я пыталась поближе рассмотреть какую-нибудь ловушку. — Там мины!

На поляне, недалеко от деревни, громоздится куча металлических деталей. Тропическая зелень, жадная и быстрорастущая, уже оплела поржавевшие куски металла. Это остатки американского вертолета. Раздвинув буйную поросль, я прочитала надпись: «US Army».

— Из винтовки и пулемета можно сбить даже «май бай ми» [1], — заметил один пожилой крестьянин. — Против врага все годится: и мины, и гранаты, и ловушки, и пчелы...

— А что, — удивилась я, — у вас и пчелы сражались против американцев?

— Еще как! — ответил старик.

И тут ко мне подошел парнишка лет пятнадцати, тоже местный партизан. На нем была хлопчатобумажная куртка, за поясом — пистолет и пара гранат. Блеснув белыми зубами, он добродушно рассмеялся.

---

[1] Американские самолеты.

Этот снимок сделан прямо во время боя. Партизаны защищают родную деревню.

На фото ***внизу*** *склад боеприпасов Освободительной армии.*

— Ты, старшая сестра, желаешь узнать про наших боевых пчел? Ладно, расскажу! ...Это довольно простое дело, надо только хорошо знать их. Ведь у них в жалах очень сильный яд. Три-четыре укуса — и все лицо опухает, человек перестает видеть и корчится от боли.

Однажды пчелы напали на моего младшего братишку. Он у опушки леса пас буйволов. Мать всю ночь поила его каким-то лекарством, накладывала компрессы, а он все метался, всхлипывая от боли, причитал: «Паршивые пчелы: вместо того, чтобы кусать американцев, они кусают нас...»

Эти слова засели у меня в голове. Что, если действительно заставить пчел бороться с врагом?.. Долго я никому про это не говорил: боялся, что старшие товарищи поднимут меня на смех.

Но вот из уездного города пришла недобрая весть: в нашу деревню посылают отряд карателей. Мы стали усиленно готовиться к защите. Тогда у нас уже были винтовки и гранаты, но ведь известно: в бою лишнего оружия не бывает. И я решился открыть свой «пчелиный план».

Старшие товарищи качали головами и говорили, что тут большой риск — вдруг пчелы набросятся на нас самих? Но все-таки разрешили мне вместе с другими ребятами попробовать.

Мы отправились в джунгли и к концу дня нашли гнездо. Оно висело очень высоко — метрах в десяти над землей. Но нам, вьетнамским мальчишкам, карабкаться по стволам — дело привычное. Главное — уберечься от укусов.

Летку надо было прикрыть большим листом растения или толстой бумагой. Лучше всего это сделать, когда все пчелы собрались в гнезде. Это нам удалось. Сняв осторожно гнездо, мы отнесли его в деревню. Потом добыли еще несколько гнезд. Прикрепили их на деревьях у дороги в уездный город. Тут же, у дороги, находились и ловушки с минами.

Когда разведчики донесли, что отряд карателей во главе с американскими офицерами двинулся в нашу деревню, мы заняли позиции у пчелиных гнезд. Оттуда доносилось грозное гудение разъяренных насекомых, рвавшихся на свободу.

Теперь надо было вовремя — не слишком рано и не слишком поздно — с помощью тонкого шеста прорвать бумагу, закрывающую летки. Сделали мы это тогда, когда враги были уже совсем близко... И сразу же «взяли ноги в руки» — что есть духу помчались прочь.

Наши партизаны, укрывшиеся в лесу, наблюдали, как атакованные бешеными пчелами сайгонские вояки и их американские командиры прыгали, вертелись, кричали нечеловеческими голосами, словно посходили с ума! Они тщетно пытались отогнать диких пчел гранатами и беспорядочной стрельбой. Но что пчелам пальба? Они нападали на врага со всех сторон, раздраженные царящим вокруг замешательством и шумом... А вскоре, заглушая вопли, загремели взрывы. Это начали действовать партизанские мины. Взметнулись к небу фонтаны воды, земли и обломков деревьев. Солдаты, которые уцелели от мин, пустились наутек. Многие стали бросать оружие и сдаваться, чтобы сохранить себе жизнь... Так карательная экспедиция против нашей деревни потерпела полный провал.

— Только у вас в деревне используют боевых пчел? — спросила я парнишку, когда он закончил рассказ.

— В других деревнях тоже,— ответил он. — До сих пор враг не сумел ничего придумать против наших пчел, и они его всегда побеждают. Ну, а если и придумает, мы найдем новый способ ему насолить!

Наступил вечер. В деревне погасли огни. В небе послышался рокот самолетов. Мы пересели поближе к подземному убежищу, готовые в любую минуту спуститься туда.

«Летающие крепости», напалмовые бомбы, яды, отравляющие с воздуха посевы риса... Целые американские дивизии... Вся современная военная техника США, за исключением только ядерного оружия... А против такого сильного, жестокого и коварного врага лишь винтовки, пулеметы, мины и... дикие пчелы. Хватит ли этого для победы?» — с горечью подумала я.

Свой вопрос я невольно произнесла вслух. И тогда из темноты неожиданно прозвучал низкий, слегка хрипловатый голос командира партизанского отряда. Это был немолодой крестьянин, вот уже больше двадцати лет участвующий в движении Сопротивления — сначала против французских колонизаторов, а теперь против американских империалистов.

— Мы сражаемся на своей земле и отстаиваем свободу. Тут нам помогает все: дождь и солнце, лес и земля, вода и горы. Американцы лишают наши джунгли листвы, жгут поля, отравляют воды рек и ручьев, но они ничего не добьются. Я говорю: **мы — у себя!** Мы защищаем **свою** землю!

Старший

В. МОРОЗОВ

Рисунки Е. РАСТОРГУЕВА.

...Дождь за окном.

Саша нащепал длинным ножом сосновую лучину и затопил печь. Запахло дымом. Из печной пасти вырвался длинный огненный язык и осветил хату. На стене стала хорошо видна самодельная рамка из

крашеной соломки и в ней фотография матери.

Сколько Саша помнит себя, эта карточка всегда висела здесь, над комодом.

На голове у матери венок из тугой косы. Лицо молодое, совсем девчонка. Бусы на ней из рябиновых ягод. Мать рассказывала, как девчонкой любила она нанизывать на суровую нитку ягоды, то янтарные, то оранжевые, то ярко-красные. Любовь к рябине сохранилась у нее на всю жизнь. Каждую осень она непременно кладет между оконными рамами гроздья рябины. Теперь, правда, не положит...

Сегодня Саша с отцом отвезли маму в городскую больницу, и врачи сказали, что лежать ей там самое малое до весны.

Осенний дождь все набирает силу. Под окошками что-то булькает, чавкает...

Пока варилась картошка, Саша сходил к корове, задал ей клеверу. Огромная, как цистерна, она посмотрела на хозяина печальными глазами, словно подумала: «Ох, и нелегко тебе будет со мной!»

Когда маму увозили в больницу, она сказала, что доить корову будет соседка тетка Ганна. Да что-то ее нет, хотя на дворе уже совсем темно.

Саша не зажигает свет, чтобы не разбудить Аню, младшую сестренку. Наревелась она сегодня без мамы и наконец уснула.

Шестилетний Ленька, наверно, у калитки: ждет отца. Скоро вся семья будет дома. Кроме мамы.

«Где подойник?» Саша нашел за перегородкой пахнущее молоком ведерко, прихватил чистую марлевую тряпицу и вышел.

...В хату заглянула суетливая тетка Ганна. «Уж не вернулась ли из больницы Мироновна?» — подумала она, услышав, как за стеной бьют в подойник короткие струйки молока.

Вскоре в комнату вошел Саша. Поздоровался с соседкой и стал разливать по кринкам пенящееся молоко. Потом подошел на цыпочках к спящей Ане и поправил на ней одеяло.

Ему не могло прийти в голову, что в тот же вечер тетка Ганна пустит по поселку молву: «Старший-то у Мироновны, знаете какой...»

Саша пользовался в поселке славой работящего паренька.

После окончания седьмого класса Саша целое лето провел с отцом на комбайне. Нелегко было угодить отцу, знатному механизатору.

Всякое, конечно, бывало у отца с сыном. Как-то в самый разгар уборки хлеба комбайн наскочил на камень. Отец впервые доверил Саше штурвал, и вот такая неудача!

Осмотрев повреждение, отец помрачнел.

— Неделя ремонта. Загорай, помощничек!

— Будем комбайн чинить в поле, батя,— заявил Саша.— Ночью будем. Только ты не вздыхай.

И через три дня комбайн Еланских снова, как огромный кузнечик, стрекотал в поле.

Солнце обжигало лица отца и сына, скрипела пыль у них на зубах, звенело в ушах. Оба возвращались с работы, тяжело ступая по белой от лунного света тропе.

Таким знали Сашу в поселке. Но никто, пожалуй, не думал, что парнишка горазд не только в отцовском деле, что он и заботы матери может принять на себя.

Заботы матери... Прощаясь, она шепнула Саше сухими губами: «Смотри... за отцом». И Саша сразу понял, о чем она говорит.

Как только ушла соседка Ганна, грохнула калитка, и кто-то затопал на крыльце. Отец! Саша понял: «Опять то же самое». И похолодел.

Отец рывком отворил дверь, шагнул через порог. За его спиной прошмыгнул в комнату съежившийся Ленька и мышонком забился куда-то.

Саша, стоя посреди комнаты, смотрел на отца. Коренастый, крутоплечий, он щурил на сына мутные, словно намыленные глаза. С козырька его фуражки падали на пол дождевые капли. Блестящие капли висели на бровях и на ресницах. Он сдунул их, выпятив нижнюю губу, и неуверенно шагнул к лавке, где стояло ведро с водой. Поднял его обеими руками и стал пить.

Потом с незажженной папиросой в руке он долго сидел на кушетке, опустив тяжелые кисти рук.

— Леньку покорми... Завтра в город поеду... Говори, чего купить?

Саша молчал. С трудом поднявшись на ноги, отец сбросил вымокшую стеганку, стащил сапоги и направился к кровати. Кровать еще не разбирали. Как мать положила белоснежные подушки, так они и лежали, словно надутые, едва касаясь постели.

Не раздеваясь, отец плюхнулся на подушки.

...Спал Саша плохо. Поднял мальчика с постели отец. Ему, видимо, тоже скверно спалось: лицо помятое, хмурое. Под глазами темные мешки.

— В школу пойдешь? Иди... Я Ганне скажу, она обещала посмотреть за ребятишками.

Верно все же говорят, что у тетки Ганны язык маслом смазан. Она дома рассказала своей дочери Нине, Сашиной однокласснице, какой хороший хозяин у Мироновны. Налив в стакан вина, он протянул его стоящему у стола Леньке:

— На-ка вот... сынок. За мамкино здоровье... Держи, тебе говорят!

Ленька несмело потянулся к стакану. И тут, не помня себя, Саша с силой выхватил стакан и встал перед отцом.

— Не смей!

Мутные глаза Ивана Демьяновича вроде бы сильно запорошило: они часто замигали. Никогда еще не видели эти глаза Сашку таким дерзким. Он смотрел прямо в глаза отцу.

А Нина вся в мать. Утром Сашин класс уже деловито гудел. С классным руководителем подбирали шефов над домом Еланских. С Сашей ребята обращались так, точно он сам тяжело заболел или перенес операцию. Как могли, успокаивали и предлагали помощь.

Света Зазеко принесла вырезанную из газеты статью какого-то ученого. Он утверждал, что благодаря новым методам операция, которая предстояла Сашиной матери, совершенно безопасна и срок окончательного выздоровления сокращается вдвое.

В этот день Саша летел домой сам не свой. Сияющий, распахнул дверь да так и застыл на пороге. За столом сидел отец. Небритое, отекшее лицо его было чужим.

— А еще Еланский!

Чтобы не разреветься, Саша выбежал из дома.

— Поговори мне! — неслось вдогонку.— Ишь, язык развязал, молокосос! Рука у меня тяжелая...

Когда Саша вернулся домой, ему бросилась в глаза недопитая бутылка на столе.

Протрезвевший отец угрюмо сказал:

— Отвернуться от отца родного надумал?

— И отвернусь!—с сердитым блеском в глазах выпалил Саша.— Не могу больше... Стыдно!.. Из-за тебя... такого,— он глянул на фотографию в рамке из крашеной соломы,— и мамка... заболела... Все ты!

После этого разговора Саша, избегая встречи с отцом, часто уходил на берег ре-

ки. Сядет, обхватит поджатые к подбородку колени, смотрит вдаль или перечитывает письма матери.

Она писала, что дело идет на поправку. Словно бы ненароком справлялась об отце. Советовала сыну присматривать, но и не перечить ему: прибьет. Рука у него тяжелая.

Однажды эта рука легла на плечо Саше, когда он, уложив спать Леньку с Аней, сел за учебники. Отец возвратился из дальнего рейса: водил колонну автомашин, груженных свеклой, на сахарный завод.

Обернувшись, Саша увидел изнуренное, серое лицо. Щека была залеплена грязью. Наверно, пришлось вытаскивать чей-то засевший в глубокой колее грузовик. Отец робко улыбнулся и вытащил из кармана шоферской куртки рябиновую ветку с гроздьями оранжевых ягод.

— Положи за окошко. Мать порадуется, когда вернется...

С тех пор никто не видел пьяным Ивана Демьяновича. И он сам признался кому-то, что спас его от беды сын Саша. Декабрь подметал поземкой дорогу, когда Еланские, отец и сын, поехали на «газике» в больницу. Мать встала уже на ноги, и врачи разрешили забрать ее домой.

«ПИОНЕР» ПРОСИТ ОТВЕТИТЬ:

1. **Кто был бы самым лучшим вожатым твоего отряда!**
2. **Где самое лучшее место для сбора отряда!**
3. **Какие поручения ты любишь выполнять, какие нет! Почему!**
4. **В каких делах отряда ты любишь участвовать, в каких нет! Почему!**
5. **Как решается в отряде, кто войдет в совет отряда!**
6. **Как решается у вас, чем отряд будет заниматься!**
7. **От кого зависит, будет ли выполнено намеченное дело!**
8. **Чему бы ты хотел научиться в этом году!**
9. **Как ты представляешь себе настоящую пионерскую жизнь и что для этого надо!**

Ты помнишь, XV съезд комсомола среди самых важных комсомольских дел назвал заботу о пионерской организации.

Вожатый юных ленинцев, комсомол серьезно работает над тем, чтобы жизнь пионерского отряда не была однообразной, чтобы дела ребят в дружинах были боевыми и интересными. Таков наказ Центрального Комитета нашей партии комсомольскому съезду.

Ты тоже хочешь, чтобы жизнь пионерская была боевой, веселой, настоящей. Подумай хорошенько, посоветуйся с товарищами и ответь на анкету «Пионера».

Если будешь отвечать на анкету (а «Пионер» очень бы хотел получить твой ответ), вопросы не переписывай, ставь только номер вопроса и ответ. Хочешь, не ограничивайся лишь ответом на вопросы, пиши о том, что считаешь важным.

В письме должно быть обязательно указано, сколько тебе лет, в каком ты классе, в городе ты живешь или в деревне и, конечно, еще — мальчик ты или девочка.

В. КРАПИВИН

Рисунки
Е. МЕДВЕДЕВА.

(Окончание.)

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Кашка был счастлив полностью. До конца. Больше он ничего не хотел. Он шел с Володей. Шел на ту лужайку, где вчера повстречали страшную собаку и где был камень. Там они будут разводить костер. Вдвоем. Кашка шагал не сзади, а рядом. Володя сам зашел за ним и небрежно сказал Серафиме:

— Мы с Кашкой погуляем. Не бойся, он со мной будет.

И вот они идут. Володя сказал, что хочет обжечь в костре тросточку. Вчера вечером он вырезал на ее коре шахматные кубики, полоски, треугольнички, кольца. На огне вся тросточка потемнеет, а потом Володя снимет кору, и на обуглившемся дереве останутся белые узоры...

День был прохладный. Солнце лишь изредка проглядывало в разрывы облаков. Кашка отправился в путь в одной рубашонке и поеживался. Но он был рад: когда холодно, еще приятнее сидеть у костра. В лесу ветер стал слабее, и, когда пришли к поляне, Кашка почти согрелся.

Набрали сухих веток и сложили у камня.

— Кашка, ты про костер помалкивай, а то будет нам нахлобучка,— предупредил Володя.

— Я помалк... помолк... буду помалкивать. А у тебя есть спички?

— У меня стекло есть. От бинокля. Надо только солнца дождаться. Вот смотри...

В Кашкину ладонь круглой льдинкой скользнуло выпуклое стеклышко. Кашка бережно взял его за края и навел себе на локоть, чтобы в увеличенном виде рассмотреть одну из царапин. Солнце прыгнуло из-за облака и кольнуло кожу огненной точкой. Кашка ойкнул, уронил линзу и засмеялся.

— Ага! — сказал Володя.— Ты не шути. Это солнечная энергия.

— И костер загорится?

— Как миленький. Сбегай к соснам, принеси сухих иголок. Они как порох.

Кашка, подпрыгивая, бросился за растопкой. Он бежал, а в голове плясали прискакавшие откуда-то коротенькие строчки:

Я веток найду,
Я костер разведу!
Я иголок найду,
Я костер разведу!

«Костер, как живой...» — вспомнил он и вдруг понял, что все эти строчки соединяются в стихи!

Кашка пошел не спеша. С самого начала повторил все, что сочинилось. Получалось здорово, только нужно было придумать немножко не так. Вот как надо:

Я веток найду, я иголок найду,
На нашей поляне костер разведу.
Костер, как живой...

Нет, еще немножко не так.

«Я веток сухих, иголок найду...» Потому что для костров нужны только сухие ветки.

Но тут Кашке стало жаль стеклышка, для которого не осталось места в стихах. Он попробовал вставить его вместо поляны. Сначала слова не хотели укладываться в строчку, а потом вдруг легли, и Кашка даже подскочил от радости.

Я веток сухих и иголок найду,
Стеклом от бинокля огонь разведу.
Костер, как живой. Он похож на жар-птицу...

Когда Кашка с пригоршней сухой сосновой хвои примчался к Володе, рядом с ним он увидел Райку.

Райка и Володя беседовали. Кашке это не понравилось.

— Такой холод сегодня! — говорила Райка.— Просто дрожь берет.

— Угу,— откликнулся Володя.

— Ты наших девчонок не видел?

— Нет, не встречал,— сказал Володя, склоняясь над сучьями для костра.

— Хотела в волейбол поразмяться, а на площадке нет никого.

ДЛЯ ТЕХ, КТО ПОЛУЧАЕТ ЖУРНАЛ СО ВТОРОГО ПОЛУГОДИЯ: повесть «Оруженосец Кашка» печатается у нас с № 5.

— Бродят где-нибудь,— заметил Володя и переломил о колено толстую ветку.— А, Кашка! Давай сюда, сыпь. Как раз солнце.

— Здравствуй, Кашка! — почему-то обрадовалась Райка.

— Здравствуй,— сумрачно сказал он и занялся костром.

— Просто удивительно как он вырос, твой оруженосец,— обратилась Райка к Володе.— Когда в лагерь приехали, он гораздо меньше был. А сейчас какой-то вытянутый стал. Или мне кажется.

— Кажется,— сказал Володя.— За две недели нельзя заметно вырасти.

«Правильно», — подумал Кашка.

Райка еще постояла рядом, потом нерешительно проговорила:

— Пойду, поищу наших.

— Только про костер не рассказывай,— предупредил Володя.

Райка ушла.

— Она хотела, чтобы мы позвали ее с нами сидеть,— сказал Кашка и нахмурился.

— Да брось ты! — возразил Володя.—Очень ей надо с нами сидеть. Она девчонок ищет.

Он взял стекло и послал на иголки солнечный колючий лучик. От яркой точки вырос и разбежался желтый огонек. Лизнул ветки.

Через минуту, когда костер уже победно стрелял искрами и кружил пламя, Кашка спросил:

— Это ведь не в последний раз, да? Мы потом ведь еще можем разжечь?

— Хоть каждый день... Ты, Кашка, садись.

И Кашка сел. Он сел так, что плечом чувствовал Володин локоть.

— Я стихи придумал,— вдруг сказал Кашка.— Про костер.— Он смотрел в неяркое дневное пламя и напряженно ждал, что скажет Володя. Волны теплого воздуха перекатывались через ноги, а спине было холодно. Поэтому Кашка немного вздрагивал.

— Стихи? — переспросил Володя.— Сам придумал?

— Ага...

— Надо же... Я один раз пробовал стихи сочинить... Для одной девчонки. Ну, ничего не получилось. А у тебя получилось?

— Ага,— снова сказал Кашка.

— Почитай, а?

Нет, Кашка не мог так сразу. Неловко было и страшно.

— Я не умею. Я лучше напишу и отдам. Тебе...

— Ну... ладно. Только не забудь...

●

— ...Только не забудь,— сказал Володя и вдруг понял, что ему в самом деле интересно, какие стихи получились у Кашки. И приятно, что Кашка сказал ему об этих стихах. И еще он с удивлением почувствовал, что плевать ему на любые насмешки насчет нянек и всякой ерунды. То есть не совсем плевать. Кто будет дразниться, тот получит. Но Кашку Володя прогонять не станет и бегать от него не будет.

И вот еще что странно: никогда никому Володя не рассказывал, что однажды пытался сочинить стихи для Надежды, а Кашке сказал об этом сразу, спокойно и доверчиво...

— Ты не забудь написать,— повторил он.— Я твои стихи домой увезу. На память...

●

— ...Домой увезу,— сказал он, и Кашку вдруг кольнуло предчувствие близкой беды. Именно беды.

Ведь совсем скоро придет день, когда Володя уедет в город. А Кашка — в Камшал. В разные стороны.

Он до сих пор не думал об этом. Но сейчас начал думать и понял, что уже никак не прогнать это ожидание близкого печального отъезда. Никак. Потому что все равно придет этот день. Дни идут быстро.

Ну почему, почему он и Володя живут так далеко друг от друга?

— Во-лодя...— встревоженно начал Кашка.— Знаешь что, Володя? Я придумал. Поедем к нам в гости. Когда лагерь кончится.

Он только сейчас это придумал. Сию минуту. Но это был выход. Если Володя поедет, ему, может быть, понравится в Камшале. И тогда, может быть, он захочет приехать еще раз. И еще. А ему понравится! Там они каждый день будут жечь костры...

Володя вынул из огня обожженную тросточку. Она дымилась, и по обугленной коре бегали искры.

— Ну, Кашка...— неуверенно сказал Володя.— Ты и придумал... Тебе, наверно, дома влетит. Скажут, кого это ты притащил...

— Не! Не скажут!

— И мне влетит. Все домой приедут, а меня нет. Знаешь, какой переполох будет!

— А ты письмо напиши. Если напишешь, тоже влетит? — упавшим голосом спросил Кашка.

— Если напишу? Нет, тогда не влетит... Ну, я не знаю. Там видно будет, ладно, Кашка?

— Ладно... А что видно?

— Мало ли что. До конца смены еще вон сколько дней. Вдруг что-нибудь случится! Или ты раздумаешь. Или еще что-нибудь.

— Не раздумаю,— с отчаянной твердостью сказал Кашка.— Володя! А если не случится? И если не что-нибудь? Тогда поедешь?

— Ну, посмотрим... Камшал отсюда сколько километров? Сорок? Сорок — это недалеко, ладно... Ты садись как следует. Возьми куртку, а то у тебя зубы стучат.

— Тепло,— лениво сказал Кашка, чувствуя громадное облегчение и усталость от прошедшей тревоги.

— Ногам тепло, а спине холодно. Дай накрою... Куртка пахла смолой и березовым дымом.

Володя ножиком снимал с палки остатки коры. Черные кубики и треугольники сыпались Кашке на колени. Свежая белизна узора ярко выделялась на дереве, потемневшем от огня.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Ночью Кашка писал письмо. Попросил у Вальки — Обезьяньего Царя — фонарик, укрылся с головой и выводил в тетрадке крупные буквы:

«Здравствуй мама. Я жыву здесь хорошо. Мама у меня есть друк. Ево зовут Володя. Мама можно Володя приедет вгости мы будем вместе гулять и за ягодами. Мама я жыву хорошо патамушто Володя. Я сочинил стихи...»

После стихов писать было нечего. Кашка с облегчением вздохнул и поставил такую точку, что проколол бумагу.

Но тут он вспомнил, что обещал подарить стихи Володе. Что же, писать еще раз? Сколько слов! Таких длинных! Сочинить все это было, пожалуй, легче, чем написать...

Кашка подумал и аккуратно оторвал половинку письма со стихами. Маме он их и так расскажет, когда приедет. А это Володе...

●

А утром, когда позавтракали, Кашка исчез.

Серафима ходила по лагерю и тихо рычала от злости. Больше всего она не любила, когда кто-нибудь из малышей пропадал из виду.

увидела на веранде первой дачи, а Кашки там не было.

— Слушай, где твой оруженосец? — раздраженно заговорила Серафима.— Целый час бегаю по лагерю, высунув язык. Не могу найти ни его, ни тебя. У меня по плану разучивание песни, а твой Голубев...

— Не говори так много слов,— сквозь зубы отозвался Володя. Он сидел на перилах веранды и зашивал покрышку волейбольного мяча. Иголка не хотела втыкаться в панцирь и втыкалась в пальцы.

— Где Кашка? — повторила Серафима.

— Что я, на цепи его держу? У-ых... ф-ф-ф...— Он сунул в рот палец и с ненавистью уставился на иголку. Нитка выскочила из ушка.— Дьявол тебя проглоти! — в сердцах сказал Володя.

— Меня? — возмутилась Серафима.

«Тебя само собой»,— подумал Володя, но вслух попросил:

— Вдерни мне нитку...

— Ну тебя с ниткой! Она пустилась дальше на поиски.

Конечно, Серафима не догадывалась, что и Володю встревожило исчезновение Кашки. Он проводил вожатую глазами и прыгнул в траву, проклиная бестолкового оруженосца, Серафиму, мячи, нитки, иголки и белый свет.

— Получай, Сима, своих гавриков, — хриплым басом сказала Тося.

— Пусть уж лучше на головах пляшут, только чтобы у меня на глазах,— часто повторяла она.

Кашка никогда не дрался и на голове не плясал. Это было просто чудесно. Правда, в последнее время начал он где-то пропадать, но потом выяснилось, что он уходит с Володей, и Серафима успокоилась.

Однако сегодня он исчез один. Володю Серафима

●

Кашку Серафима увидела неожиданно. Его и Мишку Зыкова вела навстречу Тося Крючкова. Она двигалась с суровым видом и держала мальчишек за воротники. Кашка шел покорно, только сопел, а Зыков лягал Тосю босыми пятками, возмущенно вскрикивал и хотел вырваться. Старался он зря: Тося была самой большой девчонкой в лагере. Посильнее многих мальчишек из первого отряда.

— Получай, Сима, своих гавриков,— хриплым басом сказала Тося.— Дрались, понимаешь, в кустах, аж сучья трещали. Еле расцепила. Особенно вот этот.— Она тряхнула Кашку. Голова у Кашки мотнулась.

— Спасибо,— вздохнула Серафима.— Ты их, Тося, пусти. Не сбегут сейчас... Ну, что скажете?

Кашка ничего говорить не собирался. Зато у Мишки слова рванулись, как барабанная дробь. Частые, горячие, убедительные:

— Серафима Павловна! Он, как бешеный! Мы сидим, а он — раз! Мы сидим с Валькой, разговариваем, он — трах! На меня! Как сумасшедший! Ни за что! Мы про него даже не говорили, сидим с Валькой на полянке у кустика, а он как выскочит! Трах по спине! Я думал, он играет, а он опять — раз! Изо всей силы, только мимо...

Столпившиеся вокруг свидетели подтвердили, что так и было. Кашка, будто зверь, набросился на невиноватого Зыкова.

— Я его отпихну, а он опять лезет. Я ему раз — прием! А он опять лезет! Он же драться не умеет, а сам лезет! — Честные Мишкины глаза смотрели без обиды и злости, было в них только удивление и жажда справедливости.

— Ладно, идите все, не мешайте,— решила Серафима.— Мы тут с ним разберемся. Идите, идите...

Зрители и свидетели нехотя разбрелись. Мишка отошел на три шага и нерешительно затоптался. Не знал, относятся ли слова Серафимы и к нему.

Серафима приступила к допросу:

— В чем дело, Голубев?

Кашка повертел головой так, будто легонький воротник рубашки натирал ему шею. И промолчал, конечно.

— Ну?

Кашка проглотил слюну и стал разглядывать землю.

— Будешь ты говорить в конце концов? — сдерживаясь, спросила Серафима.— Что у вас случилось? Ты первый начал драку? Сам?

— Сам,— тихонько сказал Кашка.

Ну и ну! И это тихий, послушный Кашка Голубев, с которым не было ни забот, ни беспокойства!

— В чем же дело? — почти жалобно проговорила Серафима.— Была какая-нибудь причина?

Кашка подумал и нерешительно ответил:

— Была...

— Какая?!

Кашка прочно смотрел в землю.

— Может, он заболевший? — участливо спросил Мишка. Он был вполне доволен честными Кашкиными ответами и теперь уже сочувствовал ему. Но Кашка не оценил такого благородства. Мрачно покосился на Зыкова.

— Ты сам заболевший...

Вот так и стояли они на широкой аллее, на самом солнцепеке, и вели какой-то бесполезный разговор. И это наконец совсем разозлило Серафиму. Она опять взялась за Кашку:

— Клещами я из тебя слова тянуть буду? Или говори сейчас же, или...— Что «или», она еще не придумала и сбилась.— Или... Встань, пожалуйста, как следует, когда с тобой говорят! Разболтались совсем... Что ты за живот держишься? Стукнул он тебя, что ли, по животу?

— Не стукал я! — возмущенно откликнулся Мишка.

— Не, не стукнул,— подтвердил Кашка.

Серафима редко брала своих малышей «в обработку», но сейчас решила не отступать.

— Опусти руки и подними голову,— деревянным голосом сказала она.

Кашка шевельнул руками, но совсем их не опустил и продолжал прижимать к животу локоть. Серафима сжала губы, решительно взяла Кашку за ладони и вытянула его руки по швам.

Тогда раздался тихий шелест, и из коротеньких Кашкиных штанин посыпались мятые конверты. Кашка подпрыгнул и уставился на них с таким испугом, словно это было что-то кусачее и ядовитое.

— Так...— тихо сказала Серафима.— А это что такое?

Но Кашка снова молчал, и опять вмешался его противник:

— Это письма. Он на почту, наверно, бегал. Да, Кашка?

— Да? — сурово спросила Серафима.

— Ага... — выдохнул Кашка.

— А кто тебе разрешил?

Никто ему не разрешал, зачем зря спрашивать. Просто не терпелось Кашке отправить свое письмо. Ведь до конца смены не так уж много дней осталось, а Кашке надо было дождаться из дома ответа. Ну просто обязательно надо! А вдруг не успеет ответ? Эта мысль грызла Кашку с вечера, а утром беспокойство сделалось сильнее всяких страхов. Он скользнул из столовой и пустился в путь.

До деревни, где почта, всего-то два километра. И дорога прямая, не заблудишься. Кашка то шагом, то вприпрыжку двигался через лес. В одной руке письмо, в другой березовая ветка и четыре копейки. И никого он не встретил на пути. Только на краю деревни хотели атаковать Кашку жирные нахальные гуси. Они выстроились поперек дороги шеренгой и выжидательно поглядывали на голые Кашкины ноги.

Гуси они и есть гуси. Дурни... Кашка не спеша подошел поближе, рванулся вперед и на всем скаку врезался в белогусиный строй. Ветка, будто сабля!

Он уже подлетал к почте, а сзади, вдалеке, все не смолкало бестолковое гусиное гоготанье.

На почте, в тесовой комнатенке, скучала за окошечком девушка, немного похожая на Серафиму. Тоже веснушчатая и светлобровая. Увидела Кашку и оживилась:

Кашка на всем скаку врезался в белогусиный строй.

— Тебе что нужно, молодой человек?

«Молодой человек» протянул копейки.

— Конверт...

Девушка взяла деньги.

— Ага... А знаешь, ничего не выйдет. Денег-то мало. Это одна марка четыре копейки стоит, а конверт с маркой — пять.

Вот этого Кашка никак не ждал!

И такое, наверное, несчастное сделалось у него лицо, что девушка засмеялась и сказала:

— Ладно. Хочешь заработать конверт? На, получай. А за это отнесешь в лагерь письма. Тут восемь штук... Ты ведь из лагеря?

Кашка осторожно признался, что да, из лагеря. Он минут пять еще трудился над адресом, потом отдал девушке заклеенный конверт, получил письма и выпрыгнул на крыльцо.

— Не потеряй! — услышал он вслед.

Он не потеряет! Все будет хорошо! Отлично все получилось! И лишь недалеко от лагеря с размаху остановила его тревожная мысль: а как же он отдаст письма? Ведь тогда узнают, что он бегал без спросу на почту!

Кашка растерянно затоптался в травянистой колее. Просто хоть обратно неси эти письма. Но ведь не понесешь же, в самом деле. И тут пришло счастливое решение: «Отдам Володе. Он что-нибудь придумает».

Кашка спрятал конверты под рубашку и двинулся к лагерной калитке.

Он был уже у отрядной дачи, и уже наперебой говорили ему, что Серафима ходит злая и разыскивает его. И он уже успел испугаться и расстроиться, потому что Серафимы боялся, а Володю не нашел. И вдруг в одну секунду позабылись испуг и тревога. Кашка услышал Мишкины слова. Мишка сидел среди кустиков и беседовал с Обезьяньим Царем. И шутя говорил такое!.. В общем, Кашка замер сперва, а потом в нем что-то сорвалось.

И он ринулся в битву так же стремительно и без оглядки, как недавно врубался в гусиные ряды...

●

— Кто тебе разрешил? — повторила Серафима.— Кто позволил без спроса уходить из лагеря? Знаешь, что за это бывает?

Кашка точно не знал. Наверное, что-то жуткое. Неужели исключат? А вдруг, правда, отправят сейчас домой? И не поедет к нему Володя...

Страшная беда, неминучая, нависла над Кашкой. И, казалось, не было спасения.

Но оно было. Оно пришло. Появился Володя.

Он тоже смотрел на Кашку не очень-то ласково. Но смотрел внимательно и увидел то, что Серафима не заметила сгоряча.

— Подожди,— хмуро сказал он Серафиме.— Не видишь, он весь в крови?

Конечно, Кашка не весь был в крови. Просто рука у него оказалась расцарапанной выше локтя. Кровь ползла медленными струйками.

— Покажи,— велел Володя.— Дрался, что ли?

— Это он сам о ветки расцарапался, честное октябренское,— жалобно заговорил Мишка Зыков.— Я его даже не стукнул ни разика.

Серафима поморщилась.

— Еще не легче! Теперь в медпункт его тащить. Бинты, йод, писк...

— Какой там писк,— сказал Володя.— Кашка, иди к Райке. У девчонок есть бинт. Да скажи, чтоб промыли. Ну, бегом, чего стоишь!

Кашка моргнул, приоткрыл рот, словно спросить хотел что-то. И сорвался с места.

Серафима растерянно посмотрела вслед. Потом запоздало возмутилась:

— Ты, Новоселов, собственно говоря, что распоряжаешься?

— Тебя пожалел,— усмехнулся Володя.— Сама же говоришь, что боишься писка.

— Не лагерь, а орда,— печально сказала Серафима.— Ну, ладно. Я с вами еще разберусь.

— Разбирайся со мной,— серьезно попросил Володя.— А с Кашкой я разберусь сам.

— Великолепно! — Серафима подбоченилась и наклонила набок голову.— Может быть, теперь ты вожатый, а не я? Может быть, ты за мой отряд отвечаешь? Или я все-таки?

— Ну, ты...— мрачно согласился Володя.— А если ты... Если ты отвечаешь, ты отвечай, как надо, а не хватай сразу человека за шиворот! Ты знаешь, зачем он бегал на почту? Ничего не знаешь. А сразу ругаешься! А может быть, он какое-то важное письмо ждет! — Володя почувствовал, что нашел слова, с которыми трудно спорить. И продолжал почти весело: — Может быть, у него дома что-нибудь случилось, может, он по ночам не спит... Ты его про это спросила?

— Не спит он, как же...— неуверенно проворчала Серафима.— Другой бы на его месте взял бы тогда и объяснил все. А он стоит и молчит...

— Другой на его месте,— ядовито сказал Володя,— взял бы да сунул все эти письма под пень в лесу или в яму какую-нибудь. И концы в воду. Никто бы и не узнал, что он на почту бегал. А он принес...

Может быть, Серафиме нечего было возразить. А может быть, она взглянула на рассыпанные по песку письма и увидела среди них то, которое очень ждала. В общем, она торопливо наклонилась, собрала конверты, проворчала, что все равно это дело Кашке, а заодно и Зыкову так не пройдет, и ушла.

Володя весело засвистел. Победа была за ним. Он уже хотел покинуть «поле битвы», но заметил у края аллеи, в траве, свернутый листок бумаги. Записка, что ли, какая-то? Она шевелилась под ветром, словно хотела выбраться из путаницы стебельков и листьев.

Володя поднял бумажку, развернул и увидел:

Стихи для Валоди
Я веток сухих и иголок найду.
Стиклом от бинокля огонь разведу
Кастер как жывой
Он похож на жар птицу.
Она мне северне наверно присница.

Володя аккуратно, уголок к уголку, свернул листик и спрятал в карман. Улыбнулся и пошел туда, где перевязывали раненого оруженосца.

Но Кашка уже сам летел навстречу. Распущенный бинт реял за ним, как вымпел.

Сзади с возмущенными криками бежала Райка, а за ней еще три девчонки.

— Во-лодя...— Кашка остановился и никак не мог отдышаться.— Тут бумажка... с письмами была... Я потерял...

Володя вынул стихи.

— Эта?

— Ага...— Кашка начал улыбаться. Улыбка была смущенная и вопросительная.

— Я прочитал,— негромко сказал Володя.— Хорошие стихи. Правда, Кашка, хорошие. Честное слово... Ну, давай, я завяжу руку.

— Вот придумал! — вмешалась Райка.— Нужен стерильный бинт. Смотри, он этот в песке извозил. Сорвался, как сумасшедший. Девочки, дайте йод.

Она развернула новый моток бинта. Кашка послушно подставил локоть. Смотрел он не на Райку, а на Володю. Равнодушный к боли и совсем счастливый.

— Кашка, а зачем тебя на почту понесло? — поинтересовался Володя.
— Чтоб скорей письмо отправить. Чтобы мама скорей ответ написала...— Кашка замялся. Неудобно было объяснять Володе, что без маминого разрешения он побаивался везти к себе гостя.
— А дрался зачем?
Кашка насупился. Покосился на Райку.
— Я потом... скажу.
Райка завязала тесемки бинта.
— Пойдемте, девочки. Пусть они секретничают.
Девчонки с независимым видом удалились. Даже их спины говорили: «Больно нужны нам ваши тайны!»
— Ну? — сказал Володя.
— Мишка Зыков... говорил, будто она нарочно мимо стреляла...— Кашка сердито кивнул вслед Райке.— Нарочно, чтобы тебе первое место досталось. Потому что... Мишка — он дурак. Говорит: потому, что она в тебя влюбилась.
— Тьфу ты...— Володя сказал это беззаботно, а у самого тут же заныло, заскребло на душе. Беспокойство — как злая мышь.
Он всегда не любил непонятные разговоры и загадки, полунамеки и хитрые взгляды. Это его злило. А здесь... Здесь было еще хуже. Он не понимал, что и почему хуже, только почувствовал: чтобы не стало совсем плохо, надо решить все мгновенно.
— Райка, стой!
Девчонки остановились, удивленно оглядываясь. Володя подошел почти вплотную.
— Слушай,— отчетливо сказал он.— Ребята говорят, что ты нарочно мазала по мишеням. Для меня. Да?
Девчонки приоткрыли рты. Райка сделала круглые глаза.
— Если да, скажи сразу, без дураков,— потребовал Володя.
Он смутно чувствовал, как рвутся между ними ниточки-паутинки. Ниточки, о которых он раньше не догадался. Но рядом стоял весь натянувшийся, напряженно ждущий ответа Кашка, соучастник его победы, верный и доверчивый оруженосец. И это было главнее.
— Скажи,— твердо повторил Володя.
Райка отступила, прислонилась к березе, запрокинула голову и принялась хохотать. Хохотала она старательно и громко. «Аут»,— мысленно произнес Володя. Он по-прежнему чувствовал досаду, но беспокойство исчезло.
— Пойдем, Кашка. Разве их поймешь, девчонок... Пошли.

●

Дни убегали. Чем ближе к концу, тем скорей. А письмо для Кашки не приходило.
Дежурные отправлялись на почту после обеда, в тихий час, который тянулся не один, а два часа. И это время было для Кашки не сон, а мучение. По нескольку раз он срывался с кровати и выскакивал из палаты, будто бы по неотложному делу. И смотрел, не возвращаются ли дежурные. Иногда Кашке удавалось встретить их, но такие встречи приносили одно расстройство: письма не было.
До прощального костра осталось четыре дня. Вернее, три с половиной.
Кашка лежал и с тоскливым ожиданием смотрел на потолок. По деревянной балке ходила блестящая зеленая муха. Кашка загадал: если муха перейдет через длинную трещину, письмо сегодня будет обязательно. Муха через трещину не шла. Кашка то уговаривал, то ругал ее шепотом, но без всякой пользы. Муха погуляла вдоль балки и остановилась у круглого сучка. Неожиданно она стала толстеть, расти и превратилась в смешного челотяпика с усами и шпагой. Кашка не удивился такому делу, только не понял: как он там держится вниз головой? И еще оказалось, что сучок — это не сучок, а деревянная пробка. Челотяпик обхватил ее, начал раскачивать и, наконец, выдернул из гнезда. Пробка полетела вниз и хлопнула Кашку по лбу. Он моргнул и увидел, что ни пробки, ни челотяпика нет, а есть Алешка Малютов, который приготовился второй раз щелкнуть Кашку в лоб.
— Ждал письмо? На,— прошептал Алешка.— И вот еще, отдай своему Володьке...
Хороший человек Алешка! Просто чудо, какой хороший!
Кашка перевернулся на живот, рванул конверт. Скорей! Ой, длинное какое: «Здравствуй, милый сынок...» Так, это как всегда, это хорошо. «Папа здоров...» — это замечательно. «Бабушка пишет...» Неважно, что она пишет! Где же главное? Ой, вот! «Конечно, пусть приезжает, мы будем очень...»
Ура!
Кашка тихой молнией скользнул в коридор, а оттуда в соседнюю палату.
Большие мальчишки, конечно, не спали. Двое дулись в шахматы, один жевал печенье, Юрка Земцов целился в кого-то мыльницей, еще двое накачивали велосипедным насосом заштопанный волейбольный мяч. Мяч не накачивался и шипел. Мальчишки тоже шипели и шепотом ругались.
Володя лежал на животе и читал книжку.
— Володя,— ликующе зашептал Кашка,— смотри, мама пишет: «Пусть приезжает». Поедем, да?
Володя не сразу понял. Потом отбросил книгу. Ох, черт! Видно, Кашка всерьез вбил себе это в голову...
— Видишь, мама пишет: «Будем очень рады...»
Вот не было печали!
Но ведь он в самом деле тогда пообещал. Как же теперь выкрутиться?
А впрочем... Надо ли выкручиваться? Если уж обещал... Домой, конечно, хочется здорово. Но ведь Кашка тоже...
Володя сел в кровати. Эх ты, Кашка... Вот он стоит перед ним, тонконогий малыш-оруженосец. Смотрит радостными серыми глазами. Поверил.
А может, правда съездить? На пару дней. Дома, конечно, будет нахлобучка, но... наверно, не очень сильная. Райка отвезет записку. Папа поймет. Мама? Пошумит и тоже успокоится. В Белый Ключ ведь он тоже один ездил, а был на год младше.
Может, в самом деле съездить? А то разъедутся они с Кашкой в разные стороны и, кто знает, увидятся ли когда-нибудь еще?
— Ладно, Кашка. У нас ведь еще четыре дня. Договоримся.
— Три,— настороженно сказал Кашка.— А разве мы еще не договорились?
— Ну... Эх, пусть. Договорились. Если все будет в порядке, то договорились... А что это за письмо еще?
— Ой, оно тебе. Я забыл даже...
От кого бы это? Надо же, от Надежды! Интересно... Но он прочитает, когда никто не будет мешать. Так лучше.
— Ну, Кашка, иди, досыпай. А то нам Серафима даст жизни.
— Ага, даст,— радостно согласился Кашка.
Он исчез, а Володя распечатал письмо.
«Вова, здравствуй!
У меня радость. Папка наш едет в командировку в Ленинград и меня берет с собой. А по дороге мы к вам заедем на три дня. Ты мне весь город покажешь. Помнишь, ты обещал? И театр, и скелет ма-

монта в музее, и пристань, и летний трамплин. Я знаю, ты двадцать третьего из лагеря приедешь. Мы к вам тоже двадцать третьего приедем. А к нам в Ключ ты собираешься? Встретимся — договоримся. Ура! Н.»

...Юркина мыльница свистнула над Володиной головой, ударилась о стену и развалилась на половинки. Володя не шевельнулся. Он смотрел в письмо, будто хотел прочитать, какой же придумать выход. Но не было выхода. Тут или-или... Но никакого «или» быть не может. Потому что Надежда — это Белый Ключ, это озера с темной водой и чешуйками месяца, и звезды в разрыве листвы, и солнечные заросшие улицы, и веселье, и ночные костры...

Но... «Костер, как живой, он похож на жар-птицу...»

Как же теперь ему объяснить? Как рассказать, что такое эта круглолицая строптивая девчонка?

Эх, Кашка, Кашка! Не везет тебе, оруженосец...

●

А Кашка, измученный ожиданием и счастьем, спал, лежа ничком поверх одеяла. Ему приснился большой красный самолет в очень синем утреннем небе. Он летел так низко, что пригибались верхушки берез. Самолет весело трещал и блестел стеклами.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Это последнее утро было бессолнечным и сырым. Ночью шел дождь. Володя, просыпаясь, слышал сдержанный шепот капель и вздохи ветра. Сейчас дождя не было, но тяжелые облака так и не разошлись. Володя открыл глаза и увидел в окнах влажный пасмурный свет.

Вставать не хотелось. Володя закинул руки, вцепился в спинку кровати и потянулся. Заскрипела сетка. «Странно как-то получается,— подумал Володя.— Скоро я встану и, наверно, никогда в жизни уже не лягу на эту кровать. И в этой комнате, может быть, никогда уже не буду». Он разглядывал некрашеные доски потолка с привычным рисунком трещин и сучков. Прямо над головой были два круглых сучка, похожих на клоунские глаза, и третий, напоминавший сплюснутый нос. Под «носом» шла вдоль доски короткая широкая расщелина, будто растянутый в тонкую улыбку рот. Это было знакомое лицо потолка. Оно смотрело на Володю каждый вечер и каждое утро. Теперь уж не будет смотреть.

В приоткрытое, затянутое марлей окно сочился пахнувший дождем воздух. Володя поежился и выпустил железные прутья спинки.

Слева послышалось деловитое сопение. Володя повернул голову. Юрка Земцов сидел в кровати, держал на коленях рюкзак и укладывал в него свое имущество.

— Не терпится? — равнодушно спросил Володя.

— А зачем время терять? — Юрка повертел в руках лопнувшую по всем швам волейбольную покрышку (взять или выбросить?) и утопил ее в рюкзаке.— Сразу соберешься, потом забот меньше. А ты чего кислый? Все-таки домой едем. Неохота?

В самом деле, почему ему ничуть не весело? Ведь домой! Ведь так хотелось домой. Надежда приедет. Но тут же он понял, почему.

Кашка...

Володя вспомнил вечерний разговор. Они встретились за оградой лагеря, среди больших сосен. Подальше от чужих глаз. Кашка сидел на пеньке и смотрел на Володю, подняв маленький подбородок.

— Никак не можешь, да? — тихо спросил он.

Володя покачал головой. Он смотрел в сторону. По траве прошелся ветер и пригнул головки подорожника.

— Не обижайся, Кашка,— сказал Володя.

Кашкины глаза стали удивленными. Он совсем не обижался. Как он мог обижаться на Володю? Раз Володя так решил, значит, так надо. Но было очень грустно, и Кашка все еще надеялся, что найдется какой-то выход. Может быть, Володя придумает.

— А если хоть на один день? — шепотом спросил Кашка.— Тоже нельзя, да?

— Понимаешь, Кашка, никак...— Володя старался говорить очень мягко и убедительно.

Кашка медленно вздохнул. Его остренькие плечи приподнялись и упали.

«Надо было сказать ему сразу,— болезненно подумал Володя.— Черт меня дернул тянуть это дело».

— Если бы не это письмо, мы бы обязательно поехали,— проговорил он.— Честное слово... Но мы ведь в будущем году опять встретимся,— добавил он почти жалобно.

— Ага...— откликнулся Кашка. Он сидел теперь, согнувшись, и расковыривал кору на пеньке. На Володю не смотрел.

Прозвучал за деревьями горн.

— Ну вот,— с облегчением произнес Володя.— Это вас на ужин зовут. Что-то рано сегодня...

Кашка медленно поднялся.

— Отряхнись,— сказал Володя.— Все штаны в мусоре.

Кашка покорно дал себя отряхнуть.

— Ну, все в порядке... Слушай, Кашка, давай попрощаемся сейчас. Мы же завтра на разных машинах уезжаем. Рано утром. Наверно, и увидеться не успеем. А на костер вас, наверно, не пустят, чтобы завтра не проспали.

Кашка кивнул. Он стоял, крутил на животе пуговицу рубашки и не знал, что сказать. Как тут прощаться?

Володя взял двумя руками его маленькую ладонь. Ладошка была вялая. Совсем не такая, как раньше. Вчера дежурные не пустили Кашку в столовую, придрались к пятнам смолы на пальцах, и Володя потащил его отмывать руки. Он тер их большущим куском мыла, а Кашка визжал, дурачился, и его скользкие ладони вырывались из Володиных пальцев, как живые карасята. А сейчас...

— Ну, беги,— сказал Володя.— Пора. Двигай!

— Ага...— прошептал Кашка.— Я пошел.

И он зашагал к лагерю.

«Если бы можно было разорваться,— подумал Володя.— И домой и к нему...»

Кашкина понурая фигура мелькала среди потемневших сосен.

«Только бы он не заплакал»,— подумал Володя.

...Но Кашка не плакал. Зачем? Так уже было. Уехал куда-то добрый мальчишка Пимыч. Никогда, наверно, не встретится Кашке и бесстрашный путешественник Костя. Все встречаются, а потом расстаются. Нечего тут плакать. Пускай...

Зато Кашка скоро приедет домой, и там будут мама и папа.

Кашка вспомнил о доме, и сразу все просветлело. Но вот он вышел на лужайку, где они с Володей жгли костер. След костра был, как черная заплата на мохнатом травяном ковре. У Кашки опять заскребло в горле.

●

Завтрак был торопливым и коротким. Володя проглотил противный теплый компот и поскорей вернулся на свою дачу.

Юрик Земцов оказался прав: следовало собраться

заранее. Почти все уже были готовы, а Володя искал под кроватями зубную щетку и фонарик. И куда только они задевались?..

Когда рюкзак был уложен, Володя заметил, что в комнате уже пусто.

Он ловко бросил рюкзак за спину — обе лямки на одно плечо. Поправил ставшую непривычной кепку: он почти не носил ее в лагере. Взял в углу свою узорчатую тросточку.

Оглянулся на пороге.

Комната уже казалась брошенной. Постели были убраны, на полу мусор — обрывки газет, сухие сосновые иглы и блестящая пряжка от сандалии. Плакат, на котором краснощекий горнист играл побудку, оторвался верхним углом от стены и повис, как приспущенный флаг. Видны были только ноги горниста и надпись: «Ура пионерскому лету!»

Вот и все. Синий Камень, прощай! Было хорошо, и поэтому сейчас грустно. Но впереди тоже много хорошего, и поэтому грустно не очень. Прощайте скалы в дальнем конце просеки, алый шиповник по краям полян, желтые костры в сизых сумерках, красный олень, бегущий сквозь кусты... И маленький оруженосец Кашка...

Видно, так уж устроено в жизни. Встретятся два человека и сначала смотрят друг на друга хмуро и непонятливо, а когда эта хмурость исчезает и хочется быть вместе, вдруг наступает вот такой пасмурный день. И надо прощаться. Тут уж ничего не придумаешь, у каждого своя дорога.

«Не надо больше встречаться с Кашкой,— подумал Володя, сходя с крыльца. Ни к чему с ним сейчас встречаться. Хорошего от этого не будет ни ему, ни мне. Он еще заплачет...»

Но Володе не повезло. Он обогнул дачу и увидел, что вдоль аллеи стоит длинная шеренга малышей. Уже одетые в дорогу, с рюкзаками и чемоданчиками, они выстроились для последней переклички. Ветер сеял водяную пыль, и малыши стояли непривычно тихие, присмиревшие. Серафима нервно размахивала листком бумаги и повторяла:

— До станции поедем в автобусе. Вместе с другими ребятами. Ведите себя как следует. На вокзале разделимся. Те, кто в город, поедут на электричке с Сергеем Петровичем. Те, кто в Новореченск и Камшал, поедут со мной. Повторяю...

«Значит, Сережи с нами не будет,— подумал Володя.— Наш грузовик пойдет в город по тракту, на станцию не заедет...»

Кашка стоял почти в конце шеренги. Был он сейчас какой-то совсем маленький. В мятой вельветовой кепчонке, в серой курточке, в сморщенных на коленках чулках. С большим портфелем, перевязанным веревочкой. Левый чулок сполз, и Кашка то и дело поддергивал его. Лицо у Кашки было совсем неулыбчивое и равнодушное: словно ему все равно, куда ехать и что делать.

Володе стало не по себе. Если бы он был девчонкой, он мог бы подумать: «У меня защемило сердце». Но он не был девчонкой и думать о таких нежностях не умел.

— Новоселов! В машину! — закричали издалека.— Воло-о-дя-я!

Кашка вздрогнул, распрямился. И, конечно, увидел Володю.

Он глянул в упор, и в серых глазах его тут же вспыхнула крошечная надежда. И стала расти. «Ты передумал, да? Ты поедешь?»

«Уйти бы...» — тоскливо подумал Володя. И уйти было нельзя.

— Еще раз повторяю,— с надоедливой громкостью говорила Серафима.— Вести себя надо как следует, потому что... Новоселов, а тебе что надо? Не мешай ты нам...

— Ладно, потерпи,— сказал Володя.— Теперь уж недолго.

Он взял Кашку за плечи и, пятясь, вывел его из строя.

Так они пересекли аллею. Володя остановился, прислонившись рюкзаком к березе.

— Счастливо тебе, Кашка,— негромко сказал Володя.

— Ну, вот...— негромко сказал он.— Счастливо тебе, Кашка.

Глаза у Кашки погасли.

— Ага... Счастливо,— ответил он шепотом и стал смотреть на свои сандалии. Сверху, с березовых листьев, падали увесистые капли.

Володе до смерти захотелось, чтобы все было, как раньше. Чтобы вспыхнуло солнце, сверкающее, будто труба горниста; чтобы ветер обсушил деревья; чтобы стало тепло и ободренный Кашка улыбнулся своей чуть виноватой улыбкой. Но что же мог Володя сделать? Ведь не мог он разогнать тучи.

Кашка опустил голову так низко, что Володя не видел лица. Видел только вельветовую кепку с кнопочкой, светлый затылок и тонкую Кашкину шею с желобком. Большая капля упала прямо в этот желобок и покатилась за воротник. Но Кашка только шевельнул плечами и не поднял головы.

— Ты ведь можешь написать письмо,— сказал Володя.

— Ага...— шепотом откликнулся Кашка.— А куда? — Он медленно поднял лицо.

— Я сейчас. Я адрес дам.— Володя сбросил рюкзак и торопливо зашарил по карманам. Он нашел все, что нужно: сгрызок химического карандаша и какой-то бумажный клочок. Он развернул бумажку.

Это были Кашкины стихи.

Я веток сухих и иголок найду,
Стеклом от бинокля огонь разведу...

«Нельзя,— подумал Володя.— На этом никак нельзя».

Но больше не было бумаги. Тогда он снял кепку, растянул ее пальцами на березовом стволе и, мусоля карандаш, начал выводить на подкладке крупные буквы. Потом яростно рванул трескучий сатин.

— Вот, Кашка, адрес. Не потеряй эту тряпку. Где у тебя карман? Ага, вот сюда. Ты, смотри, пиши. Я тоже напишу. Обязательно, Кашка. Ладно?

— Ладно...— Кашка снова смотрел ему прямо в лицо.— Володя... А если ты только на сегодня съездишь? Хоть дорогу узнаешь. Это тоже нельзя, да?

— Голубев, Новоселов! Вы же держите всех! — окликнула Серафима.— На автобус пора!

Володя поднял из травы свою тросточку и вложил в Кашкину ладонь. Сжал его пальцы вокруг узорчатой рукоятки.

— Бери,— твердо сказал он.— Все. Пиши.

Он вскинул рюкзак и торопливо зашагал к своей машине. Оттуда уже звали его в несколько голосов.

— До свидания! — запоздало крикнул Кашка.

Володя, не оглядываясь, махнул рукой.

●

Грузовик стоял у ворот лагеря. Все ребята уже были в кузове. С ними сидела худая очкастая Рита, вожатая третьего отряда.

Володя вскочил на колесо и перевалился через высокий борт.

— Володька! Мы место заняли! Иди! — услыхал он и увидел Юрика Земцова. Юрка поднялся с передней скамейки и махал мятым беретом, на котором только что сидел. Там же среди тюбетеек и фуражек зеленела Райкина косынка.

— Сейчас,— сказал Володя. Встал и поднял рюкзак. Поднял повыше, чтобы не зацепить чью-нибудь голову. Рюкзак был тяжелый, вытянутая рука дрожала.

— Ну-ка, пустите,— сказал Володя.

Мальчишки заворчали и задвигались.

— Шагай скорей! — звал Юрик.

Уже работал мотор, и дно кузова мелко вздрагивало под подошвами.

Рюкзак тихо качался над головами.

— Сейчас,— зачем-то снова сказал Володя.

— Да возьмите же у него мешок! — не выдержала Райка.— Олухи, честное слово!

К рюкзаку потянулись чьи-то растопыренные ладони. Володя медленно отвел руку в сторону, за борт.

И разжал пальцы.

«Костер, как живой, он похож на жар-птицу...»

Рюкзак тяжело шмякнулся у колеса, и Володя пружинисто прыгнул рядом. Он услышал, как в кузове ойкнула Райка.

Володя выхватил карандаш и листок с Кашкиными стихами — теперь было все равно. Он прижал бумагу к борту грузовика. Писал, пропуская буквы и запятые, и чувствовал, как убегают секунды. Потом крикнул:

— Райка!

Среди удивленных и встревоженных лиц он увидел над собой Райкино лицо.

— Слушай! — сказал он громко и отчетливо, чтобы ни одной секунды потом не тратить на повторение.— Зайдешь к нам, отдашь это.— Он протянул записку.

— Ой, Вовка! Ой, будет тебе дома...— быстро начала Райка, потому что поняла его сразу.

Но он уже бежал, и наспех подхваченный рюкзак неуклюже прыгал у него за плечом.

— Новоселов! Что за фокусы! — Это кричала вслед Рита, но Володя не оглянулся. Больше всего он боялся одного: не успеть. Кеды скользили по сухим сосновым иголкам. Двигатель длинного красного автобуса уже гудел напряженно и нетерпеливо. Вот-вот захлопнется с коротким змеиным шипением дверь! И казалось Володе, что он уже слышит это шипение. Но, видимо, это был встречный ветер.

Он успел.

Он влетел в дверь, и она закрылась, едва не прищемив рюкзак.

Сразу же Володя увидел Кашку. Он сидел у окна. Но смотрел он не в окно, а прямо перед собой, положив подбородок на спинку переднего сиденья. Рядом устроился Генка Молоканов. На пухлых коленях он держал Кашкину тросточку и с удовольствием ее рассматривал. «Выманил уже, скотина»,— мельком подумал Володя. Он шагнул вперед и сурово сказал Молоканову:

— Геть.

Тот захлопал ресницами и безропотно сполз с сиденья. Что теперь делать с тросточкой, он не знал и нерешительно топтался рядом.

Кашка поднял голову. Выпрямился. И тоже заморгал. Автобус уже катил среди сосен, и по Кашкиному лицу пролетали быстрые тени.

Володя бросил на сиденье рюкзак, уперся в него кулаками. Так он и стоял, чуть согнувшись, и смотрел на Кашку.

Кашка начинал улыбаться.

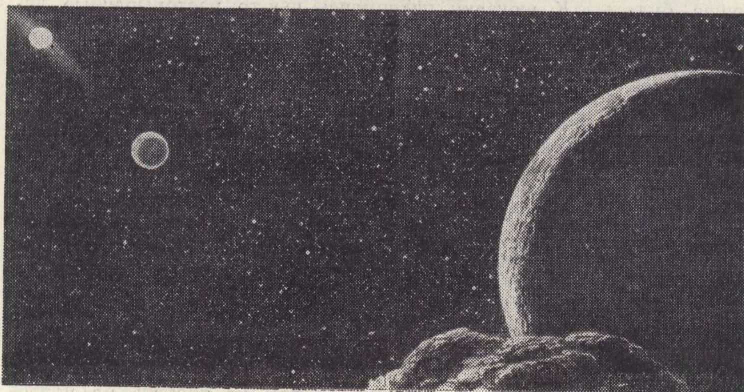
В автобусе молчали. Сережа молчал и ребята.

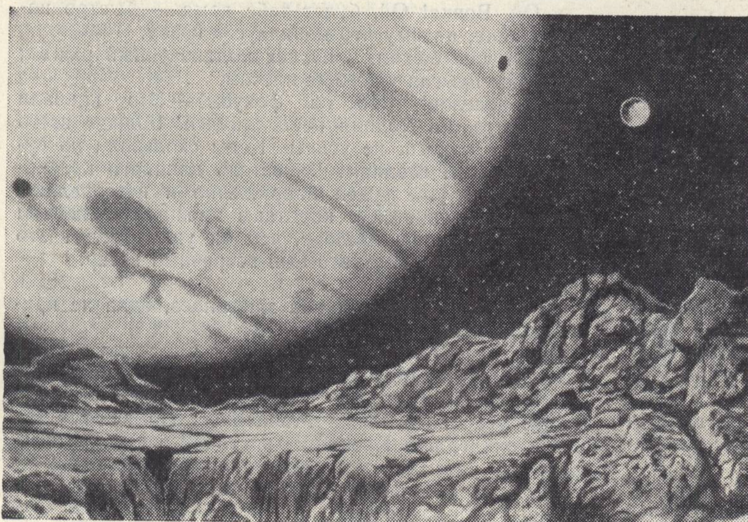
Кашка медленно придвинулся к рюкзаку и обнял его левой рукой. Словно это был не рюкзак, а кто-то живой и добрый. И снова глянул на Володю. Смотрел он снизу вверх, подняв острый подбородок. Улыбка его была все еще несмелая и немного смешная, потому что не хватало переднего зуба.

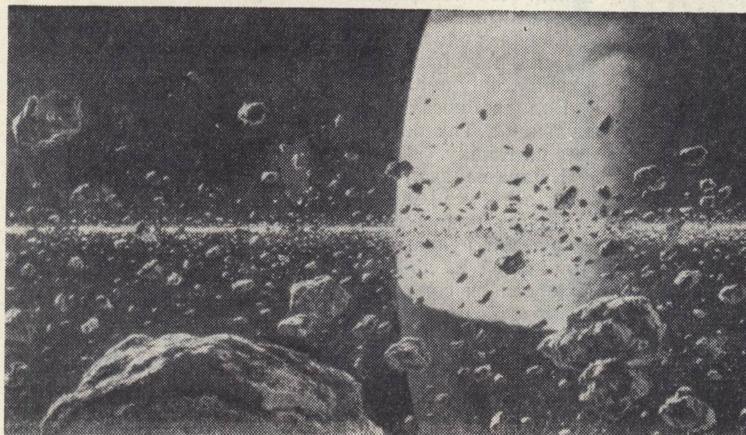
А Володя вдруг заметил, что глаза у Кашки не серые. Они светло-голубые с коричневыми крапинками.

●

Тайна ракеты «ПИОНЕРА»

Узнали вы, ребята, эти странные неземные пейзажи? Ну конечно же! Сколько раз стартовали мы с вами со страниц журнала в далекие рейсы к далеким планетам!

Вот серп Луны, светлый и четкий, каким мы видели его, совершая прощальный виток; за ним, вдали,— окруженная мягким ореолом атмосферы Земля, а еще дальше — Солнце...

Вот Юпитер, пугающе огромный, тяжело навис над горизонтом маленькой Амальтеи...

Вот нескончаемый каменный хоровод в гигантских кольцах Сатурна...

Вот лунные скалы, погруженные в сумрак солнечного затмения, и черным кружочком закрывает от нас Солнце не Луна, как мы привыкли, а наша родная планета Земля...

А вот Титан, самая большая среди лун Солнечной системы; озаренные светом Сатурна мерцают снега на «титановых» равнинах и горных склонах...

Увидеть все это, побывать во всех этих недосягаемых местах помогла нам ракета «Пионера». Теперь наконец пришла пора открыть секрет ее конструкции, как мы вам обещали.

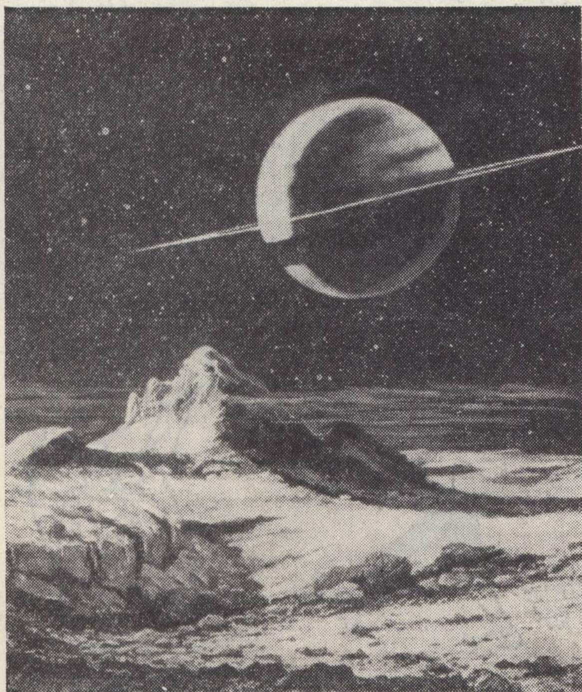
Вы же, наверное, сами заметили, что для нее не существует преград ни в расстоянии, ни во времени; что для нее нет затруднений с горючим; что ее не могут отклонить с заданного пути никакие силы; что ни смертельная стужа межпланетных пустынь, ни огненное дыхание Солнца не страшны ей.

Вам не терпится спросить, где мы раздобыли такой удивительный космический корабль?

Представьте, вовсе не на каком-либо космодроме, а на прилавке книжного магазина. Это книга о космосе, вышедшая в Чехословакии. Создали книгу в содружестве два автора: астроном Иозеф Садил и художник Людек Пешек. Это — настоящее путешествие по планетам Солнечной системы. Нам захотелось повторить его вместе с вами. С помощью книги-ракеты мы побывали в нескольких рейсах: к Юпитеру, к Луне, к Меркурию, к Сатурну.

выясняется

ШУТКИ

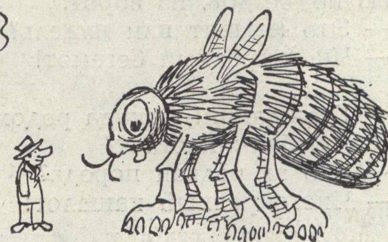
В. ВИКТОРОВ   Рисунки Е. ВЕДЕРНИКОВА.

Засунул Клим кота в мешок
И на продажу поволок.
Кричит ему усатый плут:
— Кота в мешке не продают!
Подумал Клим, раскрыл мешок
А кот — прыжок!
И наутек!

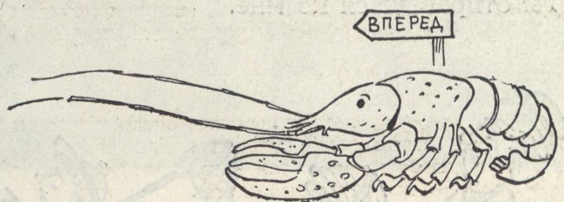

Заяц пуд крупы купил —
Понаделал всем хлопот.
Сам он кашу заварил —
Всех расхлебывать зовет.

Из мухи сделали слона,
Чтоб не могла летать она.

Раку велят:
— Ни шагу назад!
Послушался рак
И вперед ни на шаг.

Шел деловой разговор у ослов —
Они понимали друг друга без слов.

Юнна МОРИЦ

Рисунки
Э. БУЛАТОВА.

Сто фантазий

Я валяюсь на траве,
Сто фантазий в голове.
Помечтай со мною вместе —
Будет их не сто, а двести!

Я поймаю кашалота,
Если выдержит крючок.
Ты поймаешь бегемота,
Если выдержит сачок.

Кашалота — в банку с крышкой,
И шагаем налегке.
Бегемот зажат под мышкой,
Хвост и уши на песке.

А вдогонку мчатся люди
Из подъездов, из ворот:
— Это мамонт или пудель?
— Чистокровный бегемот!

— Гражданин! Откуда родом
Эта рыбка-живоглот?
— Что за редкая порода?
— Чистокровный кашалот!

Банку с этим кашалотом
Я поставлю на окне,
В гости с этим бегемотом
Ты отправишься ко мне.

ЖАТВА А. Пластов.

ФАШИСТ ПРОЛЕТЕЛ

А. Пластов.

ДЕРЕВЕНСКИЙ МАРТ

А. Пластов.

В ДЕРЕВНЕ **А. Пластов.**

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12

БОЛЬШАЯ ПОДСКАЗКА «ПИОНЕРА»

Если идти по шоссе все прямо и прямо, то обязательно придешь в город. Так оно и вышло. Город еще не был виден, но все уже догадались, что он близко. Охотник догадался потому, что ветер принес запах еды: дело шло к вечеру, и все хозяйки на всех кухнях варили ужин. Алешка — потому, что услышала веселую музыку. А Шкипер знал, что город близко, потому что у него была карта. Но даже Шкипер не знал, что ждет их в этом маленьком зеленом городке. Первый, кто им повстречался, был верблюд. Передние ноги его были обуты в кеды, а задние — в тапочки. Следом за верблюдом шел погонщик и пел веселым голосом заунывную песню:

По знойной пустыне
Шагает верблюд.
Он очень устал.
Он печален и худ.
Но был он доволен,
Как только узнал,
Что в городе нашем
Идет карнавал.
Надел он попону
И шляпу надел,
Оставил сто тысяч
Несделанных дел.
И в город приехал,
Как только узнал,
Что в городе нашем
Идет карнавал.

Верблюд печально кивал в такт песне и весело приплясывал. Это он и его погонщик репетировали — готовились к маскараду.

А по соседней улице прогуливались восемь д'Артаньянов и три Красных Шапочки. И Чиполлино сидел на заборе.

— Вот это жизнь! — сказал Н. З.— Давайте назовем этот город Городом веселых карнавалов.

— Лучше городом Вкусных запахов,— сказал Охотник. У него была тоска — он проголодался. Шкипер, который понимал все с полуслова, сказал:

— Сначала в столовую. Потом добывать костюмы. Я хочу быть мушкетером, а как это сделать, мне пока неизвестно.

— А мне бы хотелось костюм Золушки,— застенчиво сказала Лира,— только не такой, как в начале сказки.

Остальные промолчали. Это трудно — придумать карнавальный костюм. Особенно когда нет ни цветной бумаги, ни ножниц, ни клея.

Но давно известно, что безвыходных положений почти не бывает. Н. З. первым заметил пеструю вывеску: «Костюмы бумажные». Вывеска висела на стеклянном киоске, а в киоске лежали пестрые горы юбок, плащей, крыльев, шляп, хвостов, ушей, носов и усов. И румяный толстый мальчишка в большущих картонных очках выдавал все это богатство тем, кто почему-нибудь не успел заранее смастерить себе костюм. И при этом распевал такую песню:

Хочешь — будешь бабочкой,
Хочешь — будешь бабушкой,
Хочешь — кошкой,
хочешь — львом
С пышной гривой и хвостом.
Подбегай, налетай,
Маски разные хватай.
Поскорее примеряй,
Поскорее убегай!

Н. З. выбрал шляпу с пером и черный мушкетерский плащ. Охотник нарядился кроликом. Алешка надела зеленую шапочку, белое платье с черными черточками и стала березкой. Лире досталась шаль с золотыми звездами и корона; она была очень довольна, хотя и не смогла бы объяснить, кто она теперь — Золушка, Ночь или Фея. Шкипер оглядел ее критически и заявил:

— Летучая мышь в звездочках. Очень красиво.

О том, как сделать карнавальные костюмы, которые ты видишь здесь, на цветной вклейке, прочитай на странице 73.

А Лира больно стукнула его волшебной палочкой. К. Иванову повязали голубой бант. Он пытался стянуть его через голову: видно, считал, что и так красиво.

Карнавал начинался с центральной площади, где собрались все участники шествия.

Они прошли парадом мимо жюри, которое должно было решить, чей костюм самый лучший и кто самый веселый и остроумный.

Бывают такие карнавалы: пока готовишься — интересно. Изобретаешь, мастеришь костюм, стараешься сохранить все в секрете. А нарядился в Принца или Зайца — и все самое интересное кончилось. Поглядели все ребята друг на друга, поудивлялись, посмеялись минут десять — и прошло веселье. Что дальше делать? И слоняются из угла в угол слоны, мушкетеры королевской гвардии и русалки.

А на этом карнавале все было не так, потому что ребята заранее напридумывали много веселых специально карнавальных игр, конкурсов и шуток.

В одном конкурсе Н. З. получил даже первый приз, сам того не ожидая. Когда он в своем мушкетерском одеянии проходил по скверику, он услышал, как тоненький девчачий голосок поет песенку про журавленка. Н. З. подошел поближе и видит: девочка в сером костюме журавленка стоит на скамейке и поет, а все ее слушают.

— Я тоже хочу спеть,— сказал Н. З.

И спел песню мушкетеров, которую сочинил сам:

Мы, мушкетеры,
бесстрашные люди,
Мы никогда не дрожали
в беде.
Если обидят, мы плакать
не будем:
Мы побеждаем всегда
и везде.

— Голос у тебя хриплый! — крикнул высокий мальчишка, одетый клоуном.

— Ах, так!— сказал Н. З.— Ты задел мою честь. Вызываю тебя на дуэль! — и обнажил шпагу.

Все засмеялись, захлопали и присудили находчивому мушкетеру первый приз — конфету «Театральная».

В другом конце сквера шла такая игра: каждая маска должна была найти себе пару, с которой ее что-то связывает. Дон-Кихот искал Санчо Панса, Дюймовочка — Гулливера (она самая маленькая на карнавале, зато он самый большой), Колобок — Иванушку-дурачка (они оба пришли из русских народных сказок), Царевна-лебедь — Водяного.

Алешка и Шкипер пошли на улицу, где шло представление. Пьеса сочинялась тут же, на ходу. Чиполлино убегал от злого красного синьора Помидора. Ему на выручку бросился Буратино, но тут из толпы выскочил Серый волк и, страшно защелкав зубами, сказал:

— Я съем этого деревянного мальчишку, хотя он наверняка невкусный и не из моей сказки. Но я злой, серый, я не люблю, когда мальчишки озорничают.

Но не суждено было Волку полакомиться. В него прицелился из лука отважный Робин Гуд, который почему-то успел крепко подружиться с Витязем в тигровой шкуре. Робин Гуд туго натянул тетиву, все должно было кончиться благополучно, но появился разъяренный Тигр и возмущенно закричал на Витязя:

— Как ты смел надеть пальто, сшитое из шкуры моего дорогого дяди? Я никогда не прощу тебе этого!

Витязь смутился и хотел уже снять свою тигровую шкуру.

— Лучше я буду просто витязь,— сказал он,— ну, витязь в тренировочном костюме.

— Согласен, — успокоился нервный Тигр.— Я тебя и в тренировочном съем. Я сегодня не обедал.

Ребята хохотали.

Представление шло долго. Победителем этого конкурса должен был стать тот, за кем останется последнее слово. Причем слово остроумное. А решать, остроумная реплика или нет, нетрудно: смеются ребята — значит, острота удачная.

На площадке у фонтана затеяли игру «Кто кого боится».

Нельзя было подходить близко к тем маскам, которые могут быть тебе опасны. Три Толстяка сторонились девочки Суок. Братец Кролик старался держаться подальше от Братца Лиса, все Волки дружно избегали Охотников, Мальвина ни за что не хотела танцевать с Карабасом-Барабасом, а девчонка, наряженная конфетой, с визгом удирала от сластены Медвежонка.

И никто не обратил внимания на К. Иванова, который, шипя, лез на дерево, потому что за ним гналась большая пятнистая собака, и тут уж было совершенно ясно, кто кого боится. У Иванова совсем испортилось настроение, но добрая Алешка заметила его, отогнала собаку, сняла Иванова с дерева и купила ему бутерброд с прекрасной отдельной колбасой. Иванов так обрадовался, как будто получил первый приз карнавала за костюм кота.

Это был веселый вечер, может быть, самый веселый за все путешествие. На улицах заискрились бенгальские огни, зажглись яркие цветные фонарики, радио заиграло прощальный вальс. Праздник кончился. Потому что даже самые веселые праздники имеют один недостаток — они кончаются. И это грустно, но ничего не поделаешь.

Пятеро, не считая кота, распрощались с гостеприимными хозяевами — Тигром, Верблюдом, Дюймовочкой, Поросятами и со всеми остальными.

Надо было спешить на вокзал. Путешествие пяти друзей пришло к концу.

Л. МАТВЕЕВА

ТАНЦУЕМ СИРТАКИ

Медленно

Постепенно ускоряя (при повторении – быстро)

Медленно

И взрослые и ребята полюбили веселый и жизнерадостный греческий танец сиртаки. Танцевать его очень легко, и сколько угодно ребят могут принять в нем участие.

Начинаем!

Встаньте так, чтобы получилась ровная линия. Возьмите друг друга за плечи. Шагните левой ногой влево и приставьте к ней правую. Потом правой вправо и к ней приставьте левую ногу.

Потом шагните левой ногой влево, а правую поставьте накрест впереди левой. Те же движения повторите в другую сторону.

А теперь снова шаг левой ногой, но правая становится уже накрест сзади левой. Такие же движения вправо.

И последнее: шаг левой ногой влево и мягкий «удар» носком правой ноги, как будто бы вы бьете по мячу. Точно так же вправо.

Все это повторяется снова и снова.

Начинается танец медленно. Но потом музыка играет все быстрее и быстрее. Чур, не сбиваться и не уставать! Можно даже соревнование устроить, кто кого перетанцует.

Идет человек

С. ГАНСОВСКИЙ

Фантастический рассказ

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ

Над широкой равниной у края зубчатых гор кружились облака, и наконец, первый раз за много месяцев выглянуло солнце.

Бегемот на болотистом плесе реки радостно захрюкал. Он мерз в течение долгих месяцев, не понимая, что происходит вокруг и отчего ему постоянно холодно. Он был последним бегемотом в этих краях. Его породе надлежало вымереть от наступающего с севера похолодания, но он не знал этого и только удивлялся, что нигде не встречает ни самок, ни молодняка, ни таких же старых, матерых самцов, как он сам.

Солнце светило, капли только что кончившегося дождя сверкали в листве и в травах, все запахи на равнине переменились, став суше и сильнее.

И тогда в предгорье, на полянке недалеко от ручья, проснулся Его Величество Пещерный лев. Сначала шевельнулся кончик хвоста, затем волной подернулась шкура на спине, затрепетали ноздри широкого черного носа, открылись желтые глаза. Лев поднял тяжкую голову, привстал, потянулся, выгнув спину и царапая землю когтями передних лап. Он встряхнул гривой, глубоко вдохнул, с шумом выдохнул и потоптался на месте. Тут же лежали остатки кабана, зарезанного день назад.

Лев лениво тронул объеденную кабанью голову, постоял миг рядом, чуть присел, с неожиданной легкостью бросил в воздух свое четырехсоткилограммовое тело, пролетел десять метров, опустился на траву возле ручейка. Не дрогнула даже головка ромашки в сантиметре от его лапы.

Пещерный лев опустил голову, напился воды, чавкая. Широкий розовый лист языка облизал губы. Серая обезьяна, вжавшаяся высоко над ручьем в ствол дерева, видела этот язык, такой беззащитный среди жутких клыков.

Затем лев еще раз потянулся, мурлыкнул дважды, как бы примериваясь, пробуя го-

лос, полуприсел на задних лапах, набрал воздуха и из глубины себя пустил могучий, все обнимающий рев.

Звук пошел по травам, заплутал между деревьями леса, пронесся над болотами, лугами и потек степью.

И все живое на километры вокруг замерло, застыло на мгновение. Стада зебр и лошадей остановились, как бы натолкнувшись на невидимую стену, саблезубый тигр в чаще привстал и окаменел, вожак слоновьего стада растопырил уши.

Звук нагнетался толчками, нагоняя тоску, обещая смерть и завораживая.

Всемогущий знал, что он предупреждает будущую жертву, но знал также и то, что она не уйдет от него. Слон, буйвол, антилопа все равно живут там, где они живут и где им знакома местность. Страх не заставит их покинуть пределы знакомого: ведь там, за этими пределами, ждет еще больший страх. Лошадь не побежит от волка по неизвестным местам: ей нужно знать, на какой проплешинке между трав она вдруг резко свернет в сторону, заставив преследователя проскочить вперед. И олень не станет мчаться, куда придется, а поскачет известной ему тропинкой, чтоб не застрять рогами в ветвях мелколесья.

Лев чувствовал, что звери лишь перегруппируются, но не уйдут далеко, и этой именно перегруппировки он хотел, рассчитывая найти свою жертву там, где ей должно быть. Как шахматный игрок через миллион лет, в эпоху человека и шахмат, он желал, чтоб противник правильно разыгрывал определенный дебют.

И действительно, на границах своих территорий стада копытных остановились, постояли и повернули обратно. Всё стало пастись, охотиться, принюхиваться, прислушиваться. Но напряженно. Ожидая, пока новый, удовлетворенный рык скажет: «Я поймал, я сыт. Живите».

Пещерный лев еще потянулся и сел, то выпуская, то убирая когти.

Он был великолепным устройством для убийства. Доведись ему встретиться с тиранозавром, крупнейшим из хищных ящеров, от которого льва, правда, уже отделяли миллионы лет, лев одолел бы, наверное, и тиранозавра. Ящер был громаден, но туп. А у льва были не только стальные мускулы, но и хитрость и мгновенная реакция.

В нем природа дошла до предела. Ни такой грудью с перекатывающимися мышцами, ни такими когтями и клыками, ни такой силой в задних лапах, бросающих его тело на десять—пятнадцать метров, не мог похвастаться никто. Каждое его движение было законченным, почти художественным. В нем пела музыка, он был живописен и скульптурен.

Пещерный лев ощущал себя царем. Весь мир боялся его, а он никого.

Он перескочил через ручей и, не таясь пока еще, сошел в лесостепь на охоту. Страх катил перед ним, как артиллерийская подготовка,— все живое, за исключением мелочи вроде птичек, белок и разных жуков, разбегалось, оставляя мертвую зону.

Человек по имени Уц, старый, но крепкий, стоявший на холме в нескольких километрах от лежки льва, услышал голос желтого царя уже ослабленным. Тяжкий, все заполняющий рык и дошел до Уца лишь потому, что он тоже обладал почти звериным слухом. Человек понимал, что владыка вряд ли придет за добычей так далеко, но плечи у него дрогнули. Он отметил в уме, что на охоту надо будет идти сегодня в другую сторону.

Сжав деревянное копье с каменным наконечником — слишком ничтожно оно было и против всемогущего льва и даже против молодого клыкастого кабана в лесу,— Уц оглянулся на стойбище.

Обрыв над рекой был источен глубокими пещерами, где поселились люди орды, в которой старшим был Уц. Целых полгода их жизнь совершалась там, внутри. Из-за дождя. Туда доставляли добычу, там ее жарили. Туда женщины и дети приносили мягкие сладкие корни и луковицы, если их удавалось найти. Там спали у костров и сидели днем, глядя на потоки воды, завесой падающие с небес.

Но сегодня появилось солнце, и тотчас орда выбралась наружу из сырости и холода каменных убежищ.

На трех больших кострах жарили остатки зарезанного тиграми носорога (звери сожрали только голову, живот и ушли). Бородатые мужчины готовили оружие: обкалывали кремневые ножи и рубила, оббивали наконечники для копий. Женщины, распластав на земле оленьи шкуры и прибив их по краям колышками-сучками, отскребали изнутри мясо и жир. Одна из них, молоденькая девушка с копной светлых волос, с повязкой из беличьих шкурок вокруг пояса — ее звали Ру,— посмотрела на холм и улыбнулась. Неподалеку в реке, стоя в воде по пояс, несколько человек ловили рыбу прямо руками. Поймавший выбрасывал добычу на

берег, там дети собирали ее и относили к костру. Был как раз ход рыбы.

Все шло в общий котел — закон, никем не высказанный, но сам собой разумеющийся. С этим законом рождались и умирали. Даже маленький ребенок, хоть и ослабевший от длительного голода, тащил в стойбище съедобный корень, а не совал себе в рот.

Люди орды были некрупные — ста шестидесяти, ста семидесяти сантиметров ростом. Женщины поменьше, мужчины побольше. Они были и не сильные. Во всяком случае, слабее всех животных одного с ними размера и веса. Самый крепкий охотник, не будь с ним ножа, не смог бы справиться даже с антилопой.

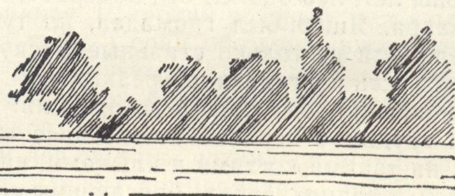
У них были выпрямленные фигуры, длинные руки и ноги. Высокий, прямой, а не скошенный лоб, и челюсти, которые не выдавались вперед.

Эти люди никогда не встречали других таких же, себе подобных. Они не знали, откуда пришли сюда, но теперь им стало совсем плохо в предгорье. Плоды и мучнистые корни поблизости были все съедены. Мелкая дичь разбежалась, а ходить за ней далеко в степь они не решались, опасаясь тигров и других хищников.

Следовало уходить отсюда, но людям страшно было оставить удобные пещеры, где было не так холодно во время дождей и бурь и входы в которые можно было заваливать камнями на ночь.

Уц посмотрел на стойбище, потом на небо. Опять накатывали тучи, готовясь проглотить солнце.

У него заныли кости — так хотелось тепла и света. Бабка рассказывала ему, что прежде было гораздо лучше. Он и сам смутно помнил жаркие лета, одно, может быть,

два. А дальше так оно и пошло: дождь да дождь. Была даже зима, особенно холодная, когда с неба посыпалось белое. Десятки бегемотов умерли тогда у реки. Пировали гиены, но орда почти не воспользовалась мясом огромных, неповоротливых зверей. Слишком холодно было. Люди сидели у костров в пещерах. Кутались в шкуры, но все равно многие погибли к весне.

Рядом с Уцем сидел на траве хромой Яро, молодой охотник, которому кабан недавно пропорол клыком ногу. Сейчас Яро не мог охотиться наравне с другими мужчинами и почти все дни проводил у костра, изготовляя ножи и наконечники для копий.

Он держал в руках толстый, длиной в человеческий рост ствол молодой березы. Дерево внутри сгнило и высыпалось, осталась одна кора. Заглянув в один конец, можно было увидеть в другом небо и лес.

Яро поворачивал ствол так и этак. Он заткнул одну, более узкую дыру травой, принялся сыпать туда песок. Потом высыпал и продул отверстие.

— Зачем Яро дерево? — спросил Уц.— Оно легкое. Легким нельзя ударить.

— Яро не знает,— ответил хромой. Он говорил, держа у рта березовую трубу, и его голос получился неожиданно низким и гулким.

В те времена еще не знали слов «ты» и «вы». Люди говорили о себе и обращались друг к другу только по именам.

Девушка Ру, оставив свою шкуру, поднялась на холм.

— Пойдет дождь,— сказала она.— Ру хочет убрать костер в пещеру.

Уц покачал головой.

— Нет. Сучья сырые, и пойдет сильный дым. Пусть костры горят здесь.

Девушка шагнула к Яро. Она и пришла ради него. Тот поднялся, держа в руках трубу. Они стали рядом — двое молодых людей. Степь и лес простирались перед ними. Вдали видна была группа слонов, а за ними темной массой — стада лошадей. Тучи сгущались, одна налезала на другую. Только над горной грядой было чистое небо.

Старик Уц смотрел на него.

— Яро не идет на охоту? — спросила девушка.

— Нет. Яро будет здесь,— ответил хромой, и это так громко прозвучало через березовую трубу, что девушка отскочила и потом засмеялась.

— Дерево кричит...

За полдня пути от стойбища, где звери были не такими пугаными, трое охотников подкрадывались к лошадям. Это было долгое и трудное дело. Животные стояли на открытой поляне — четыре самки и самец. Кобылы опустили морды в траву, паслись. А самец оглядывался по сторонам. Принюхивался, прислушивался, шевеля ушами.

Подбросив в воздух травинку, охотники определили направление слабенького ветерка, затем стали ползти таким образом, чтоб он дул от животных к ним. Ножи и мешочки с наконечниками они оставили в кустах и двигались налегке, только с копьями. Иногда они застывали неподвижно, затем опять принимались ползти так медленно, что их не испугался даже выводок кроликов неподалеку.

Они проползли две трети нужного расстояния, когда ветер переменился. Им пришлось вернуться в кусты, сделать большой обход и начать подкрадываться с другой стороны.

Когда до животных осталось только двадцать шагов, но кидать копье еще нельзя было, жеребец забеспокоился. Издав короткое ржание, он стал всматриваться в траву,

где затаились Ог Длиннорукий, Мав Быстрый и еще один охотник, которого звали Рам.

Самец насторожил уши, долго-долго смотрел в траву, потом отвернулся. Но люди не шевельнулись. Это ведь было соревнование в хитрости, и победитель получал жизнь. Жеребец опять посмотрел в их сторону и лишь потом опустил голову, принюхиваясь к зеленым побегам.

Тогда трое проползли еще пять шагов, разом вскочили и кинули тяжелые, неуклюжие копья. Только одно попало самцу между ребер.

Маленькое стадо бросилось прочь, жеребец тоже поскакал. Охотники, у которых все мускулы ослабели от напряжения, не стали его преследовать. С радостными криками они уселись на траву, потом, отдохнув, вернулись в кустарник за ножами и другим имуществом и затем уже направились по кровавому следу.

Жеребец упал в полусотне шагов от них. На губах у него выступила красная пена. Увидев приближающихся охотников, он вскочил, подпрыгнул, как бы угрожая им, и из последних сил побежал вниз по каменистой лощине. Копье болталось у него на боку.

Охотники пошли за ним. Лощина круто сворачивала. Трое повернули и опять увидели зверя лежащим. Это была прекрасная добыча. Такая, что редко доставалась им. Теплое, свежее мясо, настолько мягкое, что его и нежареным хорошо было есть.

Ог Длиннорукий вынул из мешочка рубило.

Но Рам вдруг остановился. Какой-то особый запах обеспокоил его.

Он посмотрел в сторону и увидел человека. Вернее, человеческого ребенка. Мальчика. Смуглого, очень коренастого, шире их самих в плечах, хотя он был далеко не взрослый. Волосы у него на голове росли не такие, как у трех охотников, а прямые, черные, жесткие, как лошадиная грива. Руки в бугристых узлах мускулов, а взгляд почти звериный — испуганный, но пристальный и жестокий.

Мгновение детеныш-получеловек смотрел на охотников, затем метнулся в кусты.

А в сотне шагов дальше по лощине горел костер, возле которого стояли несколько гигантских существ в повязках из звериных шкур и с каменными топорами в руках.

Тогда трое охотников, не думая ни секунды, не сговариваясь и сразу забыв о своей добыче, повернулись и кинулись прочь. Они бросили копья, чтоб те не мешали им, и, выбравшись из лощины, понеслись длинными прыжками. Смерть нависла над ними, и гибель нависла надо всем их стойбищем. Они наткнулись на орду Бродячих — на полулюдей, чьим главным занятием была охота за людьми.

Сзади они услышали крики. Бродячие начали погоню.

Около четырех десятков мужчин, женщины и дети растягивались в широкий полукруг. Они знали, что догонят: по-звериному выносливые и втрое-вчетверо сильнее некрупных охотников.

Это было странное ответвление человеческого рода — Бродячие. Люди, а может быть, и полулюди, в которых развитие пошло в сторону силы. Огромные, до двух с половиной метров ростом, они могли руками задушить лошадь и даже тигра, но умели также добывать огонь и делать себе оружие из камня. Разум теплился под узким лбом, но низкий, придавленный свод черепа не позволял мозгу увеличиваться. У них были отчетливые, как у гориллы, надглазные валики, вытянутые вперед челюсти, короткая, толстая, заросшая волосами шея. Они ходили на чуть согнутых ногах, приготовляли себе на ночь гнезда из ветвей или травы или просто спали у костра сидя, обняв ноги руками и положив голову на колени. Они становились все сильнее и мускулистее из поколения в поколение, боясь на земле одного только Пещерного льва. Но постепенно гигантское тело с маленьким мозгом стало требовать слишком много пищи. Они уже ушли от зверей, им было трудно тягаться с ними в проворстве, а брюхо при толстых костях и тяжелых грудах мышц было ненасытным. Это был Человек Сильный, а не Человек Разумный.

Бродячие истребляли орды таких же, как они, людей, кряжистых и низколобых, заросших волосами, но только поменьше ростом. Тонких и стройных охотников они встретили впервые и сразу поняли, что их ждет пиршество.

На миг выглянуло солнце и осветило всю картину: степь со стадами лошадей и козлов, лес, у кромки которого обламывали ветки с деревьев слоны, три маленьких фигурки убегающих охотников и широкий полукруг Бродячих.

Сначала трое оставили преследователей далеко позади. Они были быстрее, но знали, что это не спасет их, не обладающих неутомимостью Бродячих. На их памяти уже было одно такое нападение на стойби-

ще, когда только случайный лесной пожар отрезал от людоедов кучку спасшихся.

А Бродячие не очень спешили. Они не только охотились в этот момент, но и переселялись. Все было у них с собой: женщины несли детей и шкуры, у мужчин на поясе, болтаясь на ходу, висели ножи и рубила. А каменные топоры были в руках. Им было все равно, где останавливаться на ночь. Они знали теперь, что где-то есть стойбище охотников, что они перебьют там всех и там же останутся, запасшись пищей на два-три дня.

Опередив Бродячих на несколько сотен шагов, Ог, Рам и Мав Быстрый разом, как будто их объединяло общее чувство, упали в траву, проворно доползли до полосы кустарников, там поднялись и, прикрываясь зарослью дубняка от преследователей, побежали под углом к прежнему направлению.

Охотникам нужно было добраться до реки, броситься в нее и оборвать там свой след.

Но еще десятки километров отделяли их от поросшего тростниками речного ложа.

Они бежали час, равномерно, молча, не оглядываясь, поскольку знали, как много сил берет и поворот головы и даже одно только на бегу сказанное слово.

Однако Бродячие не сбились. Неровная степь скрыла от них охотников, но рядом с главой племени скорой рысью двигались следопыты, принюхиваясь на ходу. Они пошарили по кустам, показали новое направление, и орда повернула на восход. Она распадалась постепенно на два эшелона: мужчины и дети повзрослее впереди, женщины сзади.

Бродячие двигались неотвратимо, как наводнение или обвал. Они должны были все равно настигнуть свою добычу.

Возле новой полосы кустарников преследуемые охотники опять остановились. Двое уже начали заметно уставать. Грудь и плечи у Ога с Рамом покрылись пòтом, они дышали тяжело. Только Мав был свеж.

Трое бросились на траву, отдышались. Потом Мав сказал:

— Ог пойдет сюда!—Он показал рукой.— Рам побежит сюда. А Мав Быстрый пойдет в стойбище. Ог и Рам покажутся Бродячим.

Двое охотников согласились и кивнули. Чувство связи со своим родом было у них сильнее инстинкта самосохранения. Они понимали, что должны пожертвовать собой, чтоб Мав мог предупредить стойбище. Ог и Рам поднялись и побежали к виднеющемуся вдали лесу. А Мав переждал еще немного, пополз вдоль кустарников и, оставляя между собой и Бродячими невысокий холм, пустился к реке.

И снова преследователи не поддались на хитрость. Им была знакома такая и у зверей встречающаяся повадка, когда животное отвлекает охотников на себя, чтоб спасти молодняк. Только двое гигантов бросились за Рамом и Огом, а остальные побежали с криками и верещанием по следу Мава именно потому, что он скрывался.

На полдороге к лесу Ог и Рам разделились. Один бросился влево, другой взял правее. И двое преследователей тоже разделились, каждый избрав себе жертву.

Рам бежал, сколько мог, потом, обессиленный, свалился. Под носом у него ползали муравьи, суетясь и работая так же, как делают они это и сейчас. На место, где он лежал, должны будут в свое время надвинуться льды, а затем отступить, сюда из будущего проецировались посевы, дома, проселочная дорога, чьи-то походы и пожары и опять дома, город...

Но Рам лежал еще на заре времен, и ничто во всей Вселенной не могло отвратить от него гибель.

Он услышал приближающиеся шаги и поднял голову. Его удивило, что к нему торопилась молодая женщина. Она размахивала дубиной с вделанными в нее медвежьими клыками. Она была почти вся покрыта рыжеватой шерстью, и длинные космы никогда не чесанных волос свисали по обе стороны полузвериного лица. Мускулистые руки были вдвое толще, чем у Рама.

Женщина, рыча, вскинула дубину. Тоской заволокло Раму глаза, и все для него кончилось.

Огу Длиннорукому сначала повезло. Его преследовал не очень быстрый мужчина, и он почти добрался до леса, когда понял, что уже не может бежать. На глаза ему попалась осыпь, обнаженная дождевым потоком. Ог схватил камень и, когда преследователь подошел ближе, метнул в него, попал в плечо. Но Бродячий даже не остановился: это было все равно, что кидать камнями в носорога. Ог вступил в лес и тут решил, что все-таки он, Длиннорукий, самый сильный из людей стойбища. И что надо не просто так отдать свою жизнь.

Гигант навалился на него. Они сцепились и упали, ломая кустарник. Выводок кабанят брызнул из-под них в разные стороны. Огу удалось ударить врага по голове вторым, захваченным в осыпи камнем. Бродячий ослабел, но только на миг. Желтыми

зубами он грыз Огу плечо, добираясь до горла.

Могучий кабан-секач, сопровождавший в лесу свое семейство, услышал треск ветвей и увидел что-то большое, катающееся по земле. Страх и злоба тотчас вспыхнули в нем. Он ринулся на это большое, поддел его клыком. Большое распалось надвое. Секач опять ударил и одну и вторую половину и бил их до тех пор, пока они не перестали рычать и шевелиться.

Мав Быстрый той порой сделал длинный бросок и еще раз оторвался от орды гигантов. Но и у него уже начинали деревенеть ноги, дыхание сделалось коротким, во рту пересохло.

Там, где степь начала понижаться, полого спускаясь к реке, он позволил себе маленький отдых, затем, приподнявшись, глянул назад и увидел, что орда Бродячих следует все-таки именно за ним. Это его не удивило. Он понимал, что у волосатых полулюдей человеческая хитрость соединяется со звериным нюхом и они могут идти по следу, не сбиваясь, почти как идут волки.

Сорвав пучок мокрой травы, он пососал ее, освежив рот, вскочил и кинулся к реке. Он бежал и бежал, стараясь дышать равномерно, но в голове у него мутилось, кровь сильно стучала в виски, а грудь внутри жгло. Серая лента реки показалась наконец впереди, он в последний раз ускорил бег, вошел в густые прибрежные тростники, жадно напился, плеская себе воду в рот горстью, а потом побрел по колено в воде, часто меняя направление. Там, где заросли были особенно густы, он присел на корточки и только тогда в полной мере ощутил, как смертельно утомлен. Он бежал почти полдня непрерывно. Собственное тело казалось ему пустым и высохшим. Только ум работал напряженно, слушали уши и глядели глаза.

Через какое-то время крики раздались поблизости, потом шаги зачавкали в болотистой почве. Трое Бродячих прошли совсем поблизости, потом остановились, переговариваясь короткими звуками. Они нюхали воздух, и Мав порадовался, что ветер идет от них, а не к ним. Появилась женщина с ребенком на спине. Нагнулась и напилась, как животное, прямо ртом.

Затем кто-то заверещал впереди. Целой толпой гиганты побежали мимо Мава на другой берег. Они торопились теперь, не глядя по сторонам, как если б решили не искать его больше.

Он долго сидел в воде, не решаясь подняться, едва веря в свою победу. Когда говор орды затих вдали, он встал. Дыхание у него перехватило на мгновение, потом он поднял руку ко рту, чтоб подавить крик.

Уже вечерело. Далеко слева по берегу реки поднимались к небу три столбика дыма. Их было ясно видно. Туда-то и пошли охотники за людьми.

Мав чувствовал себя совсем разбитым. У него оставался теперь только один выход — обогнать по этому берегу толпу Бродячих и раньше их пересечь реку напротив стойбища.

Он выбрался на сухое место. Руки и ноги были странно легкими. Усталость и одеревенение вроде бы прошли, просто тело не желало слушаться его.

Шатаясь, он побежал.

Стойбище готовилось к ночи. Костры еще горели снаружи, но женщины носили внутрь пещер охапки хвороста. Мужчины, собравшись, рассуждали, отчего не вернулись люди из степи. Такое вообще случалось редко. Ночь принадлежала хищным зверям, а не человеку, ее следовало проводить у огня среди своих.

Дети, готовясь ко сну, расстилали подсушенную траву в темных гротах.

Девушка Ру сидела на камне рядом с молодым Яро. Тут же лежал и пустой березовый ствол. Яро просверливал острым камнем дырочки в медвежьих зубах — они должны были стать женским ожерельем.

Старый Уц на холме беспокойно вглядывался вдаль. Трое ушедших утром охотников были молодыми и сильными. Их гибель сильно ослабила бы орду.

Туман поднимался над рекой. Кругом стоял запах жареной рыбы. С поляны, где горели костры, доносился говор, смех, восклицания.

Затем крик раздался со стороны плеса, и люди увидели, как из воды по пояс в тумане вышел человек.

Все насторожились.

Совсем голый, без оружия, он вышел на освещенное место, рухнул на колени, хватая ртом воздух, потом показал рукой:

— Бродячие. Близко!

Стон разнесся над стойбищем. Завыли, запричитали женщины, собирая детей. Мужчины хватали оружие — топоры, копья. Несколько человек бросилось к большим камням, которыми на ночь заваливали изнутри входы в пещеры.

В орде было около сорока мужчин, но все понимали, что, будь врагов много меньше, все равно спасения нет. Рядом с волосаты-

ми гигантами даже самые сильные бойцы выглядели, как дети. Но и бежать было тоже некуда, потому что Бродячие настигли бы людей стойбища и в лесу.

Несколько мгновений царила суета на поляне, затем все убрались в две самые большие пещеры. Стало тихо. Только потрескивали брошенные костры.

И тогда появились Бродячие.

Первые тени мелькнули за пределами освещенного пространства и остановились. Постепенно людоеды собрались в слитную толпу. Они тоже устали, но не так, как Быстроногий. Представители племени Человека Сильного, они были выносливее и, кроме того, были в этом соревновании преследующими, а не убегающими. Охотника Мава весь день угнетал страх, а им, наоборот, придавала сил жажда догнать и добыть.

Наконец вожак вышел на поляну — косматый, в два с половиной метра ростом, с плечами, как скала. Тотчас по его зову подбежали, принюхиваясь, два следопыта, а затем все освещенное пространство заполонила радостно воющая толпа.

Вожак осмотрелся, затем бросился к откосу горы. Камень, загородивший вход в ближайшую пещеру, был не очень велик. Наверху, между его поверхностью и известняковым сводом, оставалась широкая щель. Оттуда полетели копья. Однако осажденным негде было размахнуться как следует. Только одному охотнику удалось задеть руку гиганта.

Бой начался. Бродячие навалились на камень. Изнутри держали его, но силы были неравны.

Через минуту Бродячие ворвались в пещеру. Огонь погас внутри, его затоптали. В темноте раздавались рычание и стоны. Но вторая, большая пещера еще держалась. Там Уцу сильным ударом топора удалось свалить одного из нападающих. Мощная туша заклинилась между камнем и стеной.

Бродячие пытались протолкнуть его вперед, но мертвый не двигался. Схватка замерла на миг.

И вдруг исподволь и сначала тихо, а затем усиливаясь раздался неподалеку тяжелый, низкий звук. Грозный первый предупредительный рев — голос Пещерного льва.

Владыка был тут, рядом. Совсем близко.

Все стихло, и в тишине лев пустил свой второй рык. Он низко потек по поляне, поднялся затем, оглушая. Заполняя все, сотрясая деревья, и камни, и людей, не позволяя слышать собственное дыхание, обессиливая, нагоняя смертную тоску. Звук дошел до самой большой громкости и оборвался.

Он был уже ближе. И стало ясно, что владыка двигается к пещерам.

Бой кончился. Бродячие с воплями бежали, бросая топоры и дубины.

Наутро остатки орды пустились в путь наверх. Нельзя было оставаться: Бродячие вернулись бы, чтоб уничтожить всех.

Уц вел своих людей в горы. Несли детей, запас пищи, оружие и шкуры. Инстинктивно старейшину стойбища влекло к югу, он не знал, что уходит от холодов наступающего ледника.

Люди двигались два дня, переночевали, сидя на корточках, как обезьяны, прижимаясь друг к другу и не разводя огня. На третье утро они достигли перевала и осмотрелись.

Было ветрено. Позади лежала обширная равнина, вся затянутая тучами. Дождь лил, контуры знакомых лесов и перелесков терялись во мгле. Но впереди над ними небо сияло голубизной — казалось, они стоят на грани, разделяющей две погоды.

К югу мягко, округло спускались горы, лежали луга и поросшие кустарником долины. Солнечные лучи осветили людей. Они стояли молча, им сразу сделалось теплее. Дождь шел почти что рядом, но они уже вышли из-под него.

Уц дал сигнал, и они начали спускаться.

Ру шла рядом с прихрамывающим Яро. Он нес с собой березовый ствол. Мав Быстроногий — он остался в живых — потрогал пальцем трубу.

— Это первый раз человек Яро заговорил, как лев.

Позади орды над потонувшей в дожде степью началась гроза. Молнии косо пересекали многослойные тучи, гремел гром.

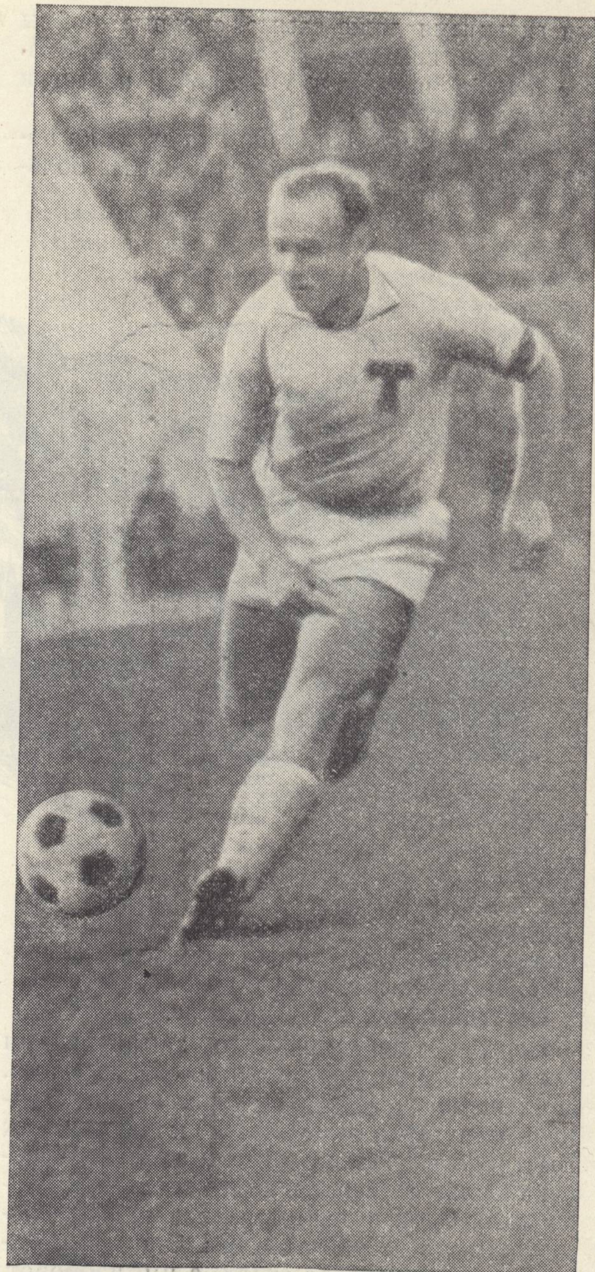
В мир входило нечто новое, способное совершенствоваться бесконечно,— разум. Начиналась прекрасная история Человека.

Стоп! Не спеши перевернуть эту страницу. Наш журнал открывает конкурс фантастических и приключенческих рассказов, которые будут писать не писатели, а читатели.

Писать можно о чем захочется, только было бы интересно. О глубинах морей и океанов, о древних парусных кораблях, о тайных подземельях, загадочных происшествиях, космосе.

Итак, за дело. Зимой, в январском номере журнала, мы подведем итоги.

А ты расскажи о конкурсе своим друзьям. Да еще не забудь выписать на будущий год наш «Пионер»!

КЛУБ ФОРВАРДОВ

КЛУБ ФОРВАРДОВ

дравствуйте, мальчики! Сегодня у нас клубный день. Заслуженный мастер спорта АНАТОЛИЙ ИЛЬИН расскажет про свой

«ЗОЛОТОЙ» ГОЛ И ДРУГИЕ

Мне часто приходится бывать с ребятами, и всегда они задают вопрос: «Как вы забили золотой гол в Мельбурне?..»

Золотым его называют оттого, что в финальном матче с югославской сборной этот гол принес нам победу и золотые медали чемпионов Олимпийских игр. А мне-то и рассказывать нечего, потому что я только завершил действия своих товарищей.

Вот как было. Татушин получил длинную передачу и в борьбе с защитником «протащил» мяч до боковой линии, а мы все сразу же «закружили хоровод» перед воротами англичан. Исаев взял на прицел ближнюю к Татушину штангу, я — дальнюю. (Штанги, конечно, ориентир, а брали мы на прицел ворота.) Татушин бросает мяч Исаеву. Вратарь пытается перехватить пас, а Исаев аккуратно головой перебрасывает мяч на дальнюю штангу. Знал, что я буду там. Так оно и получилось: я, набегая, тоже головой послал мяч в пустые ворота.

Правда, просто? Вот я всегда и отвечаю: просто все было. Мои товарищи сделали все, чтобы я забил гол. Они дали мне мяч, а я их не подвел. На самом деле, конечно, такая простота тоже не просто дается.

Расскажу вам про другой гол. Он во сто крат дороже мне, потому что учился я его забивать долгие годы.

Это было в Швеции на первенстве мира. Переигровка с командой Англии решала, кто войдет в четвертьфинал: мы или они? Счета долго не было. Но вот Войнов в центре поля получил мяч. Иванов «открылся» вправо, всем своим видом просит мяч. Англичане, конечно, сразу берут под наблюдение его, и мой «опекун» Хоу не обращает на меня внимания. Я рывком убегаю от Хоу, но бегу не по «желобку» вперед, а в центр, к воротам. Войнов словно только этого ждал: секунда — и мяч уже у меня. Под ногами мелькнула линия штрафной площадки, впереди одинокая фигура вратаря. Осталось метров тринадцать—пятнадцать. Ловлю мяч на подъем правой ноги и с ходу — в ворота. Гол. Мы победили...

Тот год вообще был для меня удачливым. Я забил в чемпионате девятнадцать мячей и получил приз газеты «Труд», которым награждается самый результативный футболист. А знаете, что мне помогло? Вот эти самые неожиданные смещения в центр и такие же неожиданные, без подготовки, удары с ходу.

На тренировках я доводил каждый элемент этой комбинации до автоматизма, вместе с тренером «проигрывал» ее бессчетное число раз, как проигрывают полюбившуюся пластинку, пока каждая нота не зазвучит в тебе, словно родился с ней.

Концовку комбинации — удар — отрабатывал обязательно с обеих ног и из любого положения: с ходу, с лета, в падении — словом, учился применять целый набор ударов. Никогда не выбирал одну и ту же позицию, проводил комбинацию и справа, и в центре, и на своем привычном фланге. Сперва все делал медленно, заботясь о правильности движений, координации, постановки опорной ноги, замаха. Постепенно прибавлял скорость, доводил ее до своей предельной, стараясь затрачивать на обработку мяча считанные секунды.

Если есть у вас желание и вы не боитесь трудностей, попробуйте сами в паре с товарищем разучить простейшую комбинацию с выходом на ворота и ударом. Партнер должен выполнять роль подыгрывающего, потом поменяйтесь местами. Идите от простого к сложному. Сначала накатывайте мяч по земле: удар по катящемуся мячу разучить легче. Скорость движения на мяч и скорость мяча на первых порах должны быть небольшими. Старайтесь как можно меньше раз касаться мяча при его обработке. Затем усложняйте упражнение, как я это делал в свое время. И не забывайте о левой ноге! «Одноногому» футболисту — грош цена. Для одного урока будет достаточно двадцати повторов на каждую ногу.

А ведь интересно, чего вы сумеете добиться, скажем, за месяц тренировок? А за год? Уверен, что вы сами очень скоро заметите сдвиги в лучшую сторону.

теперь перейдем на следующую страницу. Там нас ждет... впрочем, нет, не будем вам ничего говорить, увидите сами!

Как стать Пеле

Все, наверное, слышали о футболисте, которого зовут Пеле́; о нападающем сборной команды Бразилии; о человеке, которого не называют иначе, как «король Пеле́». А может быть, вы и видели его, когда он играл в прошлом году в Москве? Я встречался со многими ребятами, которые увлекаются футболом, и они, едва узнав, что я знаком с Пеле, неизменно задавали мне вопрос: как стать Пеле?

Об этом я спросил самого Эдсона Арантеса до Нассименто (таково полное имя и фамилия короля форвардов, прозванного Пеле́). И вот здесь перед вами его ответ. Говорит Пеле.

НЕМНОЖКО ЛЮБВИ. Поначалу мы только смотрели, как играют старшие ребята. Они нас не принимали. Но когда мяч случайно попадал к нам, мы не спешили возвратить его обратно, перепасовывали друг другу. Расплатой были пинки и брань. Наконец, я предложил создать свою команду.

Мяч сделали из старых чулок. Ботинки служили штангами. И это было не простое дело — набрать столько ботинок; обутыми у нас были немногие. Углы поля обозначали штанинами брюк.

Мяч был наш, время было наше, поле было наше — все теперь было наше! Мы все были капитанами и все были судьями и забывали обо всем. Мяч был моим неразлучным другом. Разбитые башмаки меня тогда не беспокоили, чего нельзя сказать о моих родителях.

НЕМНОЖКО СТАРАНИЯ. А мяч? Мы мечтали о настоящем мяче, о своей собственной форме. Ну что же! Мечты иногда сбываются не только в сказках, но и в жизни.

Фото Пеле и его автограф, подаренные клубу.

Позднее мы купили настоящий мяч и настоящую форму... По правде сказать, нелегко нам досталось и то и другое.

С мячом нам помогли фантики. Мы, правда, далеко не каждый день ели конфеты, а тут еще нам нужны были конфеты определенного сорта: те, у которых на внутренней стороне обертки изображены известные футболисты. Эти обертки-фантики надо было собирать и наклеивать на специальные карточки с фамилиями игроков той или иной команды. Наберешь полную команду — получишь в магазине, торгующем этими конфетами, мяч — настоящий футбольный. Это вроде премии лучшим покупателям и едокам. Торговцу нужна была прибыль, а нам — мяч. И вот мы искали фантики по всему городу, выменивали их, выпрашивали.

А форма? Начали собирать старое железо, банки, бутылки. За несколько дней обшарили все ямы и свалки, продали добычу и купили форму.

НЕМНОЖКО ВЫДЕРЖКИ. Сколько я ни напрягаю память, не припомню, чтобы у моего отца (а он был хорошим футболистом) когда-нибудь была во рту сигарета. И тем более не помню его пьющим вино или хотя бы пиво. Однажды я закурил, а отец увидел. Я не сомневался, что он побьет меня. Но он сказал:

— Ты способный и можешь стать настоящим футболистом. Если только не будешь курить и пить. Чтобы играть, надо иметь хорошее здоровье.

С тех пор я никогда больше не прикасался к сигарете.

НЕМНОЖКО ДИСЦИПЛИНЫ. Мы очень любили своего тренера, хотя он был строг с нами. Позднее я понял, что, не будь он так строг, не получился бы из меня футболист. Я очень хотел стать лучшим учеником. Внимательно выслушивал все его наставления, старался все выполнять так, как он говорил и показывал. Не пропускал я мимо ушей и советы своего отца.

Тренировки казались мне легкими. Я даже не успевал вспотеть. Позже я понял, что именно так и должно быть. Если беспрестанно гонять мяч, как мы гоняли раньше, можно нанести себе только вред.

Я учился играть на команду, и, как это ни

странно выглядит на первый взгляд, чем дисциплинированней я становился, тем больше и больше «вольностей» на поле разрешал мне тренер. Так, не стирая во мне индивидуальность, не подавляя инициативы, он учил меня быть дисциплинированным в игре. Действовать вместе с командой.

НЕМНОЖКО ХАРАКТЕРА. Много говорилось и писалось о том, что когда меня приняли в команду взрослых, я показал чудеса на первой же тренировке. Это неверно. Я не забил ни одного мяча, совсем не рвался к воротам и очень нервничал, играя рядом с «кобрами» (так мы, мальчишки, называли знаменитых футболистов).

Но я тренировался, тренировался, тренировался. И поэтому настоящее боевое крещение не заставило себя ждать. Мне не было и шестнадцати лет, когда я впервые надел футболку сборной Бразилии. Но и затем судьбе угодно было не раз испытывать мой характер. Перед чемпионатом мира 1958 года в последней тренировочной игре я сильно ушиб колено. На глазах у меня были слезы. Не от боли. От обиды. Неужели не возьмут в Швецию на чемпионат?

Наш доктор Гослинг осмотрел колено и сказал:

— Если мальчишка будет мужчиной, он за несколько дней выздоровеет и сможет играть.

— Я мужчина, — был мой ответ.

Все засмеялись. Я же действительно играл на чемпионате мира и вместе с моей командой стал чемпионом.

На следующем чемпионате мира, в Чили, в первой же игре меня вновь подвело колено. Многие тогда считали, что я вообще должен оставить футбол. Но меня даже болезни не так-то легко победить. А в Лондоне я постараюсь сделать все, чтобы моя команда в третий раз стала чемпионом мира.

Вот, пожалуй, и все, что сказал Пеле. Теперь суммируй, юный читатель, перечисленные им «немножко». Они помогут тебе «стать Пеле». Впрочем, зачем тебе становиться именно Пеле? Стань самим собой! Но таким, чтобы другие захотели быть похожими на тебя. Для этого тебе недостает пока «немножко»... Впрочем, не будем говорить, чего именно. Ты должен сам это знать; сам работать, чтобы все эти «немножко» стали твоими неотъемлемыми качествами и чтобы их было в тебе много: ровно столько, сколько нужно настоящему форварду.

Лев КОСТАНЯН

Репортаж ведёт... Хоттабыч

В ИГРУ ВСТУПАЕТ ОМАР

— О Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб! — воскликнул мой старший брат Омар, когда я рассказал ему о футбольной встрече команды джинов с командой Волькиного двора, закончившейся столь печально для нас. — О Гассан! Ты просто никуда не годный и бездарный руководитель! Где этот самонадеянный юнец, чья команда столь дерзко поступила с тобой и твоими джинами?! Подать его сюда! Я сам хочу сыграть с ним! Посмотрим, сумеют ли он и его товарищи справиться с командой, в которой тренером и капитаном будет сам Омар Юсуф ибн Хоттаб!

— Послушай, вратарь моего сердца, покрышка моей души, — ласково сказал я ему, — ну какой из тебя футболист? Я уже не говорю о твоем почтенном возрасте, но вспомни о бороде, которая будет мешать тебе бегать по полю. К тому же ты ведь даже никогда не видел, как играют в футбол!

— Борода тебя не касается, — сухо ответил Омар, — видишь, я заткнул ее за пояс. Вот так же я заткну за пояс любого противника! Что же касается твоего наглого утверждения, будто бы я не разбираюсь в футболе, так еще три с половиной тысячи лет назад я участвовал в матче против команды, которую тренировал сам Сулейман ибн Дауд, да будет земля ему пуховой периной. Как сейчас помню: я получил мяч, обвел одного за другим четырнадцать игроков и забил великолепный гол!

— Но, возлюбленный и достопочтимый брат мой, как же это могло случиться, когда в команде всего одиннадцать человек, включая и вратаря?

— Одиннадцать? — недоверчиво спросил Омар и притворно закашлялся, чтобы скрыть смущение. — Э-э.. видишь ли... я заодно обвел еще и трех игроков своей команды, подвернувшихся мне под руку...

— О ты, бестолковейший из братьев! — вскричал я. — Ведомо ли тебе по крайней мере, что в футбол играют ногами?

КЛУБ ФОРВАРДОВ

И вот настал уважаемый час футбольной встречи между Волькиной командой и командой, чьим играющим тренером и капитаном был мой брат Омар.

Едва началась игра, как Омар закричал своему партнеру, именуемому метким словом «полузащитник»:

— Эй ты, дохлый верблюд, давай мяч сюда!

Испугавшийся джин тут же дал пас своему капитану, и Омар повел мяч к Волькиным воротам. Он знал, что я смотрю на него, и старался показать себя многоопытным и искусным мастером. Я полагаю, он видел, что к нему приближается защитник, но в гордыне своей только сплюнул презрительно и процедил сквозь редкие желтые зубы, которые так и не научился чистить:

— Подумаешь, тоже мне футболист отыскался!

В то же мгновение защитник подбежал вплотную к этому жалкому хвастуну и выбил мяч далеко в поле.

Омар снова бросился в атаку, ибо к этой минуте команда, возглавляемая им, проигрывала уже семь мячей.

— Эй ты, рваная футбольная покрышка! — крикнул он левому крайнему джину.— Куда бьешь?! Давай на меня!

Так он продолжал кричать на всех, внося путаницу и неразбериху в игру команды глупейшими указаниями.

— Ах ты, шляпа! Штанга ты безмозглая, да покарает тебя алл...

Тут он вдруг умолк на полуслове, потому что к нему в рот, в это вместилище всяческих ругательств, влетел мяч. Братец удивился, потом, поморгав глазами, сомкнул челюсти, проглотил камеру вместе с покрышкой и со всех ног бросился к чужим воротам. Я, конечно, мигом разгадал замыслы этого старого мошенника. Он юркнул мимо вратаря и с разбегу плюхнулся в сетку. Однако мудрейший из судей не дал свистка.

— О ты, пригодный лишь на изготовление синтетических моющих средств, почему не объявляешь гол?! — прохрипел Омар.

— Потому что не вижу мяча ни в сетке, ни на поле, — отвечал непоколебимый страж футбольной справедливости.

Тогда брат поспешно открыл рот, засунул себе в горло свою немытую руку, вытащил мяч и приткнул его в воротах.

Судья наконец дал свисток. Омар, сияя, подобно полной луне, взял мяч и важно зашагал к центру поля. Но справедливейший из всех судей, которых мне приходилось знать, указал перстом на штрафную площадку.

— Гол был забит рукой,— возгласил он.— Не засчитываю и назначаю штрафной удар.

Я был весьма обрадован столь высокомудрым решением, достойным самого Сулеймана ибн Дауда, мир с ними обоими до скончания века. Но Омар покраснел от гнева, как вареный омар.

— О неверная собака! — закричал он судье.— Я превращу тебя в мыльный порошок «Новость».

Но судья не испугался и удалил Омара с поля. Ведь если ты футболист, то, как говорит мой друг Волька, надо уметь мяч держать в ногах, а себя — в руках.

Записали В. и М. КАШАЕВЫ.

Вокруг мяча Вокруг мяча Вокруг мяча Вокруг мяча

МЕЖДУ ДВУХ ВОРОТ

Хоао Пинейро — хороший (даже для Бразилии) футболист. И тем не менее команда, за которую он выступает, не чувствует себя уверенно, особенно когда он оказывается вблизи от своих ворот. Дело в том, что в течение сезона Пинейро сумел забить пятнадцать мячей в свои ворота. Хоао перевели из защиты в нападение и для верности в день рождения преподнесли компас с надписью: «Противник — напротив».

ЗАЯЦ-БОЛЕЛЬЩИК

В прошлом году на стадионе близ шведского города Мальмё во время одного из футбольных матчей появился заяц. Ко всеобщему удивлению, он не испугался людей, присел недалеко от ворот и стал наблюдать за игрой. Через некоторое время он снова пришел, словно футбол покорил заячье сердце. Косой превратился в заядлого болельщика и стал частым посетителем стадиона.

Прошедший сезон он завершил посещением матча сборных команд Дании и Швеции. Но на первые игры нынешнего сезона заяц не являлся. Тщетно ждали его завсегдатаи стадиона. Зато во время международного матча между клубными командами Мальмё и Лейпцига зайчишка вновь прискакал на поле. Видно, разборчивым стал длинноухий поклонник футбола.

ПОСЕЕШЬ МЯЧ — ПОЖНЕШЬ КОМАНДУ

Английский городок Грисби славится добротной футбольной командой и хорошими традициями. Там исстари завелось, что, если во время тренировки мяч перелетит через ограду, он становится достоянием мальчишек. В результате пристрастие к футболу у ребят не иссякает, и каждый упущенный мяч означает рождение новой дворовой команды. А их в маленьком Грисби уже свыше двенадцати.

СЛЕДЫ НА СТЕНЕ

Одни собирают марки, другие — мундштуки. Известны собиратели пепельниц и даже трамвайных вагонов. А что, скажем, может коллекционировать футбольный болельщик? Автографы вратарей? Портреты футбольных звезд? Мячи? Бразильский болельщик Мера собирает... отпечатки ступней известных футболистов, и стены его дома, можно сказать, «исхожены» вдоль и поперек. Пеле и Гарринча, Диди и Жильмар, Ди Стефано и Кутиньо — все они «приложили ногу» к украшению жилища Меры.

ВОТ ЭТО ПАС!

Машинист вел экспресс. Вот замелькали предместья его родного городка Лунд, запестрел спортивными флагами стадион. И вдруг мяч, перелетев через трибуны,

КЛУБ ФОРВАРДОВ

лег на железнодорожное полотно меж рельсами. Машинист остановил экспресс и, подхватив мяч, хорошо поставленным ударом переправил его обратно на стадион. С точки зрения железнодорожного начальства, он допустил возмутительную вольность. Точка же зрения спортивной прессы и любителей футбола оказалась совсем иной. Машиниста премировали бесплатным абонементом.

ТРОЕ ЗА ТЫСЯЧУ

Чего только не рассказывают о темпераменте «тиффози», как называют в Италии болельщиков! Удивить мир тут уже, кажется, невозможно. Но вот... в городе Фальконе шел футбольный матч. Хозяева поля из последних сил сдерживали натиск гостей, а тут еще судья Поллини назначил штрафной. Поднялся такой оглушительный шум и свист, что строгий судья тут же остановил игру и потребовал очистить трибуны от зрителей. Взвод полицейских принялся за дело, и через минуту трибуна опустела, так как зрителей было всего... трое.

ЗАОБЛАЧНЫЙ ВРАТАРЬ

В столице Боливии шел футбольный матч. Над полем кружили орлы. Это никого не удивляло, так как город Ла-Пас расположен высоко над уровнем моря, так сказать, в орлиных владениях. Но вдруг орел камнем устремился вниз. Секунда — и он взмыл в небо... с футбольным мячом в когтях. Удивлению игроков и болельщиков не было границ. Судья выбросил новый мяч. Но в небе вновь закружил орел, прицеливаясь к мячу. Игру отложили.

1. Знаете ли вы, кому из футболистов, играющих в нападении, принадлежат рекорды результативности наших самых популярных клубов: «Спартака», тбилисского «Динамо», ЦСКА, московского «Торпедо», московского и киевского «Динамо»?

2. Два года назад редакция газеты «Московский комсомолец» учредила для московских стадионов приз за самый красивый гол сезона. Кто завоевал этот приз в прошлом году? Кто в позапрошлом?

3. Как бы вы поступили на месте судьи в таком случае: нападающий владеет мячом, но, видя, что его партнер оказался «вне игры», посылает мяч не ему, а назад или в сторону? Однако мяч попадает в защитника и отскакивает как раз к тому форварду, который был в положении «вне игры». Как поступить судье?

4. Футболист бьет штрафной удар. Мяч, никого не задев, ударяется в штангу, отскакивает к тому же игроку, и он добивает его в сетку ворот. Гол или нет?

При словах «собачья упряжка» каждому представляется полярная стужа, северное сияние, бесконечная снежная пелена, скрип полозьев.

А бывает и как на этом снимке. Бежит дружная собачья упряжка по зеленой летней тундре — среди поросли карликовых берез, по замшелым кочкам и ягодникам, тянет груженые нарты так, что каюр еле поспевает. Если же случится на пути озерко, «поезд» с веселым лаем сходит с «рельсов» и кидается в воду — попить и освежиться.

а у нас...

Наш двор

В нашем дворе много ребят. Двор большой и дружный. У нас есть большая площадка.

Зимой мы устраиваем там каток. Катаемся на коньках. Мальчики играют в хоккей. Летом играем в футбол, волейбол и в другие игры. Когда мы приехали в новый дом, все ребята посадили по дереву. Сейчас деревья большие. Есть у нас и фруктовый сад. Летом поспевает много яблок, вишен, груш, слив, малины, клубники.

Мы посадили в нашем дворе и цветы. Ребята ухаживают за садом и за цветами, следят за чистотой. И малышей мы приучаем к труду.

Н. Бородина и И. Губина,
г. Волгоград.

ПИПУШ

Однажды в конце мая я возвращалась домой. Возле стены своего дома я увидела маленького пушистого птенца. Это был воробышек. Я принесла птенца домой и назвала его Пипушем. Пипуш был очень забавный и веселый. Вскоре все полюбили его. Пипуш любил попроказить, и с ним всегда случались разные происшествия.

Первое время я сама поила его. И вот однажды произошел такой случай.

Утром Пипуш захотел пить. Но напоить его было некому. Все еще спали. Тогда Пипуш прыгнул ко мне на кровать, доскакал до подбородка и, вытянув свою тонкую шейку, сунул клювик мне в рот! Когда я проснулась, Пипуш сидел на одеяле, поджав лапки, и плутовато поглядывал на меня своими желтыми глазами.

Вот каким умным был мой Пипуш! А когда он вырос, я выпустила его на волю, хотя мне было очень жаль расставаться с моим питомцем.

Зоя Хайлова,
г. Рославль, Смоленская область.

Рыбаки.

Фото Саши Дорогова, г. Калуга.

ЖУРАВЛЬ И ЗМЕЯ

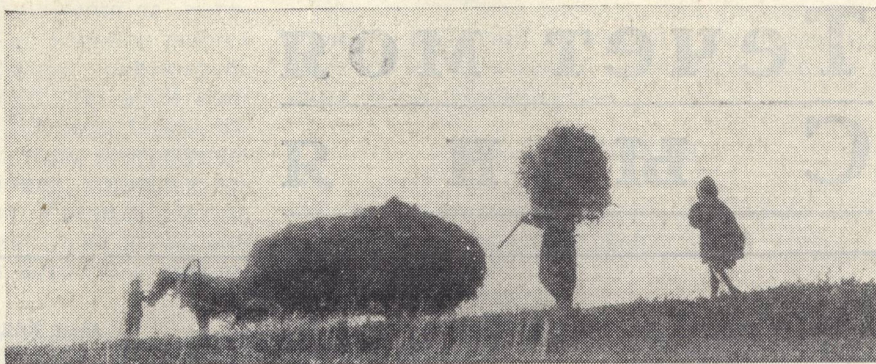
Чудесным летним днем я шел по лесу и насвистывал веселую песенку. Вдруг в ельнике что-то затрепетало, и в воздух поднялся большой журавль. Журавль держал в своем клюве длинную змею. Она извивалась в прозрачном воздухе.

У меня от напряжения даже слеза покатилась по щеке. Но я все стоял посреди лесной дороги и смотрел вслед удаляющемуся журавлю. А журавль летел все дальше и дальше и вскоре превратился в маленькую точку.

Володя Береснев,
д. Бороньки, Могилевская область.

Сенокосная пора.
Фото Саши Потапова,
г. Минск.

ТЕРЕМ—ТЕРЕМОК

Я и моя одноклассница Таня Мусинова — пионервожатые в 4-м классе. Мы вместе с ребятами всегда затеваем что-нибудь веселое. Недавно мы взялись за сказку «Теремок», решили поставить ее в нашем кукольном театре. У нас в селе не было кукол, мы сами сделали всех действующих лиц. Нам помогла учительница 4-го класса Раиса Владимировна. Скоро наш кукольный театр покажет сказку «Теремок».

Халюет Умирзакова,
с. Кара-ой,
Алма-Атинская область.

ГДЕ МЫ ЖИВЕМ...

Я живу в Егорьевске. Наш город есть на географической карте, но он не похож на Москву, Таллин, Ленинград. Это маленький городок. Мне он стал родным. Когда идешь по улице, то знаком каждый дом, каждый переулок.

Однажды я с ним разлучилась, но мне всегда хотелось вернуться в Егорьевск. Я даже сочинила стихотворение о тоске по родному городу.

Потом мы вернулись в Егорьевск. Все здесь мне нравится: река Гуслица, очень мелкая местами, лес, в котором зимой много снега... Новые большие дома. Большая школа, которая строится около моего дома.

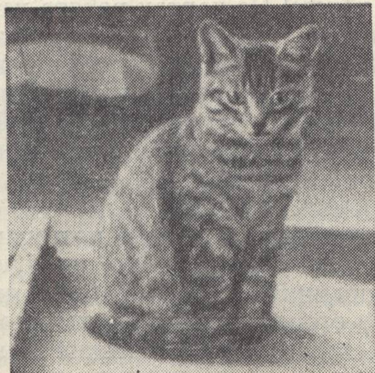
Я прочитала в первом номере «Пионера» письма мальчиков и девочек и решила тоже рассказать о своем родном городе.

Лена Терехова,
г. Егорьевск.

а у вас?

Дорогая редакция! Посылаю вам фотокарточки нашего кота Барсика и козы Муси. Если они вам понравятся, напечатайте их в журнале.

Вова Дурасов,
с. Воздвиженское,
Горьковская область.

Течет моя Сыня

Родина начинается у порога моего дома

(Девиз горковских юных краеведов)

ОТ ПОРОГА ДОМА

На далеком Севере, на полуострове Ямал, в низовье реки Оби, стоит поселок Горки.

В Горках живут ребята — дети охотников и рыбаков. Зимой они учатся, а летом, когда полярное солнце даже в полночь светит у горизонта, путешествуют.

«Край земли» — так переводится на русский язык слово «Ямал». Это верно: стоит отойти подальше от поселка — и не найдешь не только дорог, но и узеньких троп.

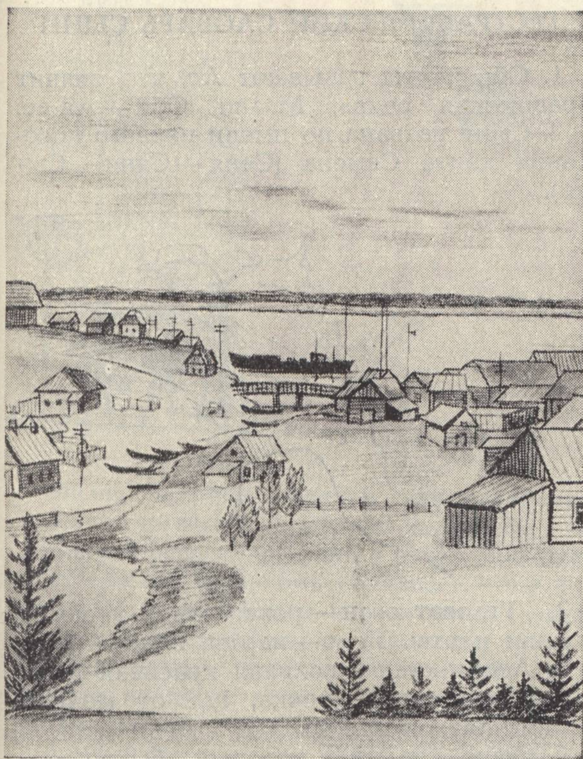
Вот и задумали горковские ребята вместе со своим учителем Петром Павловичем Лосевым — а он еще и действительный член Географического общества СССР! — пройти там, где ни разу не ступала нога человека. Да не просто пройти, а оставить такие следы, которые никогда не сотрутся. Так появились на Ямале составленные ребятами новые карты! На картах ребята написали хантейские названия, которые они узнали в походах, и названия, которые они сами придумали. Это открытые ими ручьи и соймы: Географический, Пенистый, Таловый, Обманный, Еловый, Любашин, Валин, это остров Тамары.

Все это случилось не сразу.

Горковские школьники немало потрудились, прежде чем уйти в свою первую большую экспедицию. Тут и работа на звероферме, на огороде, беседы с рыбаками и охотоведами. Тут и химические ана-

лизы воды и почвы, наблюдения за погодой и природой. А сколько вечеров ребята изучали приборы-самописцы: термограф, гигрограф, барограф! Особенно всем понравился универсальный угломер. С его помощью краеведы вычисляли географическую широту, высоту солнца, холмов и деревьев, ширину водоемов. Учились и тому, как разбить палатку, завести на лодке мотор, не растеряться при встрече с медведем...

Поселок Горки. Рисунок из альбома юных краеведов.

Теперь ты посмотри на карту, где проложен маршрут географической экспедиции горковской школы по реке Сыне. Видишь, какая это большая река? Она не меньше, чем Днепр. Широка, многоводна, богата рыбой. Течет Сыня с гор Приполярного Урала на восток, через глухую тайгу, и впадает в рукав Оби — Малую Обь.

Сколько у Сыни притоков и сколько в них вливается безымянных, неизученных речек, ручьев! Почти восемьсот километров по воде и болотистым, мшистым, густо заросшим тальником берегам прошли юные исследователи с планшетами, гидрометрическими приборами, гербарными сетками и геологическими молотками.

Как много было впечатлений, разных историй и событий! В журнале напечатаны заметки из походных дневников горковских ребят. Прочитай их.

МЫ — СЫНСКИЕ

Вечером к нашему костру на Святом мысе подошел молодой хант. Петр Павлович спросил его:

— Где вы живете?

Окинув гордым взглядом водные просторы, хант ответил:

— Мы — сынские!

Этим он дал понять, что родина его не какое-нибудь селение, а вся Сыня. Об этом говорит и хантейское «сеня ёх», что значит «люди, живущие на Сыне».

Там, где в Сыню впадает Лесми-юган, расположен рыбацкий поселок Ямгорт. Здесь с давних пор проходил тракт из Мужи в Березово и была почтовая станция. На ней останавливались ямщики. Отсюда и название «Ямгорт» («горт» по-хантейски — «селение»). Почту возили на оленях.

Валя Боргачева

КАК БЫЛ ОТКРЫТ ОСТРОВ ТАМАРЫ

В девять часов мы сели в лодки и поплыли вверх по Несь-югану. Биологи, географы и одна группа гидрологов высадились в устьях соймов, а мы с Тамарой Тарасовой, Валерой Костиным и Петром Павловичем поехали измерять Несь-юган, его приток Му-юган и два безымянных ручья.

По пути нам встретился остров. Мы решили исследовать его. Тома вышла на берег, вслед за ней покинул лодку Петр Павлович. Мы с Валерой занялись измерением реки. Потом стали ждать наших спутников. А их все нет и нет. Начали кричать — ответа не последовало. Поехали на другую сторону — и там нет никого. Валера пошел искать пешком, но скоро вернулся, наткнувшись на непроходимое болото.

Наконец мы услышали голос Петра Павловича. Он был далеко на берегу. Мы подплыли, а Петр Павлович зашагал обратно, ведя нас за собой. Скоро мы увидели и Тамару. Оказывается, они сильно промокли в болоте, сушились у костра и ждали нас совсем в другом месте.

Длина острова, как мы выяснили, была километр, а ширина — семьсот метров. Петр Павлович предложил назвать его ост-

ровом Тамары, потому что она измерила его вдоль и поперек. Мы с Валерой согласились. Так был открыт остров Тамары.

Люда Киселева

ТАЙНА ГОРЫ ТИГР

Бассейн Сыни подвергался действию ледника. Поэтому на берегах ее притоков много камней и валунов. Мы отыскали слюдисто-кварцевый сланец, мрамор, гранит, кварц, яшму.

Самое высокое место на Лесми-югане — обнажение Тигр. Это обрыв высотой в девятнадцать метров. Пласты здесь залегают с запада на восток под углом в четырнадцать градусов. Сверху обрыв покрыт мхом, под ним лежит черно-зеленый слой. Ниже идет слой серой глины, затем красной, дальше опять серая глина и опять красная, а потом до уровня реки — серая глина. За эту полосатую расцветку и форму мы и дали нашей горе название Тигр.

Леня Хайконен

ПРАЗДНИК «ИЮНЬКИ»

Подготовка к празднику началась еще вечером. Сперва выбрали Июньку. Июнькой может быть любая девочка, у которой день рождения в июне. Биологам поручили позаботиться о наряде Июньки. Много хлопот досталось поварам. Они коптили рыбу, придумывали и готовили разные вкусные блюда.

На следующий день выбрали небольшой остров. Остров был сплошь покрыт цветами. На берегу полянка, окруженная кудрявыми березками. Здесь и решили устроить праздничный стол.

Вскоре у всех на головах появились венки. Потом сели к столу. Поздравляли Июньку и преподносили ей подарки.

Подарки были необычные. Тут и «волшебный камень» географов, и «живая вода» гидрологов, и «лягушка-путешественница» биологов, и даже карта «острова Счастья», где сливаются реки «Воля», «Труд», «Любовь к людям»,— подарок начальника экспедиции Петра Павловича Лосева. Все эти подарки Июнька обещала бережно хранить. А когда ей будет трудно, «волшебный камень» и «живая вода» придут Июньке на помощь, а «лягушка-путешественница» подскажет новые чудесные пути.

После этого торжества Июнька пустила по реке сначала свой венок, а затем один за другим венки всех остальных ребят. Это были прощальные Июнькины подарки Сыне.

Оля Конева

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ СЫНИ

1. Обь ханты называют Ас, что значит «равнинная река», Малая Обь — Ай-ас.
2. Сыня названа по имени первого поселенца ханта Семена (Сеня — Сяня — Сыня).

3. Угловат-юган — река, где утонули оленьи нарты. Угол — нарты, юган — река.
4. Лесми-юган — вольная красивая река.
5. Молни-юган — речка, где от молнии возник лесной пожар.
6. Сойм — залив, в который обычно впадает ручей.
7. Хор-сойм — чистый ручей.
8. Кевын-сойм — каменистый ручей.
9. Овгорт — поселок, где сливаются реки (Сыня и Несь-юган). Ов — течение, устье, горт — селение.
10. Святой мыс — бывшее жилище главного шамана на Сыне. Все окрестности в радиусе трех километров от этого места считались священными и неприкосновенными. Простые смертные не могли здесь даже пить воду.
11. Сохомпол — осетровый запор. Раньше у этого поселка ханты перекрывали русло Сыни и ловили осетров.

Милиционер был в полном замешательстве прямо на него двигалась ватага мальчишек с самыми настоящими шпагами в руках. Милиционеру хотелось засвистеть (кто знает, что у них на уме?), но мальчишки, поравнявшись с милиционером, изящным жестом отдали ему салют и прошли мимо. Озадаченный постовой долго смотрел им вслед: не всякому удается в центре Свердловска встретиться с мушкетерами.

А мушкетеры шли по улице и вели свой деловой мушкетерский разговор.

— Значит, лошади будут. Только ты смотри, найди таких, чтоб как следует... Нам на них придется скакать не так уж мало,— степенно произнес Атос.

— Лошади — это ерунда,— презрительно заявил Портос, стараясь не сбиться с ноги.— Вот где вы возьмете миледи, хотел бы я знать?

Напряженное молчание друзей было ему ответом.

— Ладно, «проблему миледи» мы решим потом,— неожиданно воскликнул Арамис, всю жизнь отличавшийся легкомысленным отношением к серьезным вопросам.— Главное: чтобы был фильм.

Так в Свердловске, в поселке Уткус, в пионерском юнкоровском отряде «Мушкетер», начались съемки фильма, который назывался, конечно же, «Три мушкетера».

НЕМНОГО ИСТОРИИ...

Отряд наш когда-то, года три назад, не носил столь громкого названия, да и отрядом не был. Просто группка мальчишек, живущих в новых домах на окраине старого-престарого поселка. За окнами начинался лес, в котором очень хорошо было играть в войну. В войну, естественно, играли, а группка мальчишек постепенно становилась ядром, которое не распадается, притягивает к себе других ребят.

Самым первым важным событием в жизни отряда (тогда еще не «Мушкетера») был поход в поселок Рудный. Он нам многое дал, этот поход. Здесь впервые по-настоящему раскрывались характеры. Вспомнить хотя бы, как мужественно перенес все тяготы перехода самый

Знакомьтесь: Атос, Арамис, Портос.

Его высочество герцог де Гиз.

младший, тогда еще семилетний Сережка Поспелов (будущий д'Артаньян). Так и не захотел ни от кого принять помощь (вот уж истинно гасконская гордость!). Здесь начали складываться законы мушкетеров, законы честных, благородных, смелых людей.

Посмотрели бы вы, как тащил, сгибаясь от тяжести, три рюкзака будущий кардинал Ришелье! Девчонки так и не смогли убедить его, что им совсем не тяжело. В этом походе был снят и первый фильм. Тогда пришла мысль: фильм этот, конечно, не последний. Не организовать ли студию? «Организовать»,— решило большинство. И стали думать над названием.

— Фига у нас получится, а не студия,— мрачно произнес один из скептиков.

— Ура! — воскликнули оптимисты.— Пусть будет студия «ФИГА».

— Отлично! Фильмы исторические, гениальные, артистические...

— Ха! Гениальные...

— Ну, героические.

Так и решили.

Отныне на свете, кроме Мосфильма, Ленфильма и прочих киностудий, существовала еще студия с интригующим названием «FIGA».

Потом были еще разные дела, походы, фильмы о них. Были уроки фехтования во дворе, которые приводили в ужас всех соседей. Был свой флаг и горн. Наконец, была линейка, торжественное обещание и название отряда — «Мушкетер». А теперь еще есть фильм, который делали долго и трудно.

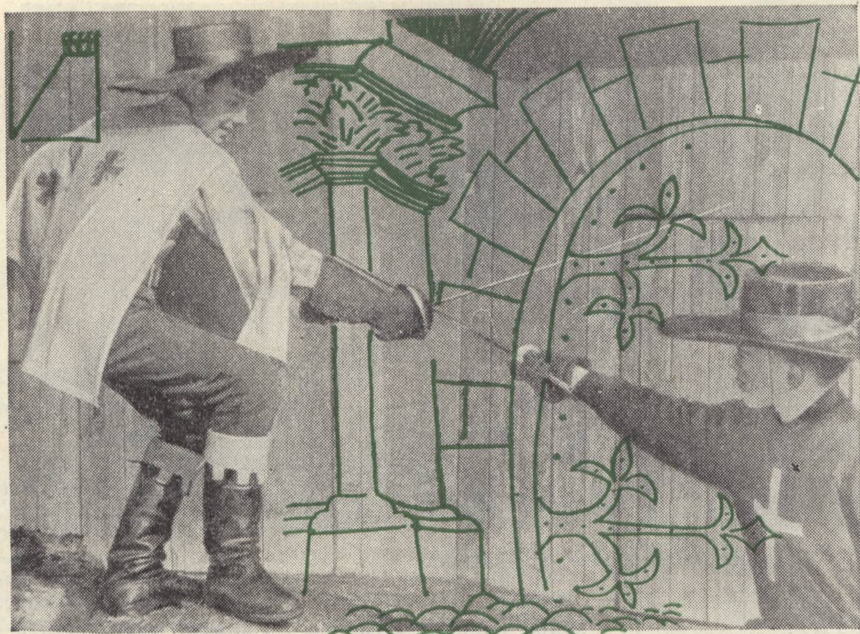
ФОРТУНА ПОКА ЗА НАС!

Никто не знает, кому первому пришла в голову мысль снять именно «Трех мушкетеров». Просто всем хотелось, чтобы был фильм, где можно вволю сражаться на шпагах. Да простит нам Дюма-отец некоторую самостоятельность в обращении с его романом!

Роль Людовика XIV исполнял «туристский волк» Сега, семилетний Сережка Стадухин, человек бесстрашный и решительный. Видели бы вы, с каким знанием дела стрелял он из рогатки по гвардейцам! Но зато каких усилий стоило заставить его изобразить скорбь и уныние! В самый ответственный момент у его величества появлялась на лице ехиднейшая улыбка. Обычно дело кончалось тем, что кто-нибудь из наиболее нетерпеливых мушкетеров или гвардейцев угрюмо произносил:

А это д'Артаньян.

Уроки фехтования не прошли даром.

— Ну, сейчас он у меня заревет!

— Я повелитель Франции! — строптиво кричал в ответ король, но все же довольно послушно вставал в позу.

КАРДИНАЛ ЕСТЬ КАРДИНАЛ, ИЛИ КАК ПОЯВЛЯЮТСЯ ДУБЛЕРЫ.

Давно ли вы читали «Трех мушкетеров»? Во всяком случае, вы, наверное, помните дьявольский характер кардинала Ришелье? Студию «ФИГА» долго мучал вопрос: кому поручить эту ответственную роль? Действительно, думаете, легко выбрать среди двух десятков благороднейших мушкетеров одного кардинала? Наконец выбор пал на одного из нас, того самого, который таскал в походах по три рюкзака. Ко всеобщему удивлению, он даже не слишком отказывался. Некоторое время он вживался в роль, весь отряд всячески поощрял это важное дело. Знали бы мы тогда, что нам сулит в будущем это вживание!

Началось все с того, что артист стал невероятно обидчивым. Но мушкетеры относились к его фокусам довольно терпеливо, решив, что у кардинала переходный возраст. Однако кардинал есть кардинал. И вот однажды, после того как оператор непочтительно обозвал его преосвященство дураком, кардинал Ришелье покинул съемки и уселся возле дома, ожидая, когда к нему придут с извинениями.

Мушкетеры скрежетали зубами от ярости. Но кардинал знал, что́ он делает. Съемку надо было срочно кончать, все торопились, и он был здесь нужнее всех! Но не идти же в самом деле к нему с извинениями! И вот в одеяния его преосвященства срочно облачают одного из гвардейцев. Главной задачей новоиспеченного кардинала Ришелье было совсем не «проникновение в образ», а как раз наоборот: ни разу не повернуться лицом к камере. Еще бы! У прежнего кардинала рыжие кудри и веснушки, а у нового — белесая челка и круглая, улыбающаяся физиономия, на которой коварство изобразить просто невозможно. А настоящий кардинал потом все-таки явился... Мушкетерам кажется, что он теперь долго не захочет подражать своему герою.

А в результате появилась в титрах солидная, добропорядочная подпись, сообщающая, что у кардинала имеется дублер.

Берегитесь, гвардейцы кардинала!

ФОРТУНА ШУТИТ.

Говорят, чудес не бывает. Мы тоже так думали, а теперь уже не думаем...

Последняя часть нашего фильма заняла четыре пленки. Были сняты все оставшиеся эпизоды, сцены, моменты. Съемки закончились. Оставалось только проявить и смонтировать последние пленки. И вот здесь-то началась фантастика. Все четыре пленки на месте, все четыре пленки засняты, а части кадров нет, хотя все отлично помнят, как их снимали. Больше того, есть фотографии этих кадров, сделанные во время съемки, а самих кадров все-таки нет. Вы все еще сомневаетесь в том, что чудеса бывают? Мы тоже долго сомневались, но, когда перебрали тысячу различных вариантов и ни один не подошел, перестали.

Нужные кадры пришлось переснимать. Эта съемка была, пожалуй, самым тяжелым испытанием для студии «ФИГА». Для начала оказалось, что нет ключа от красного уголка. Наконец ключ нашли, дверь открыли и, к своему ужасу, увидели, что исчез королевский трон. Владелец унес его домой (ох, уж эта частная собственность!). Бегут за троном — квартира заперта. Когда его все-таки кое-как вытащили через окно, стоящий рядом сосед услужливо сообщил, что ключ был у него.

...Когда наконец трон водрузили на прежнее место, выяснилось, что до вечера отключили электричество. Скрипнув зубами, начали спешно переделывать сцену, чтобы можно было снять ее в лесу. Когда пришли в лес, оказалось, что не работает камера. Но здесь-то уж мы обманули судьбу, мы принесли запасную!

И вот фильм готов. Студия «ФИГА» закончила свою первую настоящую работу. Отряд «Мушкетер» готовится к новым делам.

Ирина ЧЕСНОКОВА,
капитан-проводник отряда

Атос:
— Моя шпага к вашим услугам!

Януш КОРЧАК

Король Матиуш Первый

Перевела с польского
Муза Павлова.

Окончание

Рисунки Ю. ВЛАДИМИРОВА
и Ф. ТЕРЛЕЦКОГО.

— Матиуш, что же ты наделал? — сказал грустный король.— Матиуш, опомнись, тебе грозит большая опасность. Ты можешь погибнуть. Я бы приехал еще неделю тому назад, но с того времени, как дети стали водить поезда, ваши железные дороги никуда не годятся. От самой границы я должен был ехать на крестьянских телегах. Может быть, это и лучше, потому что я проезжал через разные деревни и городишки и знаю, что говорит о тебе народ. Матиуш, все очень плохо, поверь мне.

— А что же такое случилось? — спросил Матиуш, взволнованный.

— Случилось много плохого, только тебя обманывают, скрывают, ты ничего не знаешь.

— Я все знаю,— обиделся Матиуш,— ведь я ежедневно читаю газету. Дети постепенно привыкают, комиссия работает. Ни одна реформа не может быть проведена в жизнь без потрясений.

— Слушай, Матиуш, ты читаешь только одну газету, только свою газету. Там все врут. Почитай другие газеты.

И грустный король положил на письменный стол пачку привезенных газет. Перед ним замелькали заголовки...

Король Матиуш сошел с ума.
Король женится на африканской обезьяне.
Царствование черных дьяволов.
Министр — вор. Побег шпиона из тюрьмы.
Продавец газет Фелек — барон.
Взрыв двух крепостей.
У нас нет ни пушек, ни пороха.
Накануне войны.
Министры вывозят ценности.
Долой короля-тирана!

— Но это вранье,— крикнул Матиуш,— одно вранье! Что за царствование черных дьяволов? Негритянские дети приехали к нам учиться! Они приносят пользу! Когда волки убежали из клетки, они, рискуя жизнью, загнали их назад. А у Клю-Клю вся рука искусана. Когда некому было прочищать печные трубы, потому что белые дети не хотели, и начались пожары, черные дети стали трубочистами. У нас есть пушки, и у нас есть порох. Я знаю, что Фелек был продавцом газет, но вором он не был. А я не тиран.

— Матиуш, не сердись, это не поможет. Хочешь, пойдем в город, и ты сам убедишься.

Матиуш переоделся простым мальчиком, грустный король был тоже в обыкновенном костюме. И они вышли.

Они прошли мимо тех же самых казарм, где проходили с Фелеком, когда ночью Матиуш убежал из дворца на войну. О, какой он был тогда счастливый!

И солдат заплакал.

У казармы сидел старый солдат и курил трубку.

— Что тут у вас в армии делается?

— А ничего, дети хозяйничают. Истратили на салюты все снаряды, испортили пушки. Нет уже больше войска.

И он заплакал.

Они подошли к фабрике. Тут сидел рабочий, держал на коленях книжку, учил стихи к завтрашнему дню.

— Как тут у вас на фабрике?

— А войдите, сами увидите. Теперь каждому можно входить.

Вошли. В конторе разбросаны бумаги. Лопнул главный котел. Машины стоят. В цеху вертится несколько мальчиков.

— Что вы тут делаете?

— Да вот прислали нас сюда пятьсот человек работать. Все сказали: «Дураков нет»,— и ушли. А мы, человек тридцать, остались. Ничего тут не знаем, все испорчено. Подметаем, прибираем немножко. Родители в школе, дома сидеть скучно. И неприятно получать деньги, когда ничего не делаешь.

Вошли в один магазин. Продавщица была очень милая девочка.

— Милая барышня, почему столько закрытых магазинов?

— Потому что все разворовали. Полиции нет, войска нет. Хулиганы ходят по улицам и грабят. У кого что было, отнесли домой и спрятали.

Зашли на вокзал. На путях лежал разбитый поезд.

— Что случилось?

— Стрелочник пошел играть в мяч, а начальник станции пошел ловить рыбу. Машинист не знал, где тормоз, и вот сто человек убитых.

Матиуш закусил губы, чтобы не расплакаться.

Неподалеку от вокзала была больница. И тут дети как будто бы смотрели за больными, а доктора, когда у них было мало уроков, прибегали на полчасика. Но это не очень помогало. Больные стонали, многие умирали без помощи, а дети плакали, потому что боялись больных и не знали, что делать.

— Ну что ж, Матиуш, пожалуй, вернемся во дворец?

— Нет, я должен идти в мою газету, поговорить с журналистом,— ответил Матиуш спокойно, хоть видно было, что в нем все кипит.

— Я не могу пойти туда с тобой,— сказал грустный король.— Меня узнают.

— Я скоро вернусь,— пообещал Матиуш и поспешил в редакцию.

Матиуш уже не шел — он бежал, все сильнее сжимая кулаки и чувствуя, как в нем закипает кровь Генриха Стремительного.

— Подожди, злодей, лгун, обманщик. Ответишь ты мне за все!

И он влетел в комнату журналиста. За письменным столом сидел сам журналист, а Фелек, развалясь на диване, курил сигару.

— А, и ты здесь?! — крикнул Матиуш.— Тем лучше, поговорю с вами обоими. Что же вы натворили?

— Ваше королевское величество, извольте присесть,—начал своим тихим, сладким голосом журналист.

Матиуш вздрогнул. Теперь он был уверен, что журналист шпион.

— Получай, предатель! — крикнул Матиуш и навел револьвер, с которым не расставался со времен войны, но журналист молниеносным движением схватил Матиуша за руку, и пуля вошла в потолок.

— Детям не дают револьверы, — сказал журналист.

— Детям не дают револьверы,— сказал, улыбаясь, журналист и с такой силой сжал руку Матиуша, что у того чуть мясо не отошло от кости.

Журналист взял револьвер, спрятал его в письменный стол и запер на ключ.

— Теперь мы можем спокойно поговорить. Итак, чем я не угодил вашему королевскому величеству? За что ваше величество называет меня шпионом и хочет меня застрелить?

— За этот глупый закон о школах!

— Чем же я виноват? Дети так решили большинством голосов.

— Почему вы не написали в газете, что наши крепости взорваны?

— Об этом должен был донести военный министр. Народ не должен знать о таких вещах. Это военная тайна.

— А почему вы так выпытывали про пожар в лесах иностранного короля?

— Журналист должен спрашивать обо всем, он собирает сведения для газеты. Мою газету ваше величество читали ежедневно. Разве мы плохо в ней писали?

— О, очень хорошо, даже слишком хорошо,— горько усмехнулся Матиуш.

Журналист взглянул Матиушу прямо в глаза и спросил:

— Неужели ваше величество и теперь назовет меня шпионом?

— Я тебя назову! — крикнул вдруг Фелек, вскакивая с дивана.

Журналист побледнел, с бешенством посмотрел на Фелека, и оба мальчика еще не успели опомниться, а он уже стоял в дверях.

— Мы еще увидимся, сопляки! — крикнул он и быстро убежал.

Перед подъездом, неизвестно откуда, появился автомобиль. Журналист подбежал к нему и что-то сказал шоферу.

— Держи, хватай! — кричал Фелек, распахнув окно.

Но было слишком поздно: автомобиль скрылся за углом. Да и кто мог его задержать?

Матиуш был поражен, а Фелек, рыдая, бросился ему в ноги.

— Король, убей меня! Это моя вина! — ревел Фелек.— О, я несчастный! Что я наделал!

— Подожди, Фелек, позднее поговорим обо всем спокойно. Что случилось, того не вернешь. Нужно думать не о том, что было, а о том, что будет.

Фелек хотел немедленно рассказать обо всем, но Матиуш не стал терять ни минуты.

— Слушай, Фелек, телефоны испорчены. У меня только один ты. Ты знаешь, где живут министры?

— Я бы да не знал! Живут на разных улицах. Но это ничего. Ноги у меня хорошие: два года продавал газеты. Вызвать их?

— И немедленно!

Матиуш взглянул на часы.

— Сколько тебе нужно на дорогу?

— Полчаса.

— Хорошо. Итак, через два часа они должны быть у меня. Да предупреди,— если кто-нибудь скажет, что он болен, то пусть помнит: я потомок Генриха Стремительного.

— Придут! Уж я им скажу! — крикнул Фелек.

Он снял ботинки, сбросил свой элегантный пиджак с орденом. На столе стоял пузырек с тушью: Фелек измазал брюки, руки и лицо и босиком пустился созывать министров. А Матиуш поспешил во дворец, он хотел еще поговорить с грустным королем.

— Где этот господин, который утром со мной разговаривал? — спросил запыхавшийся Матиуш, как только Клю-Клю открыла ему дверь.

— Этот господин ушел и оставил на столе письмо.

С тяжелым сердцем вбежал Матиуш в кабинет, схватил письмо и прочел:

«Дорогой, любимый Матиуш! Случилось то, чего я больше всего боялся. Я должен тебя оставить. Дорогой Матиуш, если бы я тебя не знал, я бы предложил тебе уехать вместе со мной в мою страну, но я знаю, что ты не согласишься. Я еду

Бумага вспыхнула, свернулась и почернела.

по северному шоссе, если ты захочешь, ты можешь догнать меня на лошади за два часа. Я подожду тебя в корчме. Если же мы не увидимся, то помни, что я твой друг. Что бы я ни сделал, знай: это для твоей пользы. Умоляю тебя об одном: все должно быть тайной. Письмо немедленно сожги».

Прочитав письмо, Матиуш зажег свечу и поднес листок к огню. Бумага вспыхнула, свернулась и почернела. Огонь обжигал Матиушу пальцы, но он не обращал на это внимания.

«Душа моя болит больше, чем пальцы»,— подумал он.

Против письменного стола висели портреты его матери и отца.

Матиуш глубоко вздохнул. Плакать было нельзя, он должен надеть сейчас корону, и глаза его не должны быть красными. В комнату тихо проскользнула Клю-Клю, и хотя в первый момент ее присутствие раздражило Матиуша, через минуту он мягко спросил:

— Что ты хочешь, Клю-Клю?

— Белый король скрывает от Клю-Клю свои заботы. Белый король не хочет доверить свои тайны черной дикой Клю-Клю? Но Клю-Клю все знает, и Клю-Клю не оставит белого короля в беде.— Она произнесла это торжественно, держа обе руки поднятыми над головой.

— И что же ты знаешь, Клю-Клю? — спросил растроганный Матиуш.

— Белые короли позавидовали золоту Матиуша, они хотят победить его и убить. Грустный король жалеет Матиуша, но он слаб, он боится сильных белых королей.

— Молчи, Клю-Клю!

— Клю-Клю будет молчалива, как могила, но Клю-Клю узнала грустного короля. Выдать Матиуша может скорее это сожженное письмо, а не Клю-Клю.

— Молчи, Клю-Клю, ни слова больше! — воскликнул Матиуш, сбрасывая пепел письма на пол и топча его ногами.

Нужно было кончить разговор, потому что лакеи как раз вернулись из школы и, толкая друг друга, вбежали в кабинет.

Матиуш покраснел от гнева.

— Что за крик! С каких это пор королевские лакеи осмеливаются с таким шумом врываться в королевский кабинет? Мало у вас было времени шалить в школе?

Церемониймейстер так смутился, что даже уши у него стали красными.

— Ваше королевское величество, умоляю, простите их. Эти бедные парни в детстве были лишены детских игр. Они всегда должны были вести себя тихо, и сейчас совсем как сумасшедшие...

— Ну, хорошо, хорошо. Приготовьте тронный зал. Через полчаса заседание.

— Ох, мне столько уроков задали на завтра,— простонал один лакей.

— Я должен нарисовать карту.

— У меня шесть задач и целая страница...

— Не пойдете завтра в школу! — сердито прервал их Матиуш.

Они поклонились и тихо вышли. Только в дверях чуть не подрались, потому что один толкнул другого, и тот ударился подбородком о ручку двери.

Вбежал Фелек, грязный, вспотевший, в рваных штанах.

— Все сделал, они будут.— И начал рассказывать...

Да, в газетах писали правду. Он, Фелек, крал деньги и брал взятки. Когда он заменял Матиуша на аудиенции, он выдавал только часть приготовленных подарков, а все, что ему нравилось, брал себе. Но шпионом он не был. И все ему советовал журналист: велел назваться бароном, велел потребовать орден. А потом вдруг потребовал подделать бумагу, будто Матиуш выгоняет всех министров и отбирает у взрослых все права; Фелек не согласился. Тогда журналист надел шляпу и сказал: «А я пойду к королю и скажу, что ты крадешь подарки и берешь взятки». И Фелек испугался...

Матиуш заложил руки за спину и долго ходил по кабинету.

— Да, много плохого натворил ты, Фелек. Но я тебя прощаю.

— Что? Прощаете? Если ваше королевское величество меня простит, то я знаю, что сделаю.

— Что? — спросил Матиуш.

— Скажу все отцу: уж он мне устроит такую баню, что я долго буду помнить.

— Не делай этого, Фелек. Зачем? Можешь иначе искупить свою вину. Момент серьезный, люди нужны. Ты можешь мне пригодиться.

— Прибыл военный министр, — доложил маршал двора.

Матиуш надел корону — ох, какую тяжелую корону! — и вошел в тронный зал.

— Господин военный министр, что вы скажете? Только коротко, без вступлений. Потому что и я многое знаю.

— Докладываю вашему королевскому величеству, что у нас имеется три крепости (было пять), четыреста пушек (была тысяча) и двести тысяч ис-

— Солдаты обижены, — сказал военный министр.

правных ружей. Снарядов имеется на десять дней войны (было на три месяца).

— А сапоги, ранцы, сухари?

— Склады целы, только мармелад съеден.

— Ваши сведения точны?

— Совершенно.

— Вы полагаете, война будет скоро?

— Я политикой не занимаюсь.

— Поврежденные пушки и ружья можно быстро исправить?

— Часть значительно повреждена, остальное можно исправить, если печи и котлы на фабриках в порядке.

Матиуш вспомнил фабрику, которую он видел, и опустил голову.

— Господин министр, какой дух царит в войсках?

— Солдаты и офицеры обижены. Больше всего их мучает то, что они должны ходить в гражданские школы. Когда я получил отставку...

— Это была фальшивая отставка!

Министр нахмурил брови.

— ...когда я получил эту отставку, ко мне пришла какая-то делегация или что-то вроде этого с требованием военных школ. Ну и получила от меня эта делегация! Марш в гражданскую школу, коли приказ в гражданскую, марш в огонь, марш в самый ад, коли приказ!

— Ну, а если бы все пошло по-старому?

Военный министр вынул саблю.

— Ваше королевское величество, начиная с меня и кончая последним солдатом, все как один — с королем-героем во главе — за отечество, за солдатскую честь!

«Еще не все потеряно»,— подумал Матиуш.

Здесь, ребята, нам опять пришлось выпустить несколько глав, но вот вам их краткое содержание.

Министры собрались с опозданием, потому что все автомобили были испорчены. Когда наконец началось совещание, Матиуш честно и прямо сказал, что он слишком доверился журналисту, а тот оказался шпионом, но теперь не время толковать обо всем этом: надо думать о будущем. Будущее рисовалось не очень веселым, тем более, что дети сломали государственный телеграф, и было совершенно неизвестно то, как ведут себя соседние страны. И все же на совещании было решено: отправить детей в школы, а взрослых — на работы и в армию. Король просит свой народ поддерживать порядок. Оба сейма временно распускаются. Надо сказать, все это очень обрадовало народ в королевстве Матиуша, жаль только, что меры, принятые теперь, уже сильно запоздали. Кое-как починенный телеграф сообщил: война! И тот самый — помните? — сын старого короля, ненавидящий Матиуша, два дня назад перешел с войском границу и движется к столице, а что делают два других короля, по-прежнему неизвестно. Мнения на совещании разделились, затем было решено предложить неприятелю мир и половину всего запаса золота.

— Дураков нет! — грубо ответил на это сын старого короля и пошел вперед. Матиуш двинулся ему навстречу. Произошло сражение, в котором войска Матиуша потеснили противника и, возможно, разбили бы его, но слишком мало было у них пороху.

Сын старого короля не ожидал битвы (он думал, дети в стране Матиуша перепортили все на свете), струсил и накинулся с угрозами на журналиста, а тот, тоже страшно испуганный, кинулся ко второму королю уговаривать и его вступить в войну. Второй король и грустный король, наверно, не напали бы на Матиуша, но предатель-журналист выдумал новую подлость. У него было письмо с поддельной подписью Матиуша, а говорилось в этом письме, будто дети всех стран должны уничтожить своих королей и выбрать Матиуша, который хочет стать королем всего мира. Это письмо журналист показал грустному королю и второму королю, другу желтых людей. Оба, конечно, опечалились, поняв, что нет теперь им иного пути, кроме пути войны.

Да, три врага — это не один враг, и три войска, соединившись, ударили на Матиуша. Сражение продолжалось весь день, пороху у Матиуша уже почти не оставалось. Снова решено было послать предложение о мире, но сначала по совету Клю-Клю попробовали устроить одну военную хитрость — выпустить на врага диких зверей. Фелек переоделся в чужую форму и пошел распускать среди врагов слухи о том, что Бум-Друм прислал Матиушу целый корабль ядовитых змей и львов.

Прошла ночь, и настал рассвет. Три армии бросились вперед, захватили окопы, нарочно оставленные армией Матиуша, а там нашли много водки, выпили ее, и, пьяные, снова кинулись было к городу, но тут загремели барабаны и из городских ворот выбежали львы и тигры! Солдаты трех королей страшно перепугались и бросились в бегство, а Матиуш — за ними. Пожалуй, он мог бы и победить в такой суматохе, но... Он оглянулся на свой город и онемел: над городом развевались белые флаги. Измена!

Да, это струсили именитые граждане столицы и сдали город. Матиуш, Фелек, Клю-Клю и еще несколько человек решили не сдаваться и очень стойко оборонялись до тех пор, пока какой-то химик не предложил трем королям-победителям пустить ночью в укрепление Матиуша усыпляющий газ... Так они и поступили, и вероломство, к сожалению, на этот раз взяло верх. Матиуш и его друзья наглотались снотворного газа, попадали и крепко уснули.

Что было потом, читайте уже по порядку.

Пробуждение было горьким.

Матиуш знал неволю. Но тогда было тайной, что он король. Сейчас все иначе: у Матиуша на руках и на ногах кандалы. В окнах камеры толстые решетки. В железной двери маленькое круглое окошко, в него то и дело заглядывает солдат.

«Что делать?»

Матиуш не принадлежал к людям, которые в

несчастье думают только о том, что случилось. Нет, он думал о том, что ему теперь делать.

Лежа на полу на соломенном тюфяке, возле стены, он тихо постучал в стену. Постучал раз, второй, но никто не отзывался.

«Где Клю-Клю? Что стало с Фелеком? Что происходит в городе?» — думал он.

В железной двери скрипнул ключ, и вошли два неприятельских солдата. Один остался у дверей, другой поставил перед Матиушем кружку с молоком и булку. В первый момент Матиуш хотел опрокинуть кружку, но он решил, что это не имеет смысла. Ничего не поделаешь: он проиграл войну, стал пленником, но есть хочется, и силы нужны.

— Скупые ваши короли!

С трудом двигая железной цепью, потянулся он за кружкой. А солдат стоял и смотрел.

Матиуш съел булку и сказал:

— Скупые ваши короли. Когда они были у меня в гостях, я их лучше кормил. И когда старый король был у меня в плену, я тоже его хорошо угощал. Три короля меня кормят — и только одна маленькая кружка молока и одна булка.

Матиуш подкрепился и заснул. Он спал очень долго. И спал бы еще дольше, но ровно в полночь его разбудили.

— Бывший король Матиуш-Реформатор в двенадцать часов ночи будет судим военным трибуналом,— прочитал военный обвинитель, держа в руках бумагу с печатями трех королей.— Прошу встать!

— Прошу вас передать судьям, чтобы приказали снять с меня кандалы, они тяжелы и ранят мне ноги.

Кандалы не ранили Матиуша и были даже слишком свободны. Но он хотел предстать перед судом изящным и стройным и поставил на своем: тяжелые железные кандалы заменили ему на тонкие золотые цепочки.

С гордо поднятой головой вошел Матиуш в тот самый тюремный зал, где так недавно заключал договор со своими арестованными министрами.

У стола сидели генералы всех трех королей. Короли сидели по левую сторону зала. На правой стороне сидели какие-то штатские господа во фраках и в белых перчатках. Кто это такие? Они почему-то все время отворачивались, так что он не мог их разглядеть.

Обвинительный акт был таков:

1. Король Матиуш выпустил обращение к детям, чтобы они взбунтовались и не слушались взрослых.

2. Король Матиуш хотел вызвать всемирную революцию, чтобы стать королем всего мира.

— Что Матиуш может сказать по этому поводу?

— То, что я выпустил обращение,— это ложь, а хотел я стать королем всего мира или нет, этого никто не может знать, кроме меня.

— Хорошо. Господа, прошу вас прочитать ваше решение,— обратился председатель к людям во фраках и белых перчатках.

Те, рады не рады, встают, и один из них читает, но видно, как рука у него дрожит и сам он бел, как бумага.

— «Мы, жители столицы, собрались здесь по случаю того, что бомбы разрушают город. Желая спасти наших жен и детей, мы не хотим, чтобы Матиуш продолжал быть нашим королем. Столица отбирает у Матиуша трон и корону. Нам очень неприятно, но дольше мы выдержать не можем. Итак, мы вывешиваем белые флаги в знак того, что не хотим вести войну, и заявляем, что отныне войну ведет не король, а просто Матиуш. Он и должен отвечать за все. А мы вину с себя снимаем».

Председатель подал Матиушу перо.

— Прошу подписать.

Матиуш взял перо, подумал минуту и в самом низу бумаги написал:

«С решением банды изменников и трусов, которые предали страну, не согласен. Я был и остаюсь королем Матиушем Первым».

— Господа генералы-судьи,— обратился Матиуш к своим врагам.— Если вы хотите меня судить, требую, чтобы вы называли меня королем Матиушем, потому что я им буду при жизни и после смерти. Если же это не суд, а злодеяние, совершаемое над побежденным, то позор вам как людям и как солдатам. Можете говорить что угодно, я отвечать не буду.

Генералы удалились на совещание. Матиуш насвистывал под нос солдатскую песенку.

Вернулись.

За столом сидели генералы-судьи.

— Признаете ли вы, Матиуш, что выпустили обращение к детям всего мира? — спрашивает генерал-председатель.

Никакого ответа.

— Ваше королевское величество, признаете ли вы, что выпустили обращение к детям всего мира? — спрашивает генерал.

— Не признаю.

— Ввести свидетеля,— приказал судья.

В зал вошел шпион-журналист.

— Да,— сказал он,— я могу засвидетельствовать: Матиуш хотел стать королем детей всего мира.

— Это правда? — спросил судья.

— Правда,— ответил Матиуш.— Я хотел этого. И я бы, наверно, добился этого. Но подпись на обращении подделана. Шпион подделал ее.

Судьи начали рассматривать подпись Матиуша, качая головами и делая вид, что не различают подделки.

Потом долго говорил обвинитель:

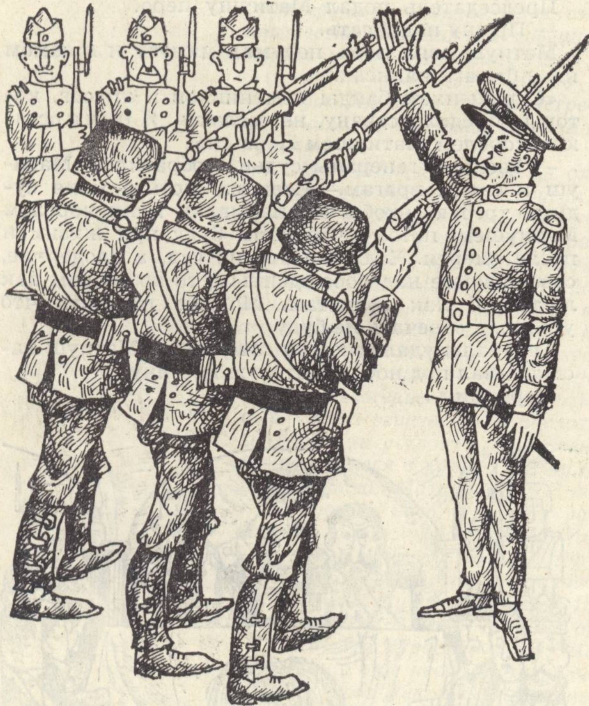
— Нужно обязательно казнить Матиуша, иначе не будет ни порядка, ни покоя.

— Не желаете ли вы, Матиуш, чтобы кто-нибудь выступил в вашу защиту?

Никакого ответа.

— Ваше королевское величество, не желаете ли вы, чтобы кто-нибудь взял слово в вашу защиту? — повторил председатель.

— Это совершенно излишне,— ответил Матиуш.— Уже поздно, жалко времени: лучше идти спать.

Взвод солдат заряжал ружья и целился.

Матиуш сказал это бодрым голосом. Никто не смог бы узнать по его виду, что творится в его душе. Он решил быть гордым до конца.

Судьи вышли в соседнюю комнату, будто бы для совещания, и вернулись с приговором:

— Расстрелять.

— Пожалуйста, подпишите,— сказал председатель.

Никакого ответа.

— Ваше королевское величество, подпишите, пожалуйста.

Матиуш подписал.

И тут один из господ во фраках и перчатках бросился вдруг на колени, обнял ноги Матиуша и в слезах воскликнул:

— Любимый король, прости мою подлую измену! Только сейчас я вижу, что мы сделали! И знаю, что, если бы не наша жалкая трусость, не они, а ты судил бы их, как победитель.

Солдаты с трудом оторвали его от короля. Но, увы, раскаяние запоздало.

— Спокойной ночи, господа судьи,— сказал Матиуш и с достоинством вышел.

Двадцать солдат с саблями наголо отвели его в камеру.

Бледный и спокойный стоял он.

Он тотчас лег на свой тюфяк на полу и притворился, что спит.

Вошел священник, но ему жаль было будить спящего. Он помолился и вышел.

Матиуш притворялся, что спит, но о чем он думал и что чувствовал этой ночью, осталось его тайной.

Ведут Матиуша.

Идет он посередине улицы в своих золотых кандалах. Улицы оцеплены войсками. А за кордоном войска — жители столицы.

День был хороший. Солнце сияло. Все вышли на улицу, чтобы в последний раз посмотреть на своего короля. У многих в глазах были слезы.

Те, кто любил его, молчали, потому что боялись громко выразить свою любовь и уважение. Да и что могли они кричать? Они привыкли кричать «Да здравствует!». Что же кричать теперь, когда король идет, осужденный на смерть?

Зато кричали — и очень громко! — разные пьяницы и бродяги, которым победители нарочно велели выдать водки и вина из погребов Матиуша.

—О-о-о, король идет, королек! Ах, какой маленький! Плачешь, королек Матиуш? Подойди, мы вытрем тебе носик.

Матиуш высоко поднял голову, чтобы все видели, что глаза его сухи, и только нахмурил брови. Он смотрел на небо, на солнце. Он не слышал и не видел, что происходит рядом. Он думал: «Что стало с Клю-Клю? Почему грустный король ему изменил? Что будет со страной?»

Так прошел он через весь город, так встал у столба на площади перед выкопанной ямой. Бледный и спокойный стоял он, когда взвод солдат заряжал ружья и целился.

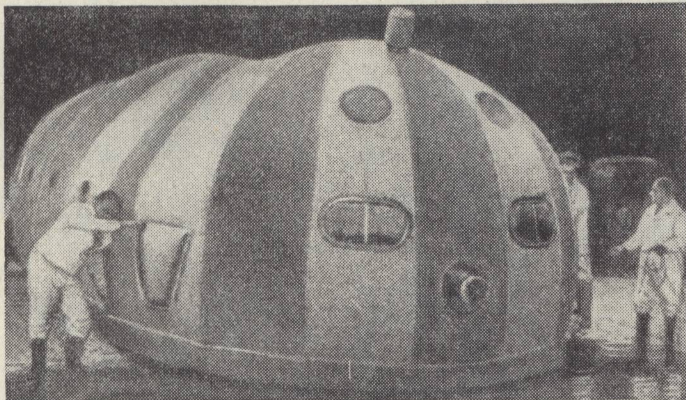
И так же спокойно в последнюю минуту выслушал решение о помиловании:

— Расстрел заменяется ссылкой на необитаемый остров.

Подъехал автомобиль и увез Матиуша обратно в тюрьму. Через неделю его увезут на необитаемый остров.

Конец

ОТОВСЮДУ и ОБО ВСЕМ

Резиновый кит

Этого резинового «кита» придумали для того, чтобы облегчить военным машинам переправу через реки и другие водные препятствия. Машина вместе с водителем въезжает в «кита», затем его надувают — и вот он уже плывет по реке со своим довольно тяжелым грузом.

Надувные «киты» широко используются в английской армии.

Л. ГОЛЕМБА

Кто как боится

На Кубе нет ядовитых пресмыкающихся, в том числе и змей. Но некоторые самые безобидные змейки в минуту опасности подражают своим далеким и страшным родственникам. Одна мирная кубинская змейка, подобно кобре, поднимает переднюю часть тела высоко над землей и угрожающе раскрывает нечто вроде «капюшона». Другая змея, «крючконосая», видя, что ей не помогает шипение и раздувание щек, неожиданно переворачивается вверх брюхом и лежит неподвижно, притворяясь мертвой.

И. ВАЛЬЦЕВА

Сигнал в лесу

...В тайге заболел человек. Лекарство доставлено, но приземлиться самолету негде. Лекарство сбрасывают, но как найти его теперь в глухих таежных зарослях?

Найти помогает радиоприемник со звуковым «извещателем». Прибор издает прерывистые сигналы, которые хорошо слышны на расстоянии до двухсот метров.

Такой прибор поможет и на Крайнем Севере, где вьюга мгновенно заметает склады и научные установки, поможет он и геологам, и взрывникам, и многим из тех, кто работает вдали от людей.

В. СОЛДАТЕНКОВ

Её имя Хека

Да, имя этой женщины, жившей в первом тысячелетии до нашей эры, Хека. Ее мумию нашли недавно при раскопках в районе знаменитой ступенчатой пирамиды Джосера в ОАР. Египетские археологи раскопали две древнейшие гробницы и множество деревянных саркофагов с мумиями.

Стальные острова

После войны в Японии очень быстро растет население. В 1950 году было 83 миллиона человек, в 1965 году — 99,5 миллиона. Средняя плотность населения сейчас — 252 человека на квадратный километр!

Японские ученые и архитекторы озабочены тем, чтобы разгрузить перенаселенные районы страны. Особое внимание привлекает проект создания в море городов на искусственных островах.

...На водной глади чуть покачивается гигантская стальная платформа. Она напоминает круглое блюдце с загнутыми — для защиты от штормовых волн — краями. На острове ряды зданий. Это учреждения, школы, кинотеатры, спортивные площадки. Магазины, жилые дома расположены под водой, в стальных многоэтажных корпусах, уходящих в глубь моря на 30 метров.

Первые опытные работы предполагается начать у острова Сикоку.

Ю. КОТЛЯР

В предгорьях Карпат, недалеко от границы, расположился пионерский лагерь. Пионерский лагерь у границы? Не удивляйтесь: в этом лагере живут юные друзья пограничников. Пионеры и пограничники — большие друзья. Ребята помогают старшим товарищам носить воду, убирать помещения, чистить картошку на кухне... Пограничники учат ребят своему мастерству, ходят с ними в дальние походы, организуют военные игры.

ВОТ ЭТО ЖИЗНЬ!

Фотоочерк В. СМИРНОВА.

● Утро начинается зарядкой.

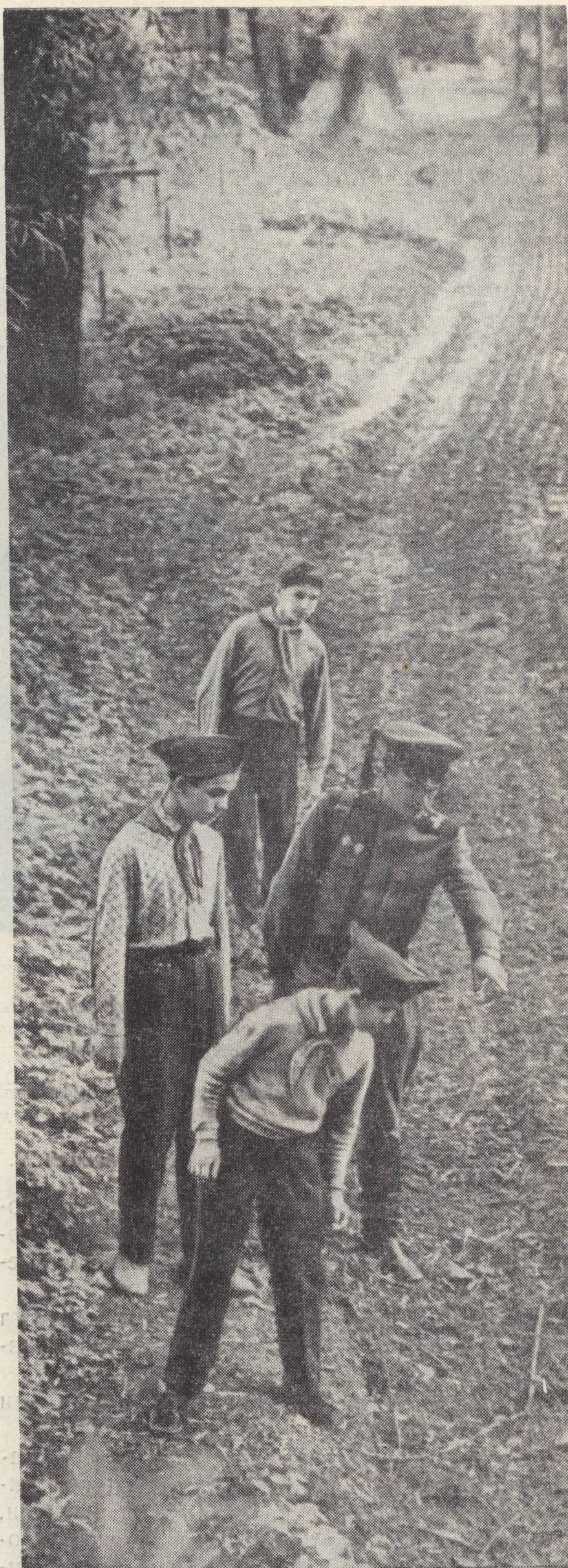
● Каждую смену пограничники проводят с ребятами военную игру. Один из солдат надевает защитный ватник и изображает нарушителя. Пионеры должны напасть на след «нарушителя границы» и задержать его.

Посмотрите на снимок. С одной из застав прибыл инструктор, младший сержант Тимофей Гоменюк. Собака взяла след, началась погоня.

Отряды юных друзей пограничников перекрыли все ближайшие дороги. Нарушителю скрыться не удастся.

Пионервожатые в лагере — пограничники. Вы видите на снимке, как пионервожатый рядовой Валентин Рыжало рассказывает ребятам о боевом оружии.

Два отслуживших уже боевых автомата отданы пионерам для учебы.

Вдоль границы тянется узкая вспаханная полоска земли — это контрольно-следовая полоса. На вспаханной земле хорошо отпечатываются следы — человек ли прошел, зверь ли пробежал... Ефрейтор Лик Хельмут учит юных друзей пограничников различать следы.

В ИЗГНАНИИ...

Лермонтов. П. КОНЧАЛОВСКИЙ

Перед тобой Лермонтов. Поэт следует в изгнание на Кавказ, на войну, под пули. Ямская станция Казбек, полупустая комната, продавленный диван и человек, прилегший отдохнуть, пока меняют лошадей. Он оперся на саблю, задумался, сочиняет, наверно...

Таким изобразил Лермонтова Петр Кончаловский. Художник работал над портретом в 1942—1943 годах, в холодной и голодной Москве, в самый разгар самой страшной войны.

Прочтите воспоминания П. П. Кончаловского о том, как писалась эта картина.

Перечитывая в бомбоубежище Лермонтова, я напал на мысль написать нашего поэта-патриота. Образ Лермонтова меня преследовал давно.

Бывая на Кавказе, я часто представлял себе Лермонтова, и именно на станции Казбек.

Так я и решил написать его. Уже были сделаны эскизы.

Выйдя однажды на улицу, в одном из переулков зимней Москвы, заваленной снежными сугробами, с казачьими разъездами, с окнами, забитыми фанерой, совсем особенной, военной Москвы, я услыхал звонкий, веселый девичий голос: «Где здесь сдают кровь?» Обернувшись, я увидел воочию ту сцену, которую и изобразил в картине того же названия. Я был совершенно поражен и восхищен этими девушками, пожелавшими отдать свою кровь бойцам, их бодростью в тот трагический момент, который переживала Москва. Тема Лермонтова была отодвинута, вся зима 1942 года оказалась посвященной этой картине, этюдам к ней и зимним пейзажам.

В июле 1942 года я вернулся к Лермонтову. Снова стал перечитывать его биографию, воспоминания о нем, ища наиболее яркий момент в его жизни для картины. После смерти Пушкина еще малоизвестный

Лермонтов, потрясенный и разгневанный трагической кончиной «солнца земли Русской» (слова Достоевского), пишет гениальные стихи «На смерть поэта». Стихи на устах у всей России. Лермонтов, уже признанный поэт, едет в изгнание на Кавказ, в действующий 44-й Нижегородский драгунский полк. Первая ссылка Лермонтова на Кавказ — тема моей картины.

Образ Лермонтова я искал в портретах, написанных с натуры, в воспоминаниях современников и, наконец, в его поэзии. Лермонтов, гордый и счастливый признанием, тоскующий по родине, почти юноша,— таков должен он быть на моей картине. В изгнании Лермонтов написал замечательное стихотворение «Казбеку», выражающее его тревогу, его тоску.

Для меня эти строки как бы вскрыли выражение его лица. Вот последние строфы их:

Но есть еще одно желанье!
Боюсь сказать! — Душа дрожит!
Что если я со дня изгнанья
Совсем на родине забыт!
Найду ль там прежние объятья?
Старинный встречу ли привет?
Узнают ли друзья и братья
Страдальца, после многих лет?
Или среди могил холодных
Я наступлю на прах родной
Тех добрых, пылких, благородных,
Деливших молодость со мной?
О если так! Своей метелью,
Казбек, засыпь меня скорей
И прах бездомный по ущелью
Без сожаления развей.

Чтобы воплотить свой замысел, мне нужна была натура. Я разыскал этюды Казбека, писанные в 1928 году. Достал старинную бурку, лохматую, подобную той, в которой изобразил себя сам поэт на акварельном автопортрете 1837 года. Свой старый сюртук бутылочного цвета приспособил для форменного мундира 44-го Нижегородского драгунского полка, снабдив его красным воротником, эполетами и газырями. Нашел подходящую натуру и приступил к работе. Когда в мастерской стало холодно, я перетащил картину на квартиру, маленькую комнату с отходом на два метра, не больше.

Несмотря на все неудобства и холод, я работал, согретый огромным подъемом.

Во время писания этой картины произошел любопытный случай.

Как-то около двух часов ночи — проверка документов комендантским патрулем. Входят два красноармейца.

«Кто живет в этой комнате?» — спрашивают, заходя в комнату сына. Проверили. «Кто в этой?» — заходят в мою комнату, все благополучно. Наконец, заходят в неосвещенную столовую, обращенную в мастерскую, где лежит на диване «Лермонтов».

«А это у вас кто тут?»— спрашивает красноармеец, наведя сноп света ручного фонарика на картину.

Сын мой весело: «Этот у нас живет без прописки».

Красноармейцы заинтересованы картиной. «Кто же это у вас так работает?» «Отец»,— отвечает сын.

«Крепко работаете! — пожимая мне руку, говорит красноармеец.— Простите за беспокойство, желаю быть здоровым». Комендантский патруль уходит.

«Лермонтова» я закончил в апреле 1943 года.

Заглянем-ка сюда!

Иной раз едешь зимой в поезде, стоишь у окна. Уже стемнело, за окном тянется без конца то черная стена леса, то пустынные снежные поля. И вот где-то вдали промелькнет деревушка. Чуть светятся заиндевевшие окна избушек, мерцают огоньки в здании не то клуба, не то школы.

А интересно было бы заглянуть, какая жизнь течет там, в стороне от железной дороги? Что делают, о чем думают, о чем мечтают ребята, которые живут в этих избушках, учатся в этой школе, смотрят сейчас кино в этом клубе?

Что греха таить! Городские школьники еще плохо знают, как живут их сельские товарищи. Разве что летом, в пионерском лагере, отправятся всей дружиной помочь колхозникам прополоть свеклу или подготовят для сельского клуба выступление пионерской самодеятельности. Да много ли увидишь и узнаешь за несколько часов?

А ведь там, за речкой или по ту сторону колосящегося поля, изо дня в день течет своя, наполненная событиями, радостями и горестями жизнь, похожая и непохожая на городскую.

И вот об этой-то жизни сельских ребят интересно и увлекательно рассказывает в своей книжке **«Антон и Зяблик»** писатель **С. Полетаев.**

Автор сам родился и провел детство в деревне. Все, о чем он пишет, он видел своими глазами, пережил и перечувствовал сам. И, читая эти небольшие рассказы, словно переносишься в колхозное село, слушаешь откровенные разговоры малышей и школьников, парней и девчат, сам становишься свидетелем событий, которые развертываются в их семьях, в сельской школе, на гулянке, на току.

Впрочем, так же интересно будет читать эту книжку и сельским ребятам. В каждом рассказе писатель касается тем, которые одинаково волнуют школьников, где бы они ни жили — в городе, в рабочем поселке, в колхозе.

Что считать главным в жизни человека? Как относиться к некоторым поступкам друзей? Можно ли быть добрым, но причинять боль близким? Можно ли лгать человеку, которого любишь?

И, читая о том, как решают эти серьезные вопросы герои рассказов С. Полетаева, невольно все время примеряешься: как бы поступил в этом случае ты сам?

А такие книжки, которые заставляют нас задумываться, на мой взгляд, самые интересные и нужные.

А. ДОРОХОВ

Путешествие в страну «Музыка»

...В кабинете директора Петербургской консерватории идут приемные экзамены. За столом комиссии Римский-Корсаков, Глазунов, Лядов и другие профессора. Один за другим экзаменуются поступающие. Но вот открывается дверь, и, сгибаясь под тяжестью двух больших папок, в комнату входит тринадцатилетний мальчик.

— Это ваши сочинения?

— Да,— ответил мальчик.

— Это мне нравится! — воскликнул Римский-Корсаков.

Мальчика звали Сережа Прокофьев. Он приехал поступать в Петербургскую консерваторию из украинского села Сонцовки, где его отец работал агрономом.

Так начался творческий путь известного сейчас всему миру композитора Сергея Сергеевича Прокофьева.

Этот рассказ я прочитала в книге *«Поговорим о музыке». Л. Михеева, М. Арановский и Ф. Фрумкин* написали ее специально для тебя, чтобы ты подружился с музыкой.

У книги есть подзаголовок «Занимательный словарь школьника». И построена она как словарь. Например, ты слушаешь беседу о музыке, читаешь какую-то книгу, пришел с концерта. Тебе встретилось незнакомое музыкальное слово. Ну, к примеру, дуэт, баркарола, сопрано. Или захотелось подробнее прочитать о жизни полюбившегося тебе композитора, или узнать, как возникли музыкальные инструменты: арфа, скрипка, труба. Ты открываешь книжку-словарь на нужной букве и находишь небольшой рассказ-объяснение. Читая книгу «Поговорим о музыке», ты совершишь увлекательное путешествие в страну «Музыка», где есть свои тайны, свои герои, своя история.

Ты постоянно сталкиваешься с музыкой. И в школе, и дома, и в пионерском лагере. Любишь петь и танцевать.

Популярную, легкую музыку обычно легко запоминаешь, она тебе нравится. А вот серьезная, симфоническая музыка может показаться иной раз скучной. Но многие песенки через несколько дней забываются, а музыка Чайковского, Бетховена, Римского-Корсакова и других композиторов живет годами.

Слушать симфоническую музыку тоже нужно учиться, так же, как, скажем, ты учился читать.

Книга «Поговорим о музыке» поможет тебе сделать первые шаги к умению слушать серьезную музыку, понимать ее.

Н. ЕЛИСТРАТОВА

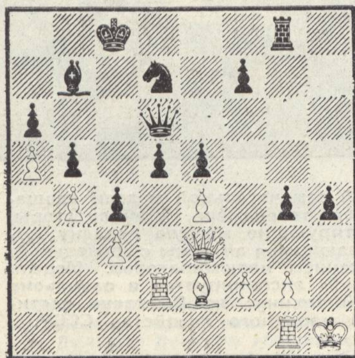
КТО ИЗ ВАС, РЕБЯТА, ХОЧЕТ ПОЛУЧИТЬ СПОРТИВНЫЙ РАЗРЯД?
ПЕШКИН ОБЪЯВЛЯЕТ ЗАОЧНЫЕ СОРЕВНОВАНИЯ. ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСА СТАНУТ РАЗРЯДНИКАМИ.

ЗА ШАХМАТНУЮ КОРОНУ

Все вы, ребята, наверно, следили за матчем на первенство мира, за тем, как сражались советские гроссмейстеры Тигран Петросян и Борис Спасский. Это был поединок двух шахматных богатырей.

Трудной была марафонская дистанция матча. Двадцать четыре партии сыграли сильнейшие шахматисты мира. И, конечно, все ребята, если они хотят научиться хорошо играть, должны внимательно, не торопясь, разобрать эти партии.

Помните ли вы, например, эту позицию?

Ответьте, какая партия матча пришла к этому положению и кто вел борьбу белыми?

А вот как закончилось увлекательное сражение, в котором черные пешки смело штурмовали укрепленный замок белого короля.

30... f5! 31. ed f4 32. Фе4 Kf6 33. Фf5+ Крb8 34. f3 Сс8 35. Фb1 g3 36. Ле1 h3! (черные пешки неудержимо рвутся вперед) 37. Сf1 Лh8 38. gh С:h3 39. Крg1 (Если 39. С:h3, то 39... Фd7!) 39... С:f1 40. Кр:f1 е4! (Новая штурмующая колонна) 41. Фd1 Kg4! 42. fg f3! 43. Лg2 fg+. Белые сдались.

КАЖДЫЙ ИЗ ВАС МОЖЕТ

Многие ребята жалуются в своих письмах, что им никак не удается получить спортивный разряд: то плохо работает школьная шахматная секция, то не проводятся классификационные соревнования. А бывает, к сожалению, и так: и турнир проведен и результаты подсчитаны, а спортивные разряды не удосужились оформить...

Мы с Пешкиным поможем вам, ребята: проведем соревнование, по итогам которого каждый из вас может получить спортивный разряд!

Мы напечатаем десять задач, и все ребята, которые правильно решат не менее восьми задач, получат третий спортивный разряд. Решившим шесть задач будет присвоен четвертый разряд.

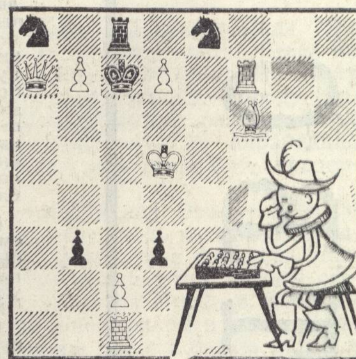
Справки пришлет вам редакция «Пионера».

Решения надо присылать не позднее чем через месяц после получения очередного номера журнала. В письмах обязательно указывайте свое имя, фамилию, точный адрес. Напишите также, в какой школе вы учитесь.

Мы уверены, что многим нашим читателям удастся завоевать спортивные разряды. А сейчас за дело, ребята.

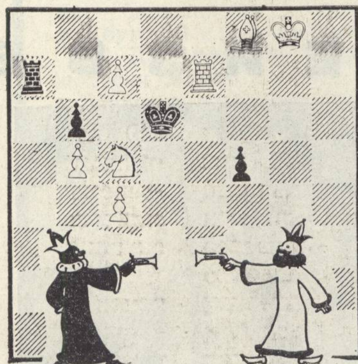
ПЕШКИН-СЧЕТОВОД

Что это так усердно считает Пешкин? Как вы думаете, ребята? В этой смешной позиции раздолье для любителей подсчетов. Пешкин подсчитал, что, начиная игру, белые могут заматовать черного короля двадцатью шестью разными способами. А сколько неотразимых ударов, по-вашему, можно нанести черному королю? Напишите, прав ли ваш друг Пешкин?

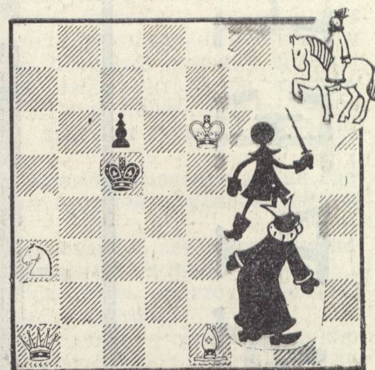
ЗАДАЧИ КОНКУРСА

1. Дуэль королей! Найдите, как, начиная игру, белые дают мат в два хода черному королю.

2. А в следующей позиции хоть и спрятался черный король за храбрую пешку, но не избежать ему беды.

Белые, начиная игру, дают мат в три хода.

АГЕНТСТВО ННН

● Партия в шахматы сыграна. Победила второклассница Ильмира Ибрагимова. Восьмиклассник пожимает ей руку. Он проиграл, но такому сильному сопернику проиграть ничуть не стыдно. Ильмира обыгрывает всех лучших шахматистов школы.

Когда сборная 111-й школы города Алма-Аты участвовала в районных соревнованиях, Ильмира не проиграла ни одной партии. Ее признали лучшим игроком турнира.

У второклассницы Ильмиры Ибрагимовой третий спортивный разряд. Взрослый разряд!

● Душанбе. Улица Маяковского. На большой площадке выстроились 720 ребят. Раздается команда:

— Перекличка пионеров объявляется открытой. Старший дома № 8, сдать рапорт!

В центр площадки выходит Олия Джабарова.

— В доме № 8 семнадцать пионеров. Они выпустили стенгазету, создали шашечный кружок, занимаются в спортивных секциях...

НОВОЕ

Чей дом лучше? Кто победил в междворовых соревнованиях? Кто занял первое место в смотре художественной самодеятельности? Об этом ребята узнают на перекличке. Перекличку проводят два раза в неделю: дому-победителю вручают переходящее знамя и тут же договариваются о новых соревнованиях, походах, спортивных играх. У ребят с улицы Маяковского есть свой стадион. Они построили его сами. Первые помощники ребят — домовые комитеты.

● «Прощайте, товарищи! Мы умираем, но не сдаемся!» — такая записка была спрятана в гильзе винтовочного патрона, найденного на месте боев у деревни Каменское.

Кто писал эту записку, неизвестно.

Красные следопыты Наро-Фоминска прошли партизанскими тропами Волоколамского района, разговаривали с жителями окрестных деревень, разослали сотни писем по всей стране. Имена безвестных героев были восстановлены.

● Богатые залежи известкового туфа открыли на территории своего района ребята Пустошкинской школы Псковской области. Сейчас туф используется колхозами как дешевый строительный материал.

Отряд юных геологов был награжден грамотой ЦК ВЛКСМ.

● Как только в газете «Правда» был напечатан рисунок советской автоматической станции «Луна-9», ребята-моделисты из Дворца пионеров на Ленинских горах сразу начали конструировать такую модель. И вот она готова. Вы видите ее на фотографии.

У этой замечательной модели вращающаяся телекамера, стабилизаторы, гарантирующие мягкую посадку, откидывающиеся антенны с зеркальным отражением иллюминаторов. Модель «Луны-9» экспонируется в павильоне «Юный техник» на Выставке достижений народного хозяйства СССР.

НЕИЗВЕСТНОЕ

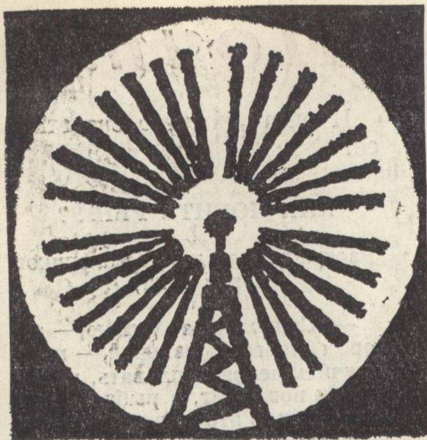

● Указом Президиума Верховного Совета СССР награждены посмертно медалью «За отвагу» участники комсомольского подполья поселка Клетня, Брянской области, Зина Ломакова, Ульяна Володина, Адольф Прудников, Василий Мосин, Михаил Женжиков.

Они были представлены к награде по материалам юных историков клетнянской школы № 2.

По предложению ребят три лучших улицы поселка названы именами Героев Советского Союза Н. В. Можаева, П. Н. Пятницкого и комсомолки-подпольщицы Зины Ломаковой.

● Каждое лето в Артеке проходят соревнования радиолис.

● Телевизионный клуб «Светлячок» организован в Перми при детской экскурсионно-туристской станции.

Краеведы, туристы, любители природы, красные следопыты каждую неделю собираются в своем клубе. Программу вечера составляют сами ребята. Здесь они рассказывают о своей работе, читают стихи, исполняют забавные сценки, разучивают туристские песни.

«Светлячок» — любимая передача пермских школьников.

● Маршрут похода — подземелье. Участники похода — пионеры 713-й московской школы.

Страшно ползти в темноте по узкому, извилистому лазу, пробираться лабиринтами подземных ходов, но как иначе разгадать тайны старых каменоломен?

Старые, заброшенные каменоломни на высоком берегу реки Пахры... Еще при Дмитрии Донском добывали здесь известняк, из него строили белокаменные стены Московского Кремля.

НУЖНОЕ

Прошли столетия. Обрушились входы каменоломен, обвалы разрушили своды. Поход в каменоломни — необычный поход. Это научная экспедиция. Руководил ею спелеолог, действительный член географического общества СССР Игорь Юрьевич Прокофьев.

● Две московские школы — 63-я и 80-я — получили ценный подарок: комплект мебели для пионерской комнаты. Легкие стеллажи для книг, полированные столики... Кто же подарил школам эту красивую, удобную мебель? Завод? Фабрика? Шефы? Ничего подобного. Мебель сделали сами ребята в школьных столярных мастерских.

Спешите! Скоро карнавал

Чтобы твой карнавальный костюм получился удачным и всем понравился, нужно знать несколько нехитрых правил.

Первое правило. По костюму твои товарищи должны легко понять, кого ты изображаешь. Поэтому не перегружай костюм мелочами. Выдели самые характерные детали — пусть они сразу бросаются в глаза. Если ты художник, тебе необходимы большие кисти и палитра, если ты врач,— белый халат, если повар,— самое главное — поварская шапочка и поварешка.

Правило второе. Основой для костюма пусть станет твоя одежда: тренировочный костюм, майка, ночная сорочка. Все остальное можно сделать из цветной бумаги, картона, разноцветных платков, лент, листьев. Еще нужны цветные карандаши, акварельные краски или гуашь.

Правило третье. В карнавале участвует много ребят, и не обязательно выдумывать каждому «свой» костюм. Пусть одна компания станет бригадой строителей, другая — моряками или группой туристов-мексиканцев. Так вы скорее и проще подготовитесь к карнавалу.

На вклейке ты видишь двенадцать карнавальных костюмов. Их легко сделать в лагере, где трудно и некогда заниматься сложными костюмами.

1 и 2. Старик и старуха из сказки «Золотая рыбка». Эти костюмы хорошо смотрятся вместе. Поэтому постарайтесь на карнавале держаться рядом. Где взять длинный сарафан для старухи? Его легко сделать из ночной сорочки. Бороду старику сделай из куска бумаги. Бумагу нужно разрезать на мелкие полоски, а концы полосок закрутить на карандаше. Привязать бороду можно веревочкой или ленточкой, продернув ее в один из краев бороды.

3 и 4. Оловянный солдатик и танцовщица. Это тоже неразлучная пара. Солдат может быть много, ведь в сказке их было двадцать пять! Темные брюки, футболка с широким поясом и большой пряжкой из желтой или золотой бумаги станут прекрасным мундиром. Украшения на пиджаке, высокий цветной воротник, высокую шапку с козырьком и шпагу можно соорудить из картона. Танцовщица одета в белую майку и трусики. Широкие воланы из креповой бумаги.

5. Цветочница. Возьми нарядное платье, чуть-чуть подними юбку, из-под которой видны рюши из креповой бумаги. Бумажные цветы прикреплены к платью и шляпе, много цветов у цветочницы в корзине.

6. Клоун или смешной путешественник. Попроси темный костюм у мальчика, который меньше тебя ростом. Пиджак не застегивается, и виден белый жилет из картона. Большой бант из ткани или бумаги. Пестрые носки, большие ботинки.

7. Маляр одет в полукомбинезон. Основные детали костюма — большая кисть (ее можно сделать из мелко разрезанной бумаги) и шапка из газеты.

8. Для костюма матроса нужна майка в широкую полоску (полоски можно сделать из бумаги), белые или темные брюки и шапка с помпоном. Если моряков несколько, их костюмы и шапки могут быть разного цвета. Широкий ремень с золотой пряжкой — из картона. Можешь смастерить себе трубку.

9. Повар на корабле — тоже в тельняшке. Повару совершенно необходим белый фартук, высокая шапка (из картона и креповой бумаги) и поварешка.

10. Гаврош одет в брюки с яркими заплатками. Как сделать заплаты? Пришей к брюкам крупной строчкой разные носовые платки.

11. Цыганка одета в яркий пуловер. У нее несколько пестрых юбок. Подпоясана она большим пестрым платком с длинной бахромой. Черные волосы очень просто сделать из креповой бумаги. В волосах большой цветок.

12. Для костюма мексиканца главное — сомбреро из картонной бумаги и накидка из двух одинаковых полотенец в полоску.

Л. КОЗЕНКРАНИУС

Почта

И опять нос его засветился!

КАК ЛОВИТЬ РЫБУ?

(Рассуждения двух мальчиков возле реки)

— Сначала, я думаю,— говорил первый мальчик,— надо выучить червяка плавать, и, когда он поплывет, а рыба за ним погонится, в это-то время и надо ее поддеть каким-нибудь крючком.

— Ага, и я так же думаю,— согласился второй мальчик. Они стали пробовать учить червяка плавать. Один червяк попался им, видно, очень уж умный и шустрый. Он сразу же научился плавать, взял да и уплыл прочь, но никакая рыба за ним не погналась. Другой червяк — рыба за ним тоже не погналась, но и сам он оказался какой-то квелый, плыть не смог и сразу же утонул.

— Может, тут и река вовсе не рыбная,— сказал первый.

— И я тоже так думаю,— согласился второй.

— Тогда давай будем ловить раков! — предложил первый.

— Во! И я только что про них подумал,— сказал второй.

Сидит Смехотроша за пишущей машинкой, перебирает свое хозяйство, работает. Глазами читает, пальцами печатает. Вспыхивает от удовольствия красная носовая лампочка, а от неудовольствия гаснет.

Вот вспыхнула лампочка. Смехотрон читает:

— Папа, можно я себе заведу собаку? А кошку? А белую мышку? А птицу? Ну, тогда можно, я заведу себе ученую муху?

— Печальная история, — сказал Смехотрон со вздохом,— даже жалко мне стало этого мальчика, он и на муху согласен, бедняга...

Снова вспыхнула лампочка.

— Доченька,— говорит одна мама,— а умывалась ли ты сегодня?

— Нет, сегодня не моя очередь...

— Как так?

— А мы с Вовкой договорились, чтобы время экономить. Один день он за двоих умывается, другой — я.

— Может быть, вы и завтракать будете так же, по очереди?

— Нет, завтракать — нет!

— Ну, тогда бегом мыться!

— Это смешно! — сказал Смехотрон,— просто обхохочешься!

Течет большая речка. Возле речки стоит маленькое корыто с водой. В реке все ребята. В корыте один грустный мальчик по имени Петя. Ему кричат из реки:

— Ты почему это, Петя, в корыте? Зачем?

— Да это мы с мамой боимся, как бы я не утонул...

Смехотрон сказал:

— Ну, за такого растяпу я бы тоже боялся. Пусть в корыте сидит.

— Уважаемый Смехотрон, скажите, как стать сильным?

— Очень просто. Собирай макулатуру — разовьешь мускулатуру!

Тут носик заалел поярче.

— Почему, ты говоришь, Робинзону было скучно на острове?

— Да потому, что ни приемника у него не было, ни телевизора!

Смехотрона

Еще поярче стал носик.

Открыл мальчик двери гостям, задержал их и бегом к маме-папе.

— Мама, гости пришли. Как им сказать: вы в кино с папой ушли или в театр?

— Вот вруны-то, а! — сказал Смехотрон сердито. — Все вместе, целая семья сплошных врунов. Это очень полезная, калорийная смешинка!

И вдруг так и засиял Смехотрошин нос, так и запылал.

Сели за стол есть компот мама, папа и дочка, которая этот компот и сварила. Папа попробовал, вздрогнул и на маму поглядел. Мама попробовала, вздрогнула и на дочку смотрит и спрашивает:

— А ты мыла фрукты перед тем, как варить?

— Мыла, мамочка. Даже с мылом! А что?

Смехотрон так развеселился, что чуть было не прозевал смешинку в стихах.

— Отчего бы это, Петя:
было пять конфет в буфете,
а осталась лишь одна?
— Оттого, — ответил Петя, —
что ее я не заметил...
Вот тебе и на!

— Просто прекрасный, оказывается, у меня запас, — сказал сам себе Смехотрон, — с таким запасом вкусных и питательных смешинок я могу отправляться в любое путешествие и с голоду не помру и энергии ЧИ хватит хоть до Марса и обратно. Ну-ка, что там еще у нас есть?

— Хорошо быть отличником? — спросил один мальчик у другого.

— Не знаю, не пробовал, — ответил тот.

А Смехотрон сказал:

— Это мне что-то не нравится. Нашел чем гордиться. Я вот когда в школе роботов учился, так всегда шел впереди других роботов по всем предметам. Потому-то и стоят они теперь: кто автоматом для воды, кто светофором, некоторые даже в электрокипятильники попали, и у них внутри варится кофе или, еще обиднее, сосиски. А я в журнале работаю, мне дети со всего Союза письма пишут, я...

Тут Смехотрон немножко расхвастался и совершенно не заметил, что энергия ЧИ от хвастовства тем временем иссякла. Голос его звучал все тише, лампочка на носу блекла, в ручках и в ножках не было уже прежней силы. Дело дошло до того, что пришлось нам вслух читать ему смешинки только для того, чтобы он мог добраться до своего места в шкафу...

— Что надо, чтобы найти сумму двух чисел?

— Надо обратиться в стол находок!

— Ну вот! Я так и знала, что ваша игра кончится синяками.

— Вот ты, мама, какая! Заранее знала и ничего мне не сказала!

На этих двух смешинках Смехотроша кое-как доковылял до своего шкафа, улегся и затворился и на наши расспросы не отвечал.

Ничего, ладно, решили мы, вот сейчас разойдемся все по домам, а он тут побудет, в редакции. Пусть подумает, пусть побудет один. Ему стыдно, а за ночь и стыд немножко пройдет, да и новую почту принесут, свеженькую, с вопросами и смешинками. Ничего. Спокойной ночи, милый Смехотроша. Завтра мы с тобой снова увидимся.

Геннадий **СНЕГИРЕВ**

Фото Ю. **МУРАВИНА.**

Зимой белыми сугробами торчат Командорские острова в океане. А в июле...

На отвесных скалах — птичьи базары. Кайры вывели птенцов. Птенцы, легкие, как одуванчики, прыгают со скал в океан, размахивая крылыш-

ИЮЛЬ НА КОМАНДОРАХ

ками. Кайры летят кормиться далеко от берегов. Будут нырять, ловить рыбешек. Надеятся сами и птенчикам принесут: те еще не умеют глубоко нырять, их выталкивает наверх, как пушинки.

Раз в год, летом, приплывают с южных морей к островам котики. На лежбищах они выводят «котят».

Котиков многие тысячи, и у каждой мамаши «котенок». Как они находят тут своих мам? Правда, бывает, что «котенок» потеряется в скалах, тогда он громко ревет, и мама его находит.

Но вот и «котенок» подрос, и ему пора привыкать к холодному морю. Он боится, ревет. А мамаша загоняет его в воду. Ничего, скоро привыкнет, тогда ему так понравится плавать, кувыркаться в воде, что и не загонишь на берег.

НЕСКУЧАЙКА

КЛЕТКИ С КРОЛИКАМИ

Во дворе школы стояли в ряд три большие клетки с кроликами, окрашенные в разные цвета: в красный, желтый и зеленый. Не так уж важно, почему школьники сделали их разноцветными, важно другое: в зеленой клетке кроликов было вдвое больше, чем в желтой. Но вот однажды на кроличьем дворе произошли большие перемены: из левой клетки взяли пять кроликов в пионерский лагерь для живого уголка, а ровно половину оставшихся перевели в красную клетку.

Вам не угадать, конечно, сколько кроликов осталось в левой клетке, но зато вы можете точно определить, какого она была цвета.

ПРОВЕРЬ СВОЙ ГЛАЗОМЕР

Вот ряд цифр, набранных мелким шрифтом:

1234567890987654321234567890987654321

Попробуй определить на глаз, сколько цифр в этой строке можно закрыть копейкой, а сколько пятаком.

НОМЕР ТРЕТЬЕГО ВАГОНА

В поезде один пассажир сказал другому:

— Известно ли вам, что номера трех вагонов в нашем составе, в том числе и номер вагона, в котором мы с вами находимся, представляют собою любопытные четырехзначные числа?

— Чем же они примечательны? — поинтересовался его спутник.— Что, например, любопытного в номере нашего вагона —4356?

— Он обладает теми же оригинальными свойствами, что и номер соседнего с нами вагона—3267.

— Гм... И то и другое число делится на 3. Кроме того, сумма цифр в каждом из них равна 18.

— Верно. Но не только это. Присмотритесь внимательно к обоим числам. Не найдете ли вы в них еще нечто общее, что выделяет их из других четырехзначных чисел и что позволит вам без труда определить номер третьего из упомянутых мною вагонов?

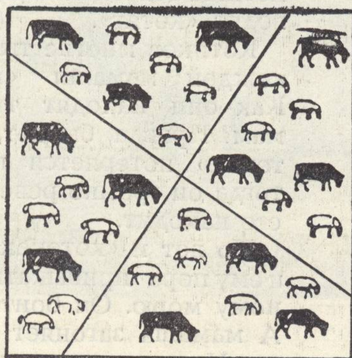
Как уже говорилось, это тоже четырехзначное число, обладающее теми же любопытными свойствами, причем последняя цифра в нем 2.

Более наблюдательные из наших читателей, вероятно, уже догадались, как узнать номер третьего вагона, не прибегая к вычислениям.

ОТВЕТЫ на задачи, ПОМЕЩЕННЫЕ В №№ 5, 6

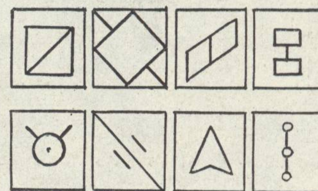
НА ПАСТБИЩЕ

ТРИ ПОДРУЖКИ

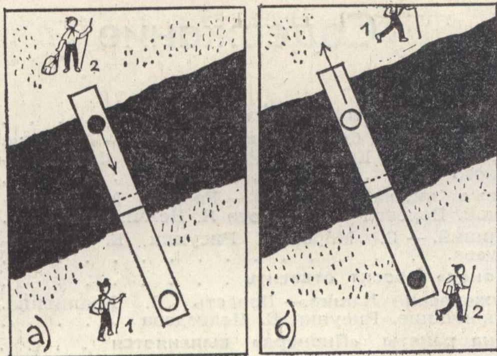
Галя Соколова — лыжи и плавание, Зина Соколова — лыжи и гимнастика, Галя Сафонова — плавание и гимнастика.

ЗНАКИ-БЛИЗНЕЦЫ

У ПЕРЕПРАВЫ

Две доски, составленные так, как показано на рисунках, создают вполне устойчивое сооружение для переправы. Одна из досок (та, что лежит на берегу и только конец ее выступает над водой) служит опорой для другой доски, перекинутой с противоположного берега, и представляет собою простейший рычаг первого рода. Пока один путник переходит по доске над водой, другой должен стоять на доске, положенной на берегу, весом своим уравновешивая тяжесть путника, переходящего

через речку. Затем они поменяются ролями, и переправа будет благополучно завершена для обоих.

КТО ЗААРКАНИЛ КОНЯ?

Коня заарканил крайний справа ковбой.

КАК ДОСТАТЬ МЯЧ

Надо попросить женщину, поливающую деревья, пустить струю воды на вазу, наполнив ее до краев. Когда мяч всплывет, его легко сбить водяной струей.

КРЮК В 400 КИЛОМЕТРОВ

Река Свияга. В верховьях, возле Ульяновска, она протекает в трех километрах от Волги. Свияга течет почти параллельно Волге, но в обратном направлении — с юга на север — и впадает в нее выше Казани.

ЗАЩИТИТЬ САД И ОГОРОД

С теплых весенних дней и до поздней осени зеленым обитателям садов и огородов угрожают враги: жуки, личинки, гусеницы, тли, клещи атакуют — кто листья, кто нежные цветки и бутоны, кто корни, кто молодые побеги. Как защитить растения, как победить их врагов?

Самое сильное оружие против вредителей — ядовитые вещества. Обращаться с ними надо умело, только под руководством взрослых — учителя или агронома. Но и ребята могут сделать много полезного для сада и огорода. Вот некоторые советы:

1. Обнаружили яйцекладки — счищайте их с ветвей и стволов деревьев. На листьях овощей яйцекладки, молодых гусениц и личинок нужно раздавливать, пока они держатся вместе.

2. Разложите под деревом специальные щиты или подстилки и на них стряхивайте долгоносиков, хрущей, оленок и других жуков. То же и на огороде: там можно собирать жуков прямо руками.

3. Безжалостно уничтожайте сорняки. Быстро убирайте падалицу, опавшие листья, гнезда насекомых, поврежденные растения.

4. Накладывайте на деревья ловчие пояса.

5. Под кронами деревьев время от времени перекапывайте почву.

6. Опрыскивайте ветви деревьев четырехпроцентным раствором хозяйственного мыла.

Запомни, чтобы сразу узнать!

На таблице — наиболее распространенные вредители и болезни растений сада и огорода.

1. **Капустница, или капустная белянка.** Это насекомое известно еще под именем капустного червя, бабочки-белянки, червя капустницы, большой капустницы и др.

Бабочки откладывают яйца кучками на нижнюю сторону листьев белокочанной и цветной капусты. Молодые гусеницы (1-б) скоблят мякоть листа, взрослые съедают всю ткань листа. Повреждают капусту, брюкву, репу, редис, горчицу. 1-в — куколка.

2. **Крестоцветные, или огородные блошки.** Если сделать из липкой бумаги «флажок», на него можно собрать много этих жуков-прыгунов, особенно возле рассады капусты. Это наиболее опасные враги семейства крестоцветных. В зависимости от особенностей внешнего вида различаются выемчатая (слева), светлоногая (в середине), синяя (справа) крестоцветные блошки. А личинки (2-б), яйца и куколки у этих видов внешне одинаковые.

Блошки соскабливают с листа верхний слой ткани, кроме листьев, повреждают цветоножки, реже — бутоны, цветы и стручки. После массового нашествия блошек рост растения задерживается, края объеденных листьев засыхают, и растение погибает.

3. **Капустная моль.** Гусеница (3-б) повреждает крестоцветные растения, выгрызает окошечки на листовой пластинке (3-д).

4. **Гороховая зерновка.** Янтарно-желтые яички (4-а) самки откладывают на молодые стручки. Личинки (4-б) проникают внутрь семян. В одной горошине может развиваться только одна личинка, там же она превращается в куколку (4-в). Масса жуков (4-д) остается зимовать в семенах гороха на складах, а некоторые в падалице.

5. **Яблонная плодожорка.** Это один из самых опасных вредителей сада. Гусеница (5-б) проникает в мякоть плода, выедает в нем семена и переселяется на другой. Поврежденные плоды (5-д) опадают, гусеницы выходят на окукливание на стволах деревьев, в трещинах коры. Вылетевшие бабочки откладывают яйца, по одному на листьях, реже на плодах.

6. **Древесница пахучая.** На рисунке — бабочка. Ее гусеница повреждает плодовые и многие лиственные деревья (изображена на 4-й странице обложки в № 6).

7. **Яблонный цветоед, или долгоносик.** Самка жука прогрызает круглую дырочку в еще не раскрывшемся бутоне и откладывает туда яйцо. Вышедшая из яйца личинка (7-б) живет в бутоне, питается тычинками и пестиками. Бутон погибает (7-д). Жуки повреждают почки, бутоны, листья и плоды яблони и груши.

8. **Бронзовка зеленая.** Жук повреждает плодовые деревья, розы, мак. Питается он еще и цветами сирени, объедает молодые побеги.

9. **Казарка.** Как и у яблонного цветоеда, головка этого жука вытянута в хоботок. Поэтому их еще называют слониками и долгоносиками.

Самка выгрызает в плоде углубление-камеру (9-д) и откладывает в нее одно яйцо. Как правило, оно бывает заражено плодовой гнилью, так как на теле самки всегда есть споры этой грибковой болезни. Личинка питается загнивающей тканью плода. Только одна самка-казарка откладывает двести — триста яиц, а это означает, что она одна губит столько же плодов яблони, сливы, абрикосов.

10. **Совка капустная.** Гусеницы этой бабочки повреждают капусту, свеклу, горох, лук, коноплю, подсолнечник и др. Гусеницы, вышедшие из яиц, сначала держатся вместе, а потом расползаются по всему растению, питаясь листьями и выгрызая в них округло-продолговатые отверстия.

11. **Яблонная моль.** Моль повреждает листья яблони, образует паутинные гнезда (11-д), в которых на рисунке хорошо видны гусеницы (11-б) и коконы (11-г). Иногда гусеницы догола объедают листья с дерева. Погибает урожай этого года, и дерево уже не может заложить достаточно плодовых почек на урожай будущего года. Бабочки откладывают яйца на кору побегов.

12. **Пяденица крыжовниковая.** Гусеницы (12-б) питаются листьями крыжовника, смородины. Бабочки откладывают яйца на листьях, там гусеницы живут, питаются и остаются на зимовку.

13. **Хрущ мраморный июльский.** Личинки этого жука повреждают корни плодовых деревьев и кустарников.

14. **Пяденица-обдирало.** Самцы этой бабочки летают осенью, а бескрылые самки вползают на деревья и откладывают яйца на кору стволов и ветки. Яйца зимуют. Весной гусеницы питаются почками и листьями плодовых деревьев.

15. **Букарка, или листовой слоник.** Самки жука, прогрызая отверстие, откладывают яйца в черешок или в проеденную жилку листа яблони, груши, сливы. Личинки питаются тканью листа, выгрызая ходы в черешках и жилках листа (15-д). В результате — массовое осыпание листьев и завязи.

16. **Хрущак садовый.** Жуки питаются листьями деревьев и завязями плодов, а личинки — корнями растений.

17. **Вишневый долгоносик.** Самка прогрызает в мякоти плода вишни, черешни и других косточковых пород отверстие до самой косточки, откладывая туда одно яйцо (17-а). Всего она откладывает 150 яиц. Отложив яйцо, жук заделывает отверстие огрызками и вокруг него выгрызает кольцевой желобок (17-д). Личинки живут внутри косточки, питаясь ее ядром.

18. **Совка малинная.** Гусеница этой бабочки повреждает малину и другие ягоды.

19. **Парша яблони и груши.** Это наиболее опасная грибковая болезнь плодовых деревьев. Весной на молодые листья и плоды попадают весенние грибковые споры, прорастая в здоровую ткань. Там развивается грибница, выделяя на поверхность листьев и плодов летние споры — конидии. На рисунке 19″ — споры под микроскопом. Они заражают растения в течение лета. На листьях образуются пятна, покрытые бархатным налетом, а на плодах еще и трещины. Такие плоды опадают, кора у пораженных деревьев шелушится, а ветви часто засыхают.

19′ — плодовые тела грибков перетеции (под микроскопом), которые зимуют на опавших листьях в виде черных точек, а у груши под корой дерева.

20. **Плодовая гниль.** Это тоже грибковая болезнь многих плодовых деревьев. Грибница зимует в плодах. Весной на их поверхности появляются сероватые подушечки-грибницы и цепочки спор конидий (20′). Их разносит ветер, дождь, насекомые. Попав на плоды, уже поврежденные вредными насекомыми, споры прорастают. Грибница постепенно пронизывает всю ткань плода, вызывая гниение. Нередко погибает значительная часть урожая.

Содержание

Главный редактор **Н. В. ИЛЬИНА.**
Художественный редактор **П. И. Кузьмичев.**

Редакционная коллегия: **Т. В. Голубцова, В. А. Каверин, Л. А. Кассиль, Е. Л. Коваленко** (ответственный секретарь), **Ф. В. Лемкуль, В. Ф. Матвеев** (заместитель главного редактора), **А. И. Мошковский, А. И. Мусатов, А. С. Некрасов, В. И. Орлов, В. А. Поддубная, М. П. Прилежаева.**

Адрес редакции: **Москва, А-15, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.** Телефон Д 3-30-73.

Рукописи не возвращаются. Технический редактор **В. Пархоменко.**

А 10625. Подписано к печати 25/VI 1966 г. Форм. бум. 84×108 1/16. Объем 5,25 физ. печ. л.
8,82 усл. п. л. Тираж 650 000 экз. Изд. № 1209. Заказ № 1695.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ЛЕТНИЕ ЗАБОТЫ САДОВОДА

Школьники, пионеры! У вас сейчас каникулы, а у плодовых деревьев нет каникул, у них самая горячая пора. В середине лета — в июле — идет рост деревьев и начинается закладка цветочных почек для урожая будущего года.

Рыхлите почву на приствольных кругах и в междурядьях через каждые 10—15 дней, особенно после сильных дождей и полива, рыхлите мотыгой или культиватором. Рыхление уничтожает сорняки, разрушает корку на почве и тем сохраняет влагу и улучшает доступ воздуха к корням.

Если почва сухая, поливайте сад. Поливать надо обильно, чтобы промочить почву на глубину до 80—100 сантиметров. Для этого требуется 5—7 ведер воды на каждый квадратный метр почвы.

Деревья, особенно с хорошим урожаем, подкормите органическими удобрениями: навозной жижей или птичьим пометом. Одну часть удобрения разведите в десяти частях воды. Из минеральных удобрений для подкормки берут азотные удобрения—аммиачную селитру или мочевину—из расчета 10—15 граммов на квадратный метр почвы. При влажной погоде минеральные удобрения можно разбросать по участку и заделать их при рыхлении; при сухой погоде обязательно надо развести в воде.

Боритесь с вредителями. Собирайте вредителей руками (яблоневую моль и др.), накладывайте ловчие пояса из бумаги или старой мешковины на стволы деревьев, а при массовом появлении вредителей сигнализируйте об опасности, попросите взрослых опылить ваш сад ядохимикатами.

Ребята! Помогите деревьям, и они отблагодарят вас богатым урожаем.

Всероссийское общество охраны природы.

Цена 25 коп. Индекс 70694.

В прошлом номере мы нарисовали на этой странице врагов леса. Сейчас перед тобой вредители сада и огорода. Рассмотри их внимательно и прочитай о них в журнале.